

Сергей Анатольевич Артюхин
На прорыв времени! Российский спецназ против
гитлеровцев

«Сергей Артюхин. На прорыв времени! Российский спецназ против гитлеровцев»:
Яуза, Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-45597-3

Аннотация

На что способны две бригады российского спецназа, перенесенные в июнь 1941 года и оказавшиеся на направлении главного удара гитлеровцев? Готовы ли солдаты XXI века встать плечом к плечу с прадедами? Смогут ли они остановить танковые клинья Вермахта? Изменят ли ход Великой Отечественной войны и судьбу Родины?

Новое слово в жанре альтернативной истории! Российский спецназ против танкистов Гудериана! Новейшие беспилотники и боевые вертолеты Ка-52 «Аллигатор» против «мессеров» и «юнкерсов»! Реактивные системы залпового огня «Смерч» против немецких «панцеров» и «ганомаров»! Автоматы Калашникова против винтовок Маузера и пулеметов MG-34! Русские идут на прорыв времени!

Сергей Артюхин
На прорыв времени!
Российский спецназ против гитлеровцев

21 июня 2021 года

— Господин президент?

Сидящий в кожаном кресле пожилой мужчина даже не повернул головы, продолжая смотреть в окно. Но все же отреагировал на вопрос, коротко бросив через несколько секунд молчания:

— Слушаю.

Вошедший замялся и, что-то невнятно пробормотав, стряхнул с генеральских погон невидимую пылинку.

— Проблемы? — переспросил хозяин кабинета совсем другим тоном, в котором абсолютное спокойствие смешалось с ледяной беспощадностью.

— Да, товарищ Главнокомандующий, — собравшись с духом, выпалил генерал.

Это сообщение вызвало, наконец, реакцию. Плавное поворачивание головы, президент смерил вошедшего взглядом, от которого явственно потянуло холодом.

— Насколько плохо? — вопрос прозвучал почти утвердительно.

— Худший вариант неизбежен, — вошедший виновато развел руками.

— И когда это стало известно?

— Только что пришло последнее подтверждение. Звонок я получил уже направляясь к Вам.

— Это абсолютно точно, что они готовят удар?

— Да. Противник не собирается идти на компромисс. Вероятность неправильной оценки нами ситуации в этот раз фактически неотличима от нуля, — после этой фразы человек в форме расправил плечи и, твердо посмотрев в голубые глаза Главнокомандующего, произнес:

— Я считаю, что мы должны атаковать уже сейчас. Другого шанса не будет, господин президент.

— Значит, они все-таки решились, — устало пробормотал один из самых влиятельных людей на Земле. Затем, после недолгого молчания, неожиданно спросил:

— А проект «Барьер» готов?

— Боюсь, что нет, — министр обороны, а вошедший в главный кабинет страны был именно им, отрицательно покачал головой.

— Насколько не готов? На двадцать процентов? На тридцать? На пять?

— Все эти штуки с плазмой ни разу не испытывались против множественных целей, тем более последних модификаций крылатых ракет противника. И у нас нет никаких гарантий результата...

— В этом мире никто не дает гарантий, товарищ генерал. Нам нужен хотя бы один, слышите — один! — президент стукнул кулаком по подлокотнику, — завалящий шанс. Плевать, что не испытывали. Испытаем в бою. Разворачивайте систему.

— Есть еще одна проблема, — после этих слов человек в кресле удивленно вскинул голову.

— Мы не успеваем, не так ли? — в голосе главы государства явственно послышалась угроза.

— Вертолет готов. Бункер тоже и... — генерал не договорил, но смысл фразы был вполне понятен.

— Да я не про себя, — все тем же тоном высказался президент, — я про «Барьер».

— Система ПРО вместе с «Барьером» будут развернуты в течение пары часов, товарищ Главнокомандующий. Правда, тут еще такая штука...

— Штука? — лидера крупнейшего государства планеты не устраивали подобные фразочки в ситуации приближающегося Армагеддона.

Где-то минуту министр обороны что-то обдумывал. И, наконец, уверенно произнес:

— Третий фокус так и не настроили.

— И где он?

— Где-то в Южной Америке. Точнее рассчитать не успели.

Глава государства минуту молчал, явно что-то для себя решая. А затем просто сказал:

— Не имеет значения. Если сработает, защитим Венесуэльских друзей. А если нет... все это будет уже не важно. В любом случае, мы не можем отказаться, — и после секундной паузы президент Российской Федерации приказал министру обороны:

— Отправьте в войска красный пакет, включайте «Барьер» и готовьте свой чемоданчик, товарищ генерал армии, — и так и не вставший из кресла хозяин кабинета тихо добавил, уже

больше для себя, чем для кого-либо еще:

— Если нам суждено умереть, то мы утащим этих ублюдков за собой.

Побледневший военачальник стремительно вышел из кабинета.

21 июня 2021 года

Расположение 21-ой Особой усиленной бригады СВ РФ

Только что закончившееся совещание штаба бригады, с участием генерала армии Ледникова и трех сопровождавших его офицеров, прибывших утром из Москвы для осуществления оперативного руководства «учениями», не слишком радовало. Назревающий конфликт грозил перерасти в Третью Мировую Войну, что не могло поднимать настроение нормальному человеку.

Большинство офицеров уже покинули помещение — остались только командующий бригадой генерал Веткач, начальник его штаба Кормильцев и начальник тыла.

— Полковник, — обратился комбриг к тыловику. — Что у нас с приемкой последних грузов?

— Как раз сейчас должны последний состав втаскивать на территорию складов. Гражданских, что привез с собой Ледников, разместили в одной казарме с вертолетчиками, на довольствие поставили. С утра им уже наметили задачи, чтобы привезенные сверхштатные БПЛА по готовности как можно быстрее догоняли маршевые колонны. Сложнее будет с горючим, наш полевой склад ГСМ забит по завязку, все три тысячи кубов, — офицер пожал плечами. — Так что будем заправщики и цистерны наполнять прямо из «бочек»¹. С остальным проблем не вижу, все по планам.

— Хоро... — договорить генерал не успел.

Что и в какой последовательности происходило в следующие несколько секунд, не смог достоверно вспомнить ни один из наблюдателей. Яркое, совершенно ни на что не похожее, свечение за окнами штаба сменило южную ночь. То ли одновременно, то ли с секундной разницей в любую сторону, на подстанции, находившейся метрах в трехстах за зданием штаба, засверкали искры, исчезнувшие, впрочем, так же быстро, как и свечение. На выключившиеся лампы в комнате офицеры обратили внимание не сразу, так как ночная темнота вокруг сменилась рассветом!

И почти сразу из расположения складов и разгрузочного терминала донесся непрерывный загроможденный гудок маневрового тепловоза, совершенно не похожий на обычные сигналы, которые используют железнодорожники. Меньше, чем через минуту, гудок прекратился. Других ярко выраженных шумовых эффектов у внезапной иллюминации не было. Да и ничто другое не указывало на какое-либо ЧП.

— Что за нах?! — Веткач не обращался к кому-то конкретно, одновременно пробуя включить настольную лампу. Она не включалась! Комбриг поднял взгляд на своего начштаба, как будто тот имел отношение к работе бытовых систем.

Но, как оказалось, люди, отвечавшие за работу этих самых систем, тянули службу вполне компетентно. В нескольких местах военного городка послышался приглушенный гул аварийных генераторов, включилось освещение, хотя утреннее солнце позволяло уже обойтись без него.

— Максимыч, позвони на терминал, узнай, что у них там случилось, — приказал генерал начальнику тыла. — А ты, — повернулся Веткач к начштаба, — быстренько на узел связи заскочи, пусть держат ушки на макушке, и селекторную связь со мной пусть поддерживают. Потом к Ледникову — он, наверное, еще даже форму перед сном не успел снять. Попроси вернуться сюда, чувствую, одним фейерверком тут не обошлось, на часах почти двадцать три, а глянь, что за окном творится! Может, он чего-то нам на совещании не

---

¹ Ж/д сленг, наливной подвижной состав.

сказал.

Один из полковников молча откозырял и вышел из комнаты, второй взялся за телефонную трубку. Ответили ему очень быстро.

— Что? Как отрезало «бочку»? И пути пропали?! Да что у тебя там творится, лейтенант?

— Остынь, Максимыч, лучше пусть попробует разобраться на месте подробнее, и потом уже с докладом сюда! — комбриг сам поднял трубку прямой связи с ответственным дежурным по бригаде. — Объявляйте срочный сбор офицеров по тревоге, остальной личный состав, кроме нарядов и отдыхающих смен, пока не трогайте. Пусть прибывают в расположение своих подразделений и ждут дальнейших распоряжений, выполняйте!

Затем нажал на мигающую клавишу пульта селекторной связи.

— Веткач, понял, соединяйте, только сначала скажите, как там с Москвой? Продолжайте вызывать постоянно! — Переключил канал на нового абонента. — Что у тебя, Лисов?

— Товарищ генерал, у меня... в общем, как сказать, один из сержантов — Кирин — проверил нашу систему позиционирования. И вот что выяснилось: если спутниковая отрубилась — связи нет и все, то инерциальная работает. Но не это важно, в общем, инерциалка показывает какое-то сумасшествие — будто мы в Европе.

— Что??!! — комбриг мгновенно облился холодным потом. Это... это кошмар! Боеготовое соединение фактически вторглось на территорию НАТО! Долбаный повод для начала всемирной бойни... Но ведь этого же не может быть, потому что не может быть никогда?!

Больше времени на размышления у Веткача не осталось. Распахнулась дверь, и в кабинет стремительно вошел похожий на разбуженного медведя генерал армии Ледников в сопровождении начштаба и одного из своих офицеров.

Отмахнувшись от попытки генерала, так и державшего в руках телефонную трубку, начать доклад, он прошел сразу к столу.

— Полковник кратко уже сообщил мне о феноменах, да я и сам свечение, мать его, видел, перебои со светом тоже. Кто у тебя на связи и о чем докладывает?

— Подожди, Лисов, не отключайся. Впрочем, отставить, лучше садись в машину и приезжай в оперцентр! Жду! — Веткач положил трубку. — Лаврентий (оба генерала знали друг друга давно, еще со времен учебы в военном институте, поэтому, несмотря на разницу в должностях, в достаточно узком кругу общались без лишних церемоний), тут такое дело... — он замаялся. — Звонил командир приданной нам роты СпН, майор Лисов. Его ребята попытались определиться с нашими координатами, через инерциалку, так у них входит, что мы в Европе! Сам понимаешь, если это так, то лучшего повода для наших «заклятых друзей» начать заварушку по-взрослому и не найти!

Ледников, сразу как-то осунувшийся, сел в кресло комбрига. Несколько минут в кабинете стояла мертвая тишина. Веткач подумал, что у его однокашника действительно есть какая-то дополнительная информация, не зря он последнее время не маршировал по коврам и паркетам Министерства обороны, а занимался, кроме непосредственных обязанностей, еще и какими-то научными разработками.

Не сам, конечно, а по прямому приказу президента курировал в одном из институтов весьма серьезный и секретный проект. Простое сообщение о весьма вероятном столкновении с войсками НАТО не могло так на него подействовать, да и знали они оба, что рано или поздно такое должно было случиться. Вон, все сегодняшнее совещание было этому посвящено. Тут что-то другое. Ладно, что сейчас об этом голову ломать, будет нужно, старый однокашник поделится.

За окнами уже ничего не напоминало картинку часовой давности. Рассвет вступал в свои права, через площадь перед штабом, быстро, но без лишней суеты, пробегали в разных направления офицеры, спешащие на свои места.

— Ты дал команду всем дежурным службам собрать сведения о произошедшем? —

встряхнувшись, Ледников встал из-за стола, жестом пригласив Веткача на его рабочее место. От его подавленного настроения не осталось и следа. Теперь это опять был решительный офицер, готовый ставить самые трудные задачи своим подчиненным и добиваться их выполнения.

— Не успел. Сейчас поднимают офицеров, они должны прибыть в свои подразделения.

— Тогда делаем так... Общее командование бригадами принимаю на себя! Устанавливай связь с бригадой Соломенцева, если это возможно, всем службам выяснить обстановку в рамках своих возможностей, а через полчаса собирай командиров подразделений в комнате оперативного планирования. Подними по тревоге техническую разведку, пусть высылают БПЛА, слушают эфир на всех возможных частотах, заодно надо уточнить наши действительные координаты. Чем раньше разберемся в обстановке, тем быстрее пойдем, продолжаем «учения», или перекраиваем все с нуля!

Начштаба! — Ледников начал сыпать приказами словно уже был в гуще боя. — Обеспечьте подготовку к работе оперативных планшетов и селекторной связи с удаленными абонентами во время совещания. Возьмите в помощь моего майора.

— Есть, тащгенармии!

Пока комбриг давал необходимые приказы, новый командир только что созданной группировки отошел к окну. Не обращая внимания на происходящее за ним, вспоминал те несколько минут после прибытия в расположение бригады. Едва он успел принять рапорт Веткача, как прибежавший посыльный пригласил его в комнату ЗАС. Полученная шифрограмма оказалась не так уж совсем неожиданной, но, как это обычно и бывает в таких случаях, совершенно не вовремя! На последовавшем за этим совещании Ледникову постоянно приходилось заставлять себя не отвлекаться и внимательно следить за ходом обсуждения стоящих перед бригадами задач. И не давала покоя мысль, сообщать ли кому-нибудь еще о действительном положении вещей. Слишком все пока неоднозначно, да и потом вопросов будет не меньше! Но вот с одним человеком надо обязательно будет поговорить откровенно, ну почти...

— Всех озадачил, Иван? — Ледников с грустной улыбкой обернулся к Веткачу, действительно откинувшегося в кресле и переводящего дух после раздачи ЦУ своим подчиненным.

— Ты ведь что-то еще за душой имеешь, не так ли?

— Рано об этом говорить, надеюсь, после совещания внесем ясность, ты же меня хорошо знаешь. Особо темнить, тем более с тобой, не в моих привычках. Подожди совсем немного.

Мигнул очередной сигнал настольного терминала комбрига. Тот включил громкую трансляцию.

— Тащгенарм, вас генерал Соломенцев вызывает. Связи с Москвой нет, только с нашими подразделениями на территории базы и на постах. Тут еще такая странность...

— Не мнись, не на свидании! Что за странность?

— Мы поймали сигналы точного времени от нескольких радиостанций на ДВ и СВ, получается... — тут голос дежурного по узлу связи на секунду прервался. Но офицер быстро взял себя в руки, — ...получается, что сейчас три часа сорок четыре минуты, да еще двадцать первого июня сорок первого года! Тысяча девятьсот сорок первого, — на всякий случай уточнил связист. — Если бы я один это слышал, так ведь вся дежурная смена тоже...

— Кто у тебя там сегодня дежурит? — вполголоса спросил Ледников.

— Майор Гордеев, заместитель начальника отделения связи, нормальный мужик! Есть выходы на боевые, умеет быстро оценивать самые невероятные вводные, так что если он говорит что-то, то успел подумать, что именно говорит.

Генерал нагнулся ближе к микрофону и рявкнул:

— Майор, отставить панику! Давайте нам Соломенцева, а сами переключитесь на наушники и послушайте нас.

— Иван Анатольич? Приветствую. А я уж думал мы тут одни. У тебя такая же хрень,

что и у нас? Ну, со связью и спутниками?

— Генерал, это Ледников, Веткач рядом со мной, на линии также командир дежурной смены узла связи. Ситуация, мать ее, в первом приближении, такова: раз мы вас слышим, а больше никого на наших рабочих частотах нет, то, по предварительным данным, нас занесло в сорок первый год, в самый канун войны! И я не сошел с ума!

Через пятнадцать минут у нас начинается расширенное штабное совещание. Дайте команду выслать БПЛА для разведки местности и срочно поднимайте своих офицеров, включайте режим телеконференции и запись, кто не успеет к началу, потом прокрутите им, только без общей тревоги! Хотя вчера солдаты и «отбились» на час раньше, но тут еще и мелкая петрушка со временем, как говорят наши связисты, сейчас четыре часа утра. Сам понимаешь, если все это происходит на самом деле, бойцам сегодня будет не до отдыха, пусть хоть немного сна урвут. Подробнее объясню на совещании. Все, до связи! — хлопнув по кнопке отключения, что вызвало сотрясение стола, Лаврентий Георгиевич повернулся к комбригу:

— Пошли, Иван, там уже должны начать собираться.

Они вышли в коридор и по короткой лестнице спустились к лифту, доставившему их в бункер под зданием штаба. Оборудованный по самым новым военным стандартам центр оперативного управления позволял принимать информацию от большого количества внешних источников, обрабатывать и выводить ее на тактические планшеты для последующей оценки и принятия решений практически в режиме реального времени. На одном из широкоформатных мониторов был виден такой же оперцентр бригады Соломенцева, где уже сидел сам комбриг-23 с несколькими успевшими прибыть офицерами своего штаба. На некоторых других экранах глазу представляла панорама местности с высоты птичьего полета — это шли передачи с видеокамер беспилотных разведчиков. В центре обширного зала загадочно перемигивались огоньки на вертикальных и горизонтальных тактических планшетах, которые постепенно приобретали вид крупномасштабной карты, постоянно пополняющиеся все новыми и новыми топографическими знаками.

Шло картографирование местности мобильными и стационарными инструментальными средствами обеих баз. Жесткие диски компьютеров поглощали гигабайты информации от самых разнообразных датчиков, выстраивали модели оптимального расположения средств наблюдения и раннего обнаружения, принимали и передавали данные на машины управления средств ПВО, разведчикам, в общем, всем абонентам, связанных в единую военную сеть АСУ. Теперь достаточно было дать команду расчетам, и после того, как они займут свои места по боевому расписанию, останется только включить питание блоков управления, чтобы получить готовую картинку тактической обстановки, вероятные угрожаемые направления, рекомендованные маршруты выдвижения к районам развертывания.

Казалось, что подобные системы нуждались в людях гораздо меньше, чем люди в них. Нажал кнопку «Вкл.», а дальше машина сама начнет движение, обнаружит цели, оценит степень их угрозы, выберет средства поражения и произведет пуск или выстрел! Но так только казалось, особенно сегодня. Никакая, даже самая продвинутая система, не смогла бы правильно оценить ситуацию, в которую попали бригады, она могла только помочь людям, в меру своих металлических и полупроводниковых сил.

— Товарищи офицеры! — голос дежурного перекрыл мягкое гудение системных блоков и почти неслышный шелест кондиционеров.

— Вольно! Занимайте свои места. Кого-то еще надо ожидать? — спросил Ледников.

— Начмеда, товарищ генерал армии. С грузового терминала в госпиталь доставили солдата с острым отравлением парами горючего, а наш подполковник как раз специалист по токсикологии. Но он прислал своего заместителя. Все остальные в наличии. Запись совещания аппаратными средствами включена.

— С бойцом что-то серьезное?

— Наглотался паров керосина, подробности мне пока не доложили, но врачи обещают,

что ничего необратимого для здоровья нет. На ЧП выезжал начтыла.

— Хорошо, потом, вместе с уточнением о наших материальных ресурсах, доложит и о происшедшем.

Здоровенный, как медведь, командующий говорил медленно, обводя притихшую аудиторию тяжелым, злым, но в то же время веселым — как будто перед боем — взглядом. — Так, начнем с разведки. Что-то конкретное успели установить? Одну минуту, — командующий остановил вскочившего подполковника с заметным шрамом на загорелом лице. — Связь, что у нас со временем вокруг, в часах и минутах?

— Четыре ноль семь, това...

— Спасибо, майор. Вводите текущее время во все имеющиеся устройства, требующие синхронизации по времени, будем постепенно приводить наши приборы в соответствии с окружающим миром. Внимание, всем присутствующим, переведите свои часы на четыре ноль восемь, терминалы тоже настройте на текущий момент! После совещания уточните у связистов более точно и откалибруйте всю вверенную вам аппаратуру. Подполковник, докладывайте.

— Средствами РТР и позиционирования установлено следующее. Местоположения баз — между ППД бригад сто двадцать шесть километров. Двадцать первая бригада: смешанный лесной массив в двадцати двух километра севернее города Кобрин. Ближайший населенный пункт в шести километрах от нас севернее, периметр базы для визуального обнаружения наземным наблюдателем практически не доступен, рельеф без выраженных перепадов высот, местность до ближайших дорог для нашей техники проходима, с минимальным использованием инженерных машин, — появляющиеся на большом экране отметки ярко иллюстрировали слова офицера.

— Двадцать третья бригада: лиственный лес в тринадцати километрах на северо-запад от населенного пункта Мосты. Ближайшая деревня в пяти километрах от базы, возможность обнаружения наземными наблюдателями с нашей позиции определить не представляется возможным. Рельеф в районе дислокации бригады аналогичен нашему, в наличии две возвышенности, пригодных для размещения РЛС обнаружения в целях увеличения их радиуса действия. В результате разведывательного полета БПЛА обнаружены военные объекты в радиусе пятидесяти километров от ППД, — подполковник сделал паузу, и глотнув воды, продолжил:

— Сканирование радиодиапазона позволило засечь дежурный радиообмен между частями РККА и гораздо более интенсивные переговоры на немецком языке в диапазоне УКВ от двадцати восьми до тридцати семи мегагерц, много радиостанций, работающих в телеграфном режиме. Запись ведется, но дешифровка, в виду отсутствия информации о типичных кодах этого периода, в ближайшее время невозможна. Перехват открытого текста затруднен из-за наличия всего одного переводчика, в достаточной степени владеющего немецким, — и офицер, словно в оправдание, добавил:

— Все-таки мы не с Бундесвером собирались воевать.

21 июня 1941 года, утро Белоруссия, штабной бункер 21-й бригады

Собравшиеся внимательно слушали доклад. Несмотря на общую фантастичность происходящего, особой растерянности на лицах офицеров не наблюдалось. Не зря обе бригады последние несколько лет провели в «горячих точках»! И пусть сегодня «вводная» была из разряда сценариев компьютерных игр или сюжетов приключенческой литературы, но ведь на тренажерах и КШУ какие только задачи им не приходилось отрабатывать! Вот и настал момент, когда самая буйная фантазия стала реальностью. И тут только одно могло иметь значение — хватит ли им умения использовать весь приобретенный опыт еще раз, выполнить приказы, которые отдадут генералы, нанести противнику максимальный урон, сохранив как можно больше жизней своих подчиненных.

Личный состав этих соединений изначально комплектовался из людей, имеющих

боевой опыт. Все рядовые были только из контрактников, сержанты заканчивали соответствующие факультеты в ВУЗах. В обеих бригадах не было ни одного военнотружущего, не принимавшего участия хотя бы в одном-двух боевых выходах, да и гражданские специалисты не вчера появились в штатном расписании, при необходимости умели выполнять и некоторые ограниченные военные обязанности.

Гораздо удивительнее было то, что с самого момента формирования бригад им не только передавали на вооружение самые передовые образцы военной техники, но и предоставляли гораздо больше свободы в выборе способов и средств для выполнения поставленных боевых задач, практически не сковывая их действия политическими лозунгами! Во главе угла была именно военная эффективность, без оглядки на вопли разных правозащитников и прикормленных либеральных СМИ.

Внимательные люди могли заметить, что после очередной операции, вызывающей визг и крики среди многочисленных оппозиционеров, привыкших отрабатывать гранты заокеанского «политбюро», всегда среди высших офицеров Генштаба находился генерал, которого власти назначали «козлом отпущения». Следовало шумное публичное разбирательство, кого-то с треском выдворяли из уютного кабинета на заслуженную пенсию, или назначали на «случайно» освободившуюся должность в отдаленном гарнизоне. Его место занимал кто-то новый, и только время могло показать, это очередной кандидат на заклание или человек, действительно способный выполнять свои обязанности на этой должности. Но даже среди этих наблюдателей не все могли заметить, что выбирались такие «жертвы» отнюдь не случайно. Шел постепенный, но весьма целенаправленный отсев высшего и среднего комсостава с ответственных должностей по непонятным для широкого круга параметров.

Казалось бы, прямого отношения к повседневной работе бригад все эти события не имели, особых обсуждений событий где-то в далекой столице и шикарных кабинетах среди бойцов и офицеров не было, им было вполне достаточно одного того, что им не мешали выполнять их работу.

Поэтому совещание почти ни чем не отличалось от многих таких же, ранее происходивших в этом зале. Те, кому было что доложить, докладывали, остальные внимательно слушали, брали на заметку те детали, которые касались непосредственно их участка задач, уточняли нужные детали, вносили свои предложения. Нормальная, рабочая обстановка.

Все рапорты заняли чуть больше полутора часов, на поверхности вступало в свои права утро последнего мирного дня. Наконец очередь докладывать дошла и до начальника тыла.

— Сначала о происшествии на грузовом терминале. Как я понял из предыдущих выступлений, факт переноса двух баз из нашего времени в сорок первый год можно считать установленным, — полковник бросил взгляд на Ледникова. Тот спокойно кивнул. — Инфраструктуру баз, насколько я могу судить, этот феномен не затронул, поэтому могу утверждать, что потерь в материальном плане мы не понесли, за исключением одного частного ЧП и общего, касающегося полного отсутствия электроснабжения от внешних ЛЭП. Локальное происшествие таково. При втягивании последнего пришедшего в наш адрес сборного состава, во время маневровых работ, часть состава оказалась за той границей, которая ограничила, извините за корявый оборот, переносимую территорию. Для всех, наблюдавших этот момент непосредственно, это выглядело как моментальное исчезновение привычной местности за периметром базы, появление там совершенно нового пейзажа.

Конкретно с составом произошло следующее. Тепловоз успел втянуть на терминал четыре платформы с контейнерами и шестью цистернами с авиационным керосином. Седьмая почти целиком оказалась как раз на оставшейся территории, и, естественно, для нас она исчезла. Остался фрагмент с ближней колесной тележкой и куском цистерны примерно на пятнадцать-двадцать тонн. Локомотивной бригаде, составителю и охране складов очень повезло, что этот фрагмент сохранил устойчивость на путях и только получил некоторый крен в сторону пропавшей части «бочки». Волочение по рельсам такой штуки наверняка

вызвало бы искрение и воспламенение паров вылившегося керосина. Не буду отвлекать собравшихся деталями, подробный рапорт будет готов позднее. Замечу только, что в результате решительных действий бойцов охраны и помогавших им железнодорожников предотвращено крупное возгорание авиатоплива с непредсказуемыми последствиями и задержание двух местных военнослужащих, оказавшихся в непосредственной близости от периметра. Про этих военных вы уже знаете из доклада «особняка», — по залу пробежала волна улыбок. Так в бригаде называли, в узком кругу, конечно, помощника начштаба по защите государственной тайны. — В ходе противопожарных мероприятий один из рядовых получил отравление от паров разлившегося керосина, медпомощь ему оказана.

— Теперь, что касается моей службы в порядке обеспечения предстоящих событий. Забегу вперед, и, в нарушение субординации, предположу, что в стороне мы не останемся. Поэтому документы будут готовиться исходя из участия бригады в боевых действиях в новых условиях, кое-какие прикидки я уже начал делать. Сводная справка по МТО за 20 июня уже в базе данных, осталось внести содержимое последних полученных четырех контейнеров и шести цистерн с керосином. Два контейнера, по накладным, загружены сверхштатными БПЛА ближнего и среднего радиуса действия, в одном — ракеты «воздух-воздух» для вертолетов, в последнем — запчасти для РЛС наших средств ПВО. У меня пока все.

Полковник сел на место. Ледников поднялся из-за своего терминала.

— Итак, товарищи офицеры. Подведем краткие итоги. Что мы имеем? А имеем мы... то, что имеют нас. Природа или еще какая херь. Перенесением в Белоруссию. На восемьдесят лет назад. И сейчас у нас с вами утро двадцать первого июня. Сорок, мать его, первого года.

В связи со сложившимися обстоятельствами принимаю общее командование бригадами на себя. По итогам совещания начальникам штабов подготовить проекты боевых приказов. Считаю необходимым довести до всех присутствующих, что я принял решение оказать Советскому Союзу всемерную помощь имеющимися в нашем распоряжении силами и средствами! Врежем фашистам так, чтоб только ошметки летели.

С шести ноль-ноль местного времени на территории баз приказываю ввести режим военного времени. Вы все принимали присягу, поэтому нежелание выполнять дальнейшие распоряжения с любыми мотивировками буду расценивать как дезертирство с поля боя, последствия сами представляете!

Неожиданно вскочил высокий худой майор с юридическими эмблемами.

— Товарищ генерал армии, поймите. Территория баз изменилась... То есть ни сантиметра земли Российской Федерации не переместилось, только люди и неодушевленные объекты. И таким образом, вооруженные силы непризнанного ни одним из государств сорок первого года вторглись на территорию СССР с оружием и приступили к несогласованному с законными комбатантами уничтожению вооруженных сил другой державы, так же вторгшейся на территорию СССР, но перемещенцам, то есть нам, не угрожавшим. При этом эти перемещенцы законов и обычаев войны не соблюдают. Приказа собственного правительства на ведение военных действий не имеют. Налицо типичное незаконное вооруженное формирование, или, иначе, банда! — Санадылов все время доклада размахивал руками, словно пытался подкрепить свои слова.

— И что ты мне тут предлагаешь? Не воевать, мать твою? А наши войска пускай люлей от немцев получают по полной программе? — Ледников начал заводится. — Я эту «Барбароссу» четыре, мать ее, раза учил. Мне что, ее пятый раз учить? Ты мне чего тут про законы заливаешь, а? В законах твоих предусмотрено попадание в прошлое?!

— Товарищ генерал армии, просто я обращаю внимание на наш неопределенный статус. Надо бы нам заключить договор с местным правительством до начала боевых действий...

— Договор? А без него нам, значит, можно и не воевать? Ты, млять, представляешь, сколько нужно времени, чтоб такие бумажки приготовить? Или думаешь, что товарищ

Сталин все бросит и сюда помчится? Как волшебник на голубом вертолете?! Бумажки подписывать?

— Я...

— Молчать!! Мы, мать твою, в стороне не останемся — смотреть, как гитлеровские ублюдки втаптывают мою страну в грязь, я не буду. Ясно?! — последнее слово Ледников буквально проревел, что только добавило ему сходство с медведем.

— Так точ...

— Топай давай, умник, отсюда. Бандой нас называть, это же надо. Свободен...

Дождавшись, когда пунцовый и дергающийся, как марионетка в руках неумелого кукловода, майор выйдет из зала, Ледников несколько раз глубоко вздохнул, успокаиваясь, и повернулся в сторону особиста.

— Ты там дай команду своим ребятам, которые не спят, пусть присмотрят за этим... Сам понимаешь, нам сейчас разные идейные с их закидонами совершенно не в жилу. Только аккуратно, без эксцессов.

Тот кивнул и застучал по клавишам своего терминала.

— Продолжаю, — командующий бросил взгляд на таймер, который как раз мигнул и высветил «5:56 21:06:41». — Срочно сообщить дежурным в подразделениях распоряжение: не поднимать личный состав до особого приказа, всеми мерами поддерживать в казармах тишину и порядок. Особенно это касается расположения вертолетных экипажей. Они мне нужны отдохнувшими и в полном порядке. Я собираюсь подготовить план действий в ночь с двадцать первое на двадцать второе. Для предварительной разработки планов в зале оперцентра предлагаю остаться командирам бригад, начальникам штабов, начоперодам, начальникам разведки, командирам рот спецназа и по одному медику от бригады, компетентным в вопросах физиологической и психологической устойчивости бойцов. Остальным приказываю отбыть на свои рабочие места и начать прорабатывать планы развертывания и обеспечения подразделений с целью нанести воздушному противнику максимальные потери с учетом возможного противодействия дружественных сил. Именно с таким акцентом. Все необходимые данные вам будут передаваться на рабочие терминалы по мере их проработки моим штабом. Выполнять!

Все, не приглашенные остаться, начали расходиться. Ледников провожал их взглядом и не находил в лицах офицеров ни капли растерянности или недоумения полученным приказам.

— Лисов!

— Я, товарищ генерал армии, — командир спецназа вскочил, пряча усмешку в глазах.

— Что ты мне тут подпольной деятельностью занимаешься? Самый умный? И когда успел раскопать эти архивы? — несмотря на грозный тон, генерал не собирался устраивать публичную выволочку ротному. Не первый раз эта рота действовала в интересах двадцать первой бригады, и генерал уже привык к некоторым вольностям, которые майор позволял себе во время участия обсуждений предстоящих совместных действий. Сейчас его действительно интересовало, когда и где Лисов успел найти файлы с описанием действий войск Западного фронта в первый день войны, да еще разные боевые приказы и донесения штабов. В самом начале совещания майор скинул их на терминал командующего.

— Так получилось, что примерно неделю назад мы с ребятами в роте как раз на эту тему поспорили, дата ведь приближалась. Начали копать в Интернете, вот у меня и набралось кое-что. А когда комбриг приказал явиться в оперцентр, меня как под руку кто толкнул, перекатал на флеху это самое кое-что и прихватил с собой.

— Ясновидящий, млять, — добродушно проворчал генерал. — Ладно, молодец, твоя инициатива оказалась очень к месту. Но, я тут кое-что стал прикидывать, и получается не слишком хорошо. Торчат наши бригады хоть и не на самом виду, так и места здесь не самые глухие, воинских частей тут до... буя и больше, в любую сторону глянь, так то пехота, то танкисты или аэродром какой полевой. Пролетит любой «кукурузник» местный, а внизу, откуда ни возмись, целый городок, да сразу видно, не обычная мирная деревушка! Доложит

командиру, и начнутся у нас совсем не нужные разборки.

— Причем со своими же, — мрачно заметил Веткач. — Надо быстро решать, как такое развитие событий пресечь в корне. Есть предложения, как нам до трех часов утра завтрашнего дня не засветиться особо перед местными, не угодить под «дружественный огонь» и успеть подготовить реально выполнимый план помощи Красной Армии в самый нужный момент, не особо добавляя неразберихи, которой завтра и без нас хватит?

— То есть, Иван Анатольич, ты предлагаешь начать активные действия сразу, не дожидаясь прорыва немецких ударных частей вглубь нашей территории? Действовать не по коммуникациям, а по боевым порядкам? — Вступил в разговор Соломенцев.

— Почему бы и нет? — согласно кивнул генерал армии. — А ты сам посмотри часть боевого донесения штаба четвертой армии в одиннадцать пятьдесят пять в округ! — Ледников вывел несколько строчек на проекционный экран, установленный в центре зала:

«6-я стрелковая дивизия принуждена была к 7.00 22.6.41 г отдать с боями Брест».

— Или вот еще это, — генерал щелкнул мышкой.

«Наши авиаполки имеют большие (30–40 %) потери, штаб армии разгромлен (в Кобрин)».

— Там еще много чего есть. Коммуникации мы не забудем, это само собой, но учтите все, если мы сможем с первых часов уменьшить потери наших частей, не допустить хотя бы на отдельных участках потери управления, это будет гораздо полезнее, чем пропустить танцы к Минску, пусть и с отрезанными тылами. Я совсем не уверен, что теперешние командиры смогут грамотно устроить «котел» прорвавшимся частям вермахта, они же сами контрудар на утро двадцать третьего июня готовили с оговоркой «Границу до особого распоряжения не переходить», какие тут «котлы»! Тут еще такой момент: севернее и восточнее немцы начали наступление пусть и совсем ненамного, но позже. Они полностью уверены, что добились абсолютной тактической внезапности. Что будет, если с первых минут на центральном участке у них все пойдет не так, как планировалось? — Ледников посмотрел на реакцию своих офицеров. В глазах светилось согласие.

— Пусть мы не сможем помочь на первых порах тем, кто оказался в Белостокском выступе, но уж на направлениях Гродно-Минск и Брест-Минск «Барбароссу» затормозить сможем. А если успеем правильно наладить взаимодействие с остальными частями Западного фронта, то и фланговый прорыв с севера к Минску сорвем!

Ладно, товарищи генералы, что мы видим? — командующий группировкой подошел к экрану, демонстрирующему в данный момент карту первого дня Великой Отечественной Войны в крупном масштабе, с отметками расположения немецких и советских войск. Все это, добавив места дислокации бригад, успел смонтировать Лисов, пользуясь приоритетным доступом компьютеров оперативного центра к общей сети.

— Зрелище не самое приятное, если учесть темпы, с которыми немцы смогли прорваться к Минску, Киеву и Ленинграду. Но слишком у них все завязано на взаимодействие групп армий «Север», «Центр» и «Юг». И на уверенность, что все будет происходить почти в полном соответствии с планами. Задержка в продвижении фронта, особенно на центральном участке, создает угрозу флангам сразу для двух их групп армий. Немецкие генералы глупостью не страдали... тьфу, не страдают, поэтому будут вынуждены реагировать на такие события перегруппировками своих частей, перенаправлением ударов на фланги, тем самым, снижая давление в глубину. У Красной Армии появится время для проведения мобилизации и выдвижения резервов к угрожаемым участкам. Считаю, что нам не следует отрываться от своих баз, а принять за основу разработки наших действий активную оборону, пусть ее и ругали, называя вынужденной стратегией слабых. И не надо забывать, что до установления устойчивого взаимодействия со штабами округа и центральным руководством СССР, мы не сможем использовать наши дальнобойные средства поражения с полной эффективностью.

Еще раз оглянувшись Ледников увидел внимательно внимающих ему офицеров.

— Одним моментом надо воспользоваться обязательно. По документам выходит, что

артподготовку фрицы начали одновременно с бомбежкой наших аэродромов и узлов управления. На нашем участке в три пятнадцать. Первые наши истребители поднялись с воздух после четырех утра. Ни один самолет этого времени не имеет привычной нам системы опознавания «свой-чужой». Поэтому относительно свободно ПВО мы сможем применять только в первые сорок пять минут, начиная с появления целей в зоне досягаемости, но уж применить их по максимуму. — Ледников обвел взглядом присутствующих в зале и на экране. — Поэтому приказываю разработать такую схему расположения ЗРК и средств обнаружения, которые позволят прикрыть от воздушных налетов следующие районы. Двадцать первая бригада: Брест, Кобрин, Пружаны, особенно расположенные рядом с ними аэродромы, собственную базу с возможностью обстрела целей на подлете к станции Твели, где располагается штаб четырнадцатого механизированного корпуса. Двадцать третья бригада: Гродно, Скидель с перехватом пролетающих самолетов курсом на Лиду, Волковыск, собственную базу с возможностью обстрела пролетающих курсом на Мосты самолетов противника. Рассчитать силы ПВО прикрытия каждого из указанных объектов, требуемый боезапас, наземную поддержку из расчета танковый и мотострелковый взводы на батарею ЗРК, — сделав паузу, командующий одним глотком осушил здоровенную кружку с уже остывшим кофе, после чего продолжил:

— Следующее. Медицина, какой распорядок дня можете предложить, исходя из подготовки личного состава к выдвижению в заданные районы не ранее двадцати трех часов сегодня и ведению боевых действий начиная с трех часов утра двадцать второго июня? И учтите, нам придется использовать большинство солдат для проведения маскировки расположения бригад не позднее чем через час. Предлагаю начать побудку ваших подчиненных и разработку мероприятий для поддержания физического и психологического тонуса всех находящихся на вверенной мне территории. Можете приступать к выполнению.

Дождавшись, пока медик покинет оперцентр, Ледников продолжил:

— Командирам вторых батальонов каждой из бригад выделить одну роту из своего состава для усиления комендантских рот, с целью обеспечить охрану периметра. Разведчикам быть готовым совместно с приданными ротами спецназа выполнить специальные мероприятия по установлению контакта с командованием ближайших к нам частей Красной Армии. План этих мероприятий я сообщу отдельно. Было бы полезно провести некоторые противодиверсионные операции, не допустив группы батальона «Бранденбург» к линиям правительственной связи, но мы сами не знаем, где эти линии проложены. Подождем, что нам дознаватели скажут после работы с местными офицерами. Поднимайте личный состав, без сирен, без лишней нервозности, выделите толковых офицеров, чтобы они разъяснили ситуацию гражданским специалистам.

И последнее. Через полчаса я обращусь к личному составу. Чтоб все слушали, понятно?

Означенное время спустя, Ледников, одетый в парадный мундир, вещал с многочисленных компьютерных и телеэкранов:

— Бойцы! Окончательно подтвердились наши подозрения, появившиеся еще ночью. Неизвестным нам образом наши бригады оказались перенесены в 21 июня 1941 года. Мы не знаем, как это произошло и зачем. Но! Мы все знаем, что всего через день на СССР нападут фашисты. У нас есть возможность избавить нашу Родину от тех страшных жертв, какие она принесла в Великой Отечественной войне. Я верю, нет, я знаю, что в наших силах нанести немцам чудовищный урон. В нашем распоряжении техника и тактика, на восемьдесят лет опережающие все, что есть у немцев. Две наши бригады — это огромная сила, которую мы можем и должны применить для защиты России. Мало кто из вас помнит СССР. Но вы все помните слезы наших дедов и прадедов на Днях Победы. Вы знаете, какие жертвы принесла наша страна, чтобы победить. Я надеюсь, нет, я знаю, что вместе мы изменим мир. И обещаю, что мы, ваши командиры, вас не подведем! Ну что... Навешаем фрицам звиздюлей? — ноздри генерала армии хищно раздулись...

21 июня 1941 года

10:30, штаб 21-й бригады

Несмотря на явную необычность ситуации, почти все, находившиеся в распоряжении бригад люди, действовали по раз и навсегда заведенному порядку. Штаб вырабатывал решения, отдавал приказы, офицеры доводили их до своих подчиненных, а те выполняли эти приказы. Не все еще полностью осознали, что они навсегда оторваны от привычного им мира, да и времени на рефлексии не оставалось — необходимо было подготовиться, пусть и к почти привычным действиям, но с поправкой на весьма специфические внешние условия. Произошли считанные инциденты, когда люди не смогли справиться с собой, все среди гражданского обслуживающего персонала.

Хотя базы и являлись полностью военными структурами, но ставить за прилавок военторга или заведовать библиотекой Дома офицеров военнослужащего было бы глупой расточительностью. Особо тяжелых случаев не было, выручило то обстоятельство, что женская часть населения, пусть и не слишком многочисленная, имела родственников прямо здесь, на территории баз. Поэтому штатные психологи достаточно быстро справились с несколькими истериками.

Машина подготовки была запущена, все ее маховики вращались без дополнительных усилий, поэтому у генералов Ледникова и Веткача нашлось свободное время для разговора с глазу на глаз. Решив совместить, они совершали контрольный обход городка и беседовали.

— Понимаешь, Иван, не так много я и знаю, по сравнению с тобой. И все события для меня почти такая же неожиданность. Был проект, на самый крайний случай, если уж не получится остановить полномасштабный конфликт между нами и янкесами, использовать для противоракетной обороны какую-то новую теорию. Я обеспечивал прикрытие разработок со стороны Министерства обороны, как в таких случаях и бывает, в отдельные детали меня не посвящали. Что-то связанное с плазменным щитом над всей территорией России. Как это должно было работать, какую мощность потреблять, из каких источников, понятия не имею. Как обычно бывает у «яйцеголовых», кто-то что-то посчитал «по новой, не имеющей аналогов в мире методике», нашел, что при определенных условиях могут появиться побочные эффекты. Его, как у них там водится, подняли на смех, началась подковерная возня. Наверху решили не класть яйца в одну корзину, наскребли денег, выделили опальному доценту оборудование, людей подкинули, сам знаешь, как бывает в таких случаях.

Веткач кивнул, действительно, что тут такого нового. Оснащение бригады новейшими образцами вооружения имело и обратную сторону. Один из ДОСов² постоянно был занят прикомандированными специалистами, копавшимися со своими гудящими и щелкающими приборами то в технических боксах, то на директрисах полигонов. В случаях неполадок в технике и оборудовании хватало скандалов между «промышленниками» и «научниками», как они себя очень быстро стали делить. А улаживать такие конфликты приходилось ему, командиру бригады. Знакомое дело.

— И мы провалились в сорок первый по милости этого самого доцента?

— Нет, конечно. При чем тут он? Как раз его расчеты и предупреждали о вероятности совершенно ненужных никому явлений. Хотя новая лаборатория была совершенно автономная, и занимались ею совсем другие люди, из разговоров моих «подопечных» я понял, в чем могла быть подлянка, пусть и в самых общих чертах. Сам плазменный щит не должен быть особо вредным для тех, кто им заслоняется, иначе зачем вообще его горюдить. Но вот, оказывается, если при атаке на него воздействует слишком много боевых блоков, есть вероятность сброса лишней энергии по совершенно не изученным современной наукой вариантам. Одним из таких вариантов пресловутый доцент и предсказал возникновение трех фокусов, как он их назвал, где достаточно большие площади территории, со всем, что на них

---

² Дом офицерского состава.

находится, проваливаются в неизвестность. Может даже в прошлое. Там слишком много зависело от случайных факторов, мы могли вообще попасть в самую заваруху уже завтрашнего дня. Не думаю, что мы легко отделались бы. Случайный снаряд, неважно чей, в склад горючего или артиллерийский, и полетели клочки по закоулочкам.

— То есть, изначально не планировалось засылать нас в прошлое, с вполне определенной целью переиграть войну и следующие за ней события?

— Кто же такое мог планировать?! Ты, Иван, учился в той же Академии, что и я, по тем же самым учебникам. Пусть без особых подробностей, но сам ход Отечественной мы помним, что, как, почему делалось, с какими результатами. При желании можно нафантазировать что угодно, но у нас же тот самый случай, на который никто не рассчитывал серьезно. Не было никакой гарантии, что сработает именно таким образом, бригады провалятся без потерь, да еще будет время на оценку ситуации, подготовку действий. Последний шанс, расчет на случайное стечение обстоятельств. И нет никакой гарантии, что мы сможем этот шанс использовать, согласись, что ресурсов у нас не так много для коренного изменения хода войны.

Генералы присели на скамейку у одной из ротных курилок вблизи казармы. Вокруг продолжалась деловитая суeta. Натягивались масксети на здания, развозились по заранее намеченным местам надувные макеты сооружений, служащих для введения в заблуждение сторонних наблюдателей. Вот прокатил грузовик с краской, в парках срочно замазывали на всей имеющейся технике опознавательные знаки Российской армии, нанося поверх красные звезды. Все были заняты вполне привычным делом, не ломая себе голову, что завтра противником будут не опереточные армии очередной карликовой республики, вздумавшей побряцать оружием в расчете на заморские гранты и поставки, а одна из самых подготовленных и успешных армий последних двух лет. Солдаты и офицеры верили в себя, в свое оружие, в своих командиров, и собирались выполнить воинский долг так, как того требовала присяга, пусть сейчас государство, которое они собирались защищать, называлось несколько иначе. Но ведь родились и выросли они именно в этой стране, хотя и спустя много лет. И, наверное, многие из них в глубине души думали, что вот теперь, здесь и сейчас, они смогут сделать так, что не будет тех десятилетий, когда их Родина превращалась в удобный сырьевой придаток для более циничных и прагматичных лукавых «друзей».

— А давай-ка, генерал, сходим к твоим особистам, что они там наработали с задержанными, — Ледников легко поднялся и подтолкнул задумавшегося о чем-то Веткача.

Тот как-то сразу подобрался, посмотрел на своего старого сослуживца и хмыкнул:

— Надумал что, или просто на предков любопытно глянуть?

— Судя по тому, что ты так хитро смотришь, сам тоже что-то крутишь в голове не самое уставное? — не остался в долгу Лаврентий Георгиевич.

— Не дает покоя мысль, что взаимодействия с местными военными у нас никакого, как бы еще больше дров не наломать, чем было на самом деле. Пошли, заодно я вызову Лисова, он большой мастер выдумать нестандартные ходы.

И они направились к неприметному особнячку, скрытому в небольшой рощице за штабом. Домик ничем особо не выделялся среди остальных зданий, даже количество разнообразных антенн и других технических загогулин не шло ни в какое сравнение с тем же центром связи бригады.

Среди личного состава к этому зданию прочно прилипло прозвище «Лубянка», хотя о какой-либо скрытой, а тем более открытой неприязни между обычными военнослужащими и контрразведчиками и речи не было.

21 июня 1941 года

Расположение 21-й бригады, «Лубянка»

Утро для лейтенанта Сергея Вересова началось совершенно отвратительно. Не зря говорили преподаватели в училище связи, которое он закончил в прошлом году: «Мелкое

нарушение устава часто влечет за собой совершенно несоизмеримые с проступком последствия». Что заставило его поддаться на уговоры веселого попутчика, старшего лейтенанта, служившего в штабе четырнадцатого корпуса, там, куда сам Вересов получил неожиданное, но весьма перспективное назначение? Меньше года молодой командир прослужил в забытом всеми окраинном гарнизоне, где из всех видов связи был только телефонный коммутатор, а о новых радиостанциях, за освоение которых будущий лейтенант, а тогда еще курсант, получил благодарность в приказе по училищу, и слыхом не слыхивали. А тут приказ, явиться в штаб округа, суточная беготня по коридорам, заполненным командирами с множеством «шпал» в петлицах, оформление проездных документов через полстраны, с предписанием явиться не позднее двадцать третьего июня для дальнейшего прохождения службы в штаб одного из корпусов Западного особого военного округа!

Само место новой службы говорило о многом, поэтому лейтенант и спешил, надеясь, что явка до указанного в приказе крайнего срока сразу позволит начальству отметить усердие нового подчиненного. А тут такая невезуха! Попутчик, ехавший с ним от Минска на соседней полке в купе, как оказалось, служил в том же самом штабе уже третий год и возвращался из отпуска.

Обычные дорожные разговоры, традиционные сто грамм «за знакомство» под купленные на вокзале пирожки и колбасу, рассказы о местах службы, обычаи и порядки, принятые в разных частях. Вот эти самые обычаи и привели новых знакомых в совсем негостеприимные камеры какой-то непонятной, но судя по совершенно незнакомому оружию и форме задержавших их бойцов, жутко секретной части.

Будущий сослуживец, старший лейтенант Середко, в ходе разговора упомянул о некоторых условностях, существующих в подразделении, куда они оба направлялись. Там считалось за правило хорошего тона, если отпускник при возвращении выкладывал к общему столу встречающих сослуживцев дичь или зайца, подстреленного в недалеко расположенном лесочке. На вопрос, с чем и как именно охотится, попутчик заверил, что все давно продумано, есть местный лесник, по совместительству егерь, у которого и подходящее оружие всегда найдется, и разрешение на охоту выправить можно. Даже специальные места с подкормкой будущих трофеев есть у расторопного помощника любителей свежатинки.

Вот так, слово за слово, старлей и уговорил младшего товарища отложить явку в часть на следующее утро, но уже с достойным вкладом для будущих сослуживцев. Сойдя на станции Тевли с поезда, они быстро смогли уговорить местного жителя подвезти их на телеге к избушке лесника, оказавшейся всего километрах в десяти от станции. Нехитрый ужин, сборы, прогулка по лесу к месту будущей охоты. Совсем рано, еще даже светать толком не начало, Середко разбудил напарника, они запалили костер и только хотели вскипятить в котелке чай, как заметили буквально в полутора десятках метров от места ночевки забор, которого вроде вчера и не было. Прямо напротив их костра в заборе были широкие ворота, через которые прямо на них набегал вал какой-то резко пахнувшей жидкости.

Что происходило дальше, Вересов до сих пор не мог вспомнить достаточно связно. Гудок, похожий на паровозный, крики людей за стеной, потом через ворота выбежали несколько человек в совершенно незнакомой форме, затушившие костер и моментально скрутившие не успевших придти в себя командиров. Без излишней грубости, но весьма убедительно сопровождая свои действия тычками опять же неизвестным оружием, пришельцы провели своих пленников за забор, там быстрым шагом их доставили к небольшому домику, где после быстрого, но тщательного обыска, развели по одиночным камерам. Ни на один из вопросов горе-охотников никто из окружающих не ответил, только заверили, что доложат по команде и потом с ними поговорят более компетентные люди.

Сергей не знал, сколько времени прошло, прежде чем в двери что-то масляно бумкнуло, она отворилась, и на пороге появился подтянутый военный среднего роста, все в той же незнакомой форме, усеянной разноцветными пятнами.

— Лейтенант Вересов? Пройдемте.

Коридор, в глухом торце которого за столом, вместо привычного телефона занятого каким-то аппаратом совершенно незнакомой формы и назначения, сидел еще один человек в пятнистом, в стенах несколько дверей, таких же, на которую лейтенант недавно любовался изнутри. Лестница вверх, всего десяток ступеней, холл, очередная, правда, более привычная дверь и за ней кабинет. И вот тут до Сергея наконец стало доходить то, что не сразу бросалось в глаза!

21 июня 1941 года
07:00–09:00, база 21-й бригады, «Лубянка»

«Погоны!» — пронеслось в голове у Сергея. — «Почему я раньше этого не понял? Что же это за армия такая? Не может ведь быть такого, что нас похитили, а потом куда-то перевезли, шли мы совсем недолго, пешком, подвал тоже невозможно стронуть с места так, чтобы я этого не заметил».

На обстановку в кабинете, которая слишком резко отличалась от всего ему привычного, он даже не обратил особого внимания, и так все кругом было слишком не понятно.

— Садитесь, лейтенант, — приказал ему сидящий за столом мужчина в начинавшем вызывать уже какое-то стойкое отвращение камуфляже. На его погонах виднелись четыре маленьких звездочки защитного цвета. — Давайте познакомимся. Ваши документы я уже посмотрел, теперь представляюсь сам — Захаров Николай Петрович, заместитель начальника отдела контрразведки двадцать первой особой отдельной бригады Вооруженных сил России. Чтобы не вызывать у вас еще большего недоумения, могу сразу успокоить, никакого отношения к войскам бывшей Российской Империи мы не имеем. На все ваши вопросы, которых наверняка очень много, я, или мои коллеги, постараемся ответить, но не сейчас, а когда у нас для этого будет свободное время. В данный момент нам от вас необходимо только принципиальное согласие оказать помощь. В чем она будет заключаться, вы сейчас поймете.

Вересов несколько раз сглотнул, но сухость во рту не проходила. «Ерунда какая-то, какая Россия, какая особая бригада, что они тут мне сказки рассказывают, какая еще помощь?!»

— Можно воды? — каркающим севшим голосом спросил он.

— Да, конечно, угощайтесь, — капитан поставил на стол перед собой два тонких стакана, наполнил их из большой прозрачной бутылки, из одного отпил сам, другой подвинул по столу ошарашенному Сергею.

— Что за помощь? Кто вы вообще такие и где я нахожусь?

— Не волнуйтесь так, хотя я отлично понимаю ваше состояние, мы и сами не до конца поняли, что происходит, но сразу могу сказать одно. Если бы мы собирались причинить вам вред или использовать вас как источник информации помимо вашей воли, то, смею заверить, сделали бы это достаточно легко. Поэтому, пока, вам остается поверить мне на слово, что мы собираемся действовать исключительно в интересах Советского Союза. Но, для того, чтобы эти действия были достаточно эффективны, нам необходима информация, для налаживания взаимодействия с вашим командованием, — офицер сделал паузу и строго посмотрел в глаза лейтенанта.

— Вы сами знаете, какая сейчас международная обстановка, на самом деле, она еще более опасная, чем принято у вас считать. Завтра на рассвете, в нарушении всех договоренностей, без объявления войны, армия Германии начнет боевые действия против СССР. Это будет не провокация, как на Дальнем Востоке, а действительно полномасштабная война, которая продлится четыре года! Советский Союз победит, завершив свой поход в мае сорок пятого года на развалинах Берлина. Но цена, которую придется заплатить за эту Победу, будет слишком высока. Вы можете мне не верить, но ход истории от этого не изменится, и завтра на ваших товарищей по оружию начнут падать немецкие бомбы и снаряды. Нам, для того, чтобы попытаться уменьшить эффект внезапности со стороны

вермахта, необходимо установить связь с теми частями Красной Армии, которые находятся рядом с нами. Я не собираюсь от вас что-либо скрывать, но у меня, а особенно у вас, я имею в виду всю страну, просто нет времени на долгие обсуждения и сомнения. Тем более что моя просьба будет совсем не похожа на допрос или вербовку иностранной разведкой.

— Так что именно вы от меня хотите? — спросил совершенно сбитый с толку лейтенант.

— Это хорошо, что у нас начинается конструктивный разговор, — усмехнулся капитан. — Мне хотелось бы, чтобы вы добровольно согласились снять свою форму, и некоторое время, с помощью наших сотрудников, посвятили изучению материалов, которые мы предоставим. Ну посудите, нам ничто не мешает раздеть вас и не спрашивая согласия, но первый шаг к взаимному доверию кто-то должен сделать. Вот я и предлагаю, что бы этот шаг сделали вы сами.

— А если я не соглашусь?

Капитан встал из-за стола, подошел к окну, выходящему на тенистую полянку, окруженную совершенно не типичными для Западной Белоруссии деревьями.

— Посмотрите, — предложил он. — Там сейчас начинается последний мирный день нашей страны. Не удивляйтесь, несмотря на наш несколько отличный внешний вид, это действительно наша общая страна! И я не хочу ей пожелать повторения того, что она уже испытала в нашей истории. Ваш отказ не изменит наших намерений, все, что намечено, мы постараемся сделать, и вечно держать вас в камере мы тоже не собираемся, даже доставим в расположение той части, куда вы направлялись. Единственное, что свободу вы получите уже после начала войны, и нет никакой гарантии, что прибудете вы не на развалины штаба корпуса, куда командированы. И принять ваш рапорт о прибытии будет просто некому, так как большинство ваших будущих сослуживцев или погибли под немецкими бомбами, или будут пытаться выйти из окружения, в которое неминуемо попадут без нашей поддержки! Даю вам десять минут на размышления, извините, но большим временем ни вы, ни я, не располагаем. — Капитан вернулся к столу, нажал кнопку на пульте и сказал вошедшему конвоиру, — отведите лейтенанта в третью комнату.

В соседнем кабинете за происходящим наблюдали на экране монитора его хозяин, начальник отдела контрразведки, и старший лейтенант Петр Середко.

Для него знакомство с обитателями базы началось несколько раньше, чем для Вересова, и проходило несколько иначе. Уже в четыре утра его вывели из камеры, доставили в комнату с большим настенным экраном и включили просмотр наспех скомбинированного сборника из фильмов сериала «Великая война». На любые вопросы сидящий рядом сотрудник, представившийся «майором Дементьевым» сухощавый шатен со странными погонами, лишь отдаленно напоминающими старорежимными, отвечал однообразно: «Все ответы потом».

Что творилось в голове у старлея за эти два часа, трудно представить, но за все время просмотра он так и не задал ни одного вопроса. Только немного придя в себя, он все-таки начал разговор.

— То, что я увидел, очень страшно. Но зачем вы все это мне показали? Не хочу сказать, что считаю себя великим мыслителем, но придумать такое, ради запудривания мозгов рядовому командиру — это слишком сложно. И кто вы такие на самом деле?

Его собеседник задумался на минуту, потом, тщательно подбирая слова, сказал:

— Пока вы смотрели фильм, у нас в штабе проходило совещание, — майор вытащил из уха и продемонстрировал Петру маленький наушник телесного цвета. — С помощью нашей аппаратуры я слышал все, о чем там говорили. Если наши разведчики и командиры не ошиблись, то получается следующее: каким-то образом две воинские части бывшего СССР, ставшего после некоторых событий Российской Федерацией, провалились из две тысячи двадцать первого года в сорок первый нашего прошлого века, то есть к вам. Сейчас совершенно не важно, как и почему СССР стал Россией, гораздо актуальнее то, что завтра начнется та война, которую назовут впоследствии Великой Отечественной. Как именно она

начиналась, какие беды и разрушения принесла нашему народу, вы видели сами, — майор тяжело вздохнул. — Понимаю, что поверить в подобное очень трудно, даже для нас, хотя уж мы-то за последнее время привыкли к самым необычным вещам. Ваше право не доверять всему тому, что вы здесь увидели и услышали, но изобретать что-то другое в мои намерения не входит. Меня несколько обнадеживает, что вы не стали сразу задавать кучу вполне естественных вопросов, а какое-то время сами пытались оценить новые знания.

Поэтому предлагаю простой выбор: вы нам доверяете, и тогда мы работаем вместе, пытаюсь хоть в малой части изменить уже произошедшее в нашей истории, или отправляетесь к себе в камеру, а после начала войны мы переправляем вас в вашу часть и делаете дальше, что хотите. Не могу предоставить вам слишком много времени для определения своей позиции, поэтому сделаем так. Пройдем в мой кабинет. Вы можете еще подумать, задать самые необходимые вопросы, на некоторые из них я постараюсь ответить, а заодно посмотрим беседу, которую мой заместитель сейчас будет проводить с вашим товарищем.

Проследив за выходящим из комнаты Вересовым, старший лейтенант спросил:

— А для чего вам нужна его форма?

— Как вы думаете, Петр, если нас с вами разделяет восемьдесят лет, то наше оружие и боевая техника совершеннее вашего? — Майор развернул к собеседнику ноутбук, экран которого показывал цветную картинку с выходящим на боевой курс штурмовым вертолетом Ми-28Н. Через несколько секунд с его пилонов сорвались огненные стрелы, устремившиеся к еле видимым вдали коробочкам на земле. Камера сделала быстрый наплыв, коробочки превратились в танки совершенно непривычных очертаний. Но долго любоваться на них не пришлось. Что-то замелькало в воздухе, несколько машин расцвели яркими даже в дневном свете вспышками, а когда рассеялись клубы пыли и дыма, глазам предстала картина весело полыхавших груд металлолома, только что бывших грозными боевыми машинами. — Атака на танки, каждый из которых хоть и считается у нас устаревшим, но превосходит любой из имеющихся сейчас на вооружении любой страны в несколько раз, проводилась с расстояния больше шести километров. Что будет с немецкими танками, когда они завтра встретят не один такой аппарат, который называется вертолет, а целую эскадрилью из восьми машин? А у нас есть не только это...

Середко перевел дух.

— Так при чем тут форма? Если вы таким образом издалека можете одновременно уничтожать любую технику немцев, то война ведь не будет такой, как вы мне показали? — с надеждой спросил он.

— Товарищ старший лейтенант, сами подумайте. У нас есть техника, превосходящая вермахт по своим боевым качествам, боеприпасы и много другое, но нас самих, да и запасов в нашем распоряжении не так много, особенно по сравнению с теми сотнями дивизий, которые сейчас готовятся к нападению. Перекрыть километров шестьдесят или сто фронта мы сможем, разнести на щепки штук пятьсот или даже тысячу вражеских самолетов тоже, если они подлетят к нам на дистанцию стрельбы. А дальше что делать? — российский офицер развел руками. — Обойдут нас с флангов, потому что, если мы будем воевать каждый за себя, то, как дело происходило с частями Красной Армии, застигнутой врасплох, вы сами видели. Израсходуем все до последнего снаряда и патрона, при очень большом везении уничтожим, — майор задумчиво почесал затылок, — ну, мечтать, так мечтать: с десяток, может даже полтора дивизий. Остальных полутора сотен Вермахту вполне хватит, что бы и нас с землей сравнять недели за три-четыре, при очень большом нашем везении, и, что очень вероятно, слегка изменить свои планы.

Не разбрасываться сразу на Ленинград, южное направление, а сконцентрироваться на прорыве к Москве, не дожидаясь осени. А там ведь все на ниточке держалось, немцам совсем чуть-чуть сил не хватило для занятия столицы! Ни один теоретик не сможет предсказать, чем это может обернуться для страны. Капитуляции не будет, как я думаю, может даже и в Берлин наши придут ненамного позже, но вот мы с вами этого точно не узнаем, да и цена

такой победы может быть гораздо выше, чем в прошлый раз.

Середко ошеломленно помотал головой. Слишком многое взваливал на него этот необычный человек из будущего.

— Выход мы видим только один. Как можно раньше установить связь с командованием четвертой армии, для организации совместного отпора врагу. Выходить на связь с более высокими инстанциями сегодня или завтра совершенно бесполезно. Нам просто не поверят. Вы же сами до конца еще не верите, хотя и видели вполне достаточно, чтобы понять очевидное? — почти утвердительно поинтересовался майор. — Отпустить вас сейчас в штаб вашего корпуса, так тоже нет гарантии, что они поверят на слово. Снабдить современным автоматом тоже — мало ли сейчас новых образцов оружия появляется.

Дать с собой компьютер с записями фильмов о Великой Отечественной — опять-таки не выход, слишком много времени потребуется на ваше обучение обращению с ним.

Офицер встал и, пройдясь туда-сюда, продолжил:

— Оптимальным представляется следующий вариант. Мы дадим вам в сопровождение одного из наших командиров, для которого и нужен комплект действующей сейчас формы и настоящие документы вашего времени, снабдим его нужной техникой. Вы с ним являетесь в штаб и любыми путями добываетесь приема у генерал-майора Оборина. Ваше присутствие и помощь при разговоре с комкором будет лишним аргументом в правдивости рассказа нашего человека. Если согласны подумать над этим предложением, то сейчас могу устроить вам небольшую экскурсию по расположению бригады, для большей наглядности, так сказать.

Около десяти часов дверь кабинета начальника контрразведки распахнулась, и в него вошли Ледников с Веткачем.

— Вольно, майор, садись, — остановил командующий вскочившего и начавшего рапорт офицера. — Давай, Иван, расположимся и послушаем, что полезного поведали «пленные». Как они вообще оказались посреди леса?

— Классика, товарищ генерал армии, — улыбнулся майор. — Оказались не в том месте, не в то время. Собрались на охоту, тут у них, оказывается, место «прикормленное», перед прибытием в часть. Один после отпуска, второй переводом направлен. Вот их наши ребята и прихватили, во избежание утечки. Что интересно, оказалось, оба должны прибыть в штаб четырнадцатого мехкорпуса, который совсем рядом с нами. Мы провели с ними предварительную работу, появилась интересная перспектива, это в свете ваших сомнений, как бы наладить взаимодействие с местными без лишних накладок.

Генералы переглянулись.

— М-да, Иван, у тебя, смотрю, не только Лисов очень инициативный, но и остальные у него нахватались... — Ледников покачал головой.

— Так ведь, Лаврентий, ты же сам не препятствовал, когда я отбирал себе кандидатов в штат, и утверждал кандидатуры сам, так что не вали с больной головы на здоровую, — в свою очередь подколот командира Веткач.

— Скорее, с больной на больную, — пробурчал командующий. — Ладно, что за идея у вас тут в «застенках» созрела?

Раздался стук в дверь и на пороге появился Лисов.

— Вызывали? Разрешите присутствовать?

— Проходи, располагайся, сейчас нам майор поведаст о замыслах «кровавой гэбни», — продолжил в общем тоне Ледников. — Продолжайте, — это уже контрразведчику.

— План не идеальный, конечно, но нам сейчас не до изысков. Направить к Оборину одного из наших сотрудников, переодев его в форму переведенного лейтенанта. Дать ему с собой ноутбук с впечатляющей и достоверной информацией о том, что завтра начнется, еще пару-тройку предметов из нашего времени для наглядности. Сопровождающим пойдет второй из задержанных, он вполне уже осознал, что к чему, времени у нас хватило для толкового разговора. Поможет уговорить комкора посетить наше расположение, а тут уж мы постараемся быть очень убедительными. Детали можно обсудить прямо сейчас, вот спецназ вы очень кстати пригласили.

Работа по подготовке к участию бригад в войне продолжалась...

21 июня 1941 года, 11:00–17:00 **Станция Тевли — база 21-й бригады — Кобрин**

После отъезда офицера бригады и согласившегося ему помогать местного старшего лейтенанта в расположение штаба четырнадцатого корпуса оставалось только ждать результата. Подготовка к ночному бою шла по плану, генералы опять собрались в оперативном центре, где совместно с комбригом-23 уточняли наряд сил и средств, выделяемых для подавления приоритетных целей.

Сейчас основной задачей был сбор информации о событиях того горького для истории нашей страны дня. Во всех подразделениях было объявлено о предоставлении в спешно созданное Историко-координационное управление всех имеющихся сведений о начальном этапе Отечественной Войны. Офицеры-аналитики из разведки, гражданские специалисты, не занятые непосредственной подготовкой техники, жена одного из офицеров, заведовавшая бригадной библиотекой, все эти люди были собраны в отведенном им помещении и вносили данные со всевозможных носителей в память центрального сервера. Как оказалось, несмотря на лишение связи с Интернетом, в распоряжении пришельцев из будущего оказалось очень много весьма полезных сведений.

На тактических планшетах в штабах бригад с каждой минутой прибавлялись условные значки, обозначающие месторасположение важных объектов противника.

Оказалось, что первоначальное решение о первостепенной важности обеспечить только противовоздушную оборону нашей территории можно и нужно расширить. Даже без учета возможной кооперации действий бригад с частями РККА, намечались весьма перспективные варианты превентивных ударов по местам сосредоточения вермахта, его штабам, узлам связи.

Очень кстати оказались полученные с последним эшелонам сверхштатные комплексы беспилотников ближнего и среднего радиуса действия. Чего уж тут говорить про две батареи РСЗО «Смерч» последней модификации и два дивизиона САУ «Коалиция-202 °С»! Командование бригад получило в свое распоряжение две «длинные руки», не считая приданных эскадрилий ударных Ми-28Н. Основной проблемой оставался слишком большой выбор «вкусных» целей, на поражение всех банально не хватало огневых средств, уж слишком много сил немцы сосредоточили в первых эшелонах группы «Центр». Ледникову приходилось одергивать и себя, напоминая, что лучшее враг хорошего, так и выступая арбитром, когда страсти при выборе очередного объекта для нанесения удара начинали напоминать не работу штаба, а трибуны стадиона во время финала чемпионата мира по футболу.

Когда с ККП сообщили о приближении легковой машины в сопровождении сразу четырех грузовиков с красноармейцами, генерал в очередной раз сказал «Брэк!», разводя в «углы ринга» начарта и начоперода. Первый доказывал важность уничтожения предполагаемого места расположения склада ГСМ, а второй настаивал на доразведке и превращении в металлолом двух сверхмощных немецких мортир «Адам» и «Ева», из которых в нашей реальности вермахт двадцать третьего июня обстреливал Брестскую крепость. Доводы сторон были убедительны, хотя артиллерист упирал на материальные и тактические потери, ведь лишение запаса горючего автоматически лишало часть бронетехники врага возможности совершать запланированные глубокие прорывы, а разрушение двух, хотя и очень мощных артсистем, давало, в большей степени, психологический эффект.

Оперативник утверждал, что хотя боевая эффективность этих монстров и была достаточно сомнительной, но на самого Алоизыча лишение парочки любимых игрушек, к которым он питал нездоровое пристрастие, да еще в самом начале войны, произведет неизгладимое впечатление.

Доклад охраны прервал дискуссию, все повернулись к экрану, демонстрирующему картинку у въезда на базу. Распахнулись ворота, украшенные свеженанесенными красными звездами, и короткая колонна проехала на территорию. Через несколько минут дверь в оперцентр распахнулась, и специально проинструктированный дежурный подал команду:

— Товарищи командиры!

Вслед за Обориным вошли несколько его подчиненных из штаба и контрразведчик, уезжавший парламентаром.

Два командующих сошлись на середине зала...

...

Несмотря на некоторую настороженность, два «больших» генерала договорились почти мгновенно. Чему, в немалой степени способствовал вид центра управления.

В результате короткого обсуждения пришли к решению не затягивать с визитом в штаб четвертой армии. В Тевли был отправлен один из прибывших грузовиков, его сопровождала КШМ первого батальона, рота мотострелков на БМП, КУНГ с передвижным ретранслятором и два «Урала» с радиостанциями и связистами, которым предстояло наладить бесперебойный обмен информацией между подразделениями.

Одним из новых пассажиров КШМки, не входивших в ее штатный экипаж, был сотрудник НКВД, получивший пакет с подробными инструкциями для бойцов четырнадцатого мехкорпуса, несущих сейчас охрану мостов и других стратегических объектов. Выделять спецназовцев для предотвращения действий диверсионных групп противника посчитали пока преждевременным. Слишком большой была вероятность, что пришельцы не смогут точно определить принадлежность людей в красноармейской форме именно к частям полка «Бранденбург». Решили пока ограничиться приказом задерживать любого, кого караулы не знают в лицо, с немедленным вызовом подкрепления. И лишь для нескольких точек, ясно означенных в мемуарах и донесениях «захваченными диверсантами» выделили спецотряды.

Налаживание взаимодействия бригады Соломенцева с расположенными по соседству с ней частями решили отложить, до согласования дальнейших действий уже на более высоком уровне, то есть после прибытия делегации во главе с Ледниковым в штаб четвертой армии и переговоров с ее командованием. Колонну для выезда в Кобрин сформировали быстро, все чувствовали, как утекают минуты последнего мирного дня, а проблем, которые предстояло решить, оставалось еще слишком много.

До окраины города оставалось меньше пяти километров, когда сидящий в тесном отсеке КШМ Лисов, не отрывавшийся от перископа, обратил внимание на группу солдат, подходивших с боковой дороги к перекрестку. Он обернулся к Оборину и Ледникову, продолжавшим обсуждение, начатое на базе:

— Товарищ генерал армии, разрешите обратиться к генерал-майору!

— Разрешаю.

— Тащгенерал, вы не в курсе, сегодня должны были проходить какие-либо выходы в поле красноармейцев с оружием и проведения учений в этом районе?

— А чем дело, майор?

— Извините, но мне нужен быстрый ответ!

Не привыкший к подобному обращению комкор побагровел, но потом, сделав над собой усилие, и вспомнив, что этот дерзкий майор не является его прямым подчиненным, все-таки решил отложить разбор вопроса о дисциплине и субординации на потом.

— Нет, сегодня же суббота. Хотя у нас и не хватает пока времени...

Не слушая дальнейших объяснений, Лисов совсем уже невежливо отвернулся, схватил гарнитуру связи и скомандовал:

— «Двойка», «Пятерка», срочно на связь! — рация что-то неразборчиво буркнула.

— Видите отделение бойцов, справа от нас подходит к дороге? Они самые! «Двойке» броском обойти их сзади, спешиться и не дать возможности отойти! «Пятерка», подгоняй коробочку прямо к ним и заставь сложить оружие. При сопротивлении огонь только по

конечностям, выполняйте!

Не слушая недоуменных вопросов комкора, он протиснулся в отделение управления.

— Мазута, слышал, что я сейчас говорил? — Лисов ткнул механика-водителя в плечо.

Механик только кивнул и, не дожидаясь команды, свернул с дороги, резко развернулся и погнал машину обратно к перекрестку. Командира спецназа он тоже знал не первый год, да и кто в бригаде его не знал, поэтому привык, что майор не имеет привычку что-то делать просто так.

Когда БТР остановился, Лисов выпрыгнул из него через верхний люк. Оборин, так ничего и не понявший, все более закипавший командным гневом, выбрался из отсека вслед за Ледниковым. Картина, представшая его глазам, была достаточно живописной.

Со стороны проселка, выходявшего на дорогу, по которой ехала колонна, рысцей приближались пятеро подчиненных Лисова, тащивших с собой двух слабо трепыхавшихся красноармейцев. Сзади их нагоняла порывающаяся БМП-4, из распахнутого башенного люка которой высовывался командир, оглядывавший окрестности в бинокль. Прямо у перекрестка стояла вторая «четверка», перед которой лежали лицом в землю еще семеро, сложивших руки на затылках, а восьмой возлежал на самодельных носилках. Окружившие задержанных спецназовцы держали лежавших на прицеле.

— Что все-таки здесь происходит?! — дал наконец волю скопившемуся недоумению генерал-майор. — Что вы себе позволяете?

Генерал армии только вопросительно посмотрел на ротного.

— Разрешите доложить? — И, не дожидаясь подтверждения, Лисов нагнулся, взял ППД из кучки оружия, сложенного в сторонке от неизвестных, а потом совсем грубо ткнул одного из них в бок тяжелым ботинком. — Вста-ф-ф-ай, горячий прибалтийский парень, пора уже и пого-ф-ф-орить. Только ручки так и держи, без резких движений! Ребята, вяжите остальных как положено, с ними все ясно.

...

Трудные, сумбурные, несмотря на присутствие уже более-менее освоившегося с пришельцами Оборина, переговоры с командующим четвертой армией генерал-майором Коробковым затянулись до семнадцати часов. Большим плюсом, который помог растопить лед недоверия между предками и потомками, оказалась захваченная немецкая диверсионная группа, с которой сейчас общались местные чекисты.

Когда, наконец, решили перейти к составлению планов совместных действий, поступило вполне разумное предложение сделать короткий перерыв для обеда, а за это время приехавшие с делегацией бригады специалисты как раз наладят современную связь, позволяющую принять участие в обсуждении удаленным участникам, в лице штабов Веткача, Соломенцева и мехкорпуса.

Направляясь в столовую, Ледников отстал от Коробкова на пару шагов и спросил идущего сзади основной группы Лисова:

— Помнишь песенку барда про одного капитана?

— Это про того, который не станет майором?

— Именно, вот ты пока делаешь все возможное, чтобы для местного начальства никогда не возникал вопрос о присвоении тебе следующего звания. Ладно Оборин, там же полно народу было из его штаба, а среди них я обратил внимание на одного очень занудного политрука, похож, кстати, на нашего юриста, который ночью вылез со своими рассуждениями о нашем статусе. Такая же либерастическая зараза, должен заметить. Хорошо, что он сам процесс допроса не видел, а только тушку того белобрысого...

— Товарищ генерал, сами же понимаете, там важен был результат, причем быстрый, а все эти методы, вроде «плохой — хороший» годятся только, если у тебя вагон времени. Так уж сложилось, выступили при зрителях, но польза-то все равно перевесила! А на эти очередные звания мне, так совершенно с самой высокой колокольни, не за звания воевать будем, да и раньше не за них мы свое дело делали.

— Да знаю, что ты прав, да и воспитывать особо не собираюсь, но ты все-таки делай

поправку на время. Хотя предки наши еще и помнят, что сами творили в Гражданскую, так не все же поголовно, а эти замполиты хреновы мне еще в нашем времени крови попили. Ты только в позу не становись, а прикинь на будущее — ведь мне, как ни крути, но придется рано или поздно и с самыми верхами местными знакомиться. Думаешь, не найдется бумажная крыса, которая не стукнет по команде? — Ледников недовольно покачал головой. — А там пойдет бумажка гулять по инстанциям. Здесь тебе не там, нравы проще и циничнее. Это если ты еще не въехал в ситуацию. Ладно, закончим на этом, да и пришли уже.

После обеда все вернулись в штаб, где местные штабные командиры были в очередной раз шокированы столкновением с техникой будущего. Их удивление и восхищение грозным видом БМП, принятых за тяжелые танки, скрытой мощностью «Уралов», выглядящих фантастически на фоне полуторок, было возведено в энную степень обилием радиостанций самого футуристического дизайна, предающего речь далекого собеседника без привычных здесь хрипов и помех. Что тогда и говорить про мониторы, позволяющие видеть лицо абонента, тактический планшет с мощным процессором, завязанным на общебригадную АСУ, позволяющий видеть обстановку на много километров практически вживую!

Если бы они еще знали, какую битву выиграл Ледников, когда выбивал этот самый планшет из прижимистого тыловики, то степень восхищения однозначно бы подросла еще больше. Хотя, если исходить из того, что аппарат все-таки был получен, генерал подозревал, что в «лабазах каменных» есть еще приличной глубины залежи всяких полезных вещей.

21 июня 1941 года, 17:48 **Штаб 4-й армии, г. Кобрин**

Совещание штабов открыл командарм Коробков.

— Товарищи командиры! Вы все ознакомлены с теми сведениями, которые нам сообщили наши, — тут он запнулся, подбирая слова, — коллеги. Раз уж мы договорились, что будем строить свои дальнейшие действия, исходя из этой информации, то возникает естественный вопрос. Как нам доложить по инстанциям о новых обстоятельствах, и что мы успеем сделать в оставшееся до вторжения немцев время.

— Разрешите? — со своего места поднялся Ледников. Дождавшись утвердительного кивка, он продолжил:

— Что касается «доложить». Я бы не стал с этим спешить. Начиная с трех часов сегодняшней ночи, мы, сначала в своем кругу, а потом уже вместе с генералом Обориным, рассматривали те или иные варианты передачи такой важной информации в штаб округа, а затем и еще выше. Должен заметить, что, кроме обычных доводов, приводимых «за» и «против» доложить немедленно, или подождать естественного, так сказать, хода событий, мы рассматривали и несколько необычные, с точки зрения людей вашего времени.

Там, откуда... или, точнее, из когда, — поправился Ледников, — мы к вам попали, кроме обычных архивных документов, исторических монографий, учебников тактики и стратегии, существует еще один, достаточно спорный, но интересный инструмент, позволяющий строить разной степени правдоподобия экстраполяции.

Не буду отвлекаться на подробности, скажу только одно. Нет возможности, по крайней мере, в данной ситуации, — оговорился генерал, — построить корректную модель развития событий, если мы попробуем доложить о своем появлении высшему руководству армии и страны. Реакция отдельных личностей, организаций, которыми они руководят, может оказаться весьма далекой от оптимальной, что может привести к более тяжелым последствиям, если сравнивать с нашим вариантом истории. Особо прошу обратить внимание, именно с «вариантом истории», поскольку, даже если бы мы сейчас не сидели рядом с вами, одно наше нахождение в этом времени уже изменило привычное течение событий.

Генерал отпил несколько глотков минералки из стоящего пред ним стакана и

продолжил.

— У нас осталось едва девять часов, прежде, чем немецкие снаряды и бомбы упадут на нашу землю. Давайте используем их с максимальной пользой, исходя из тех возможностей, которые нам доступны без обращения к вышестоящим. Часть мероприятий уже проводится, в частности, по нашему совету, охранные подразделения четырнадцатого корпуса несколько изменили порядок несения караульной службы на вверенных им объектах. Предлагаю сделать тоже самое в рамках остальных частей, входящих в четвертую армию. Перечень рекомендаций вы можете прочитать здесь. — Лаврентий Георгиевич указал на стопку папок, лежащую на столе. — Если экземпляров не хватит, мы немедленно изготовим необходимое количество. Далее, мне представляется необходимым поручить товарищам из НКВД оказать всемерную помощь в своевременном доведении до каждого командира частей, расположенных в Белостокском выступе, о необходимости в полной мере выполнить все пункты директивы, которая поступит в округ только после ноля часов. В наше время, из-за обрывов линий связи, устроенных диверсионными группами, подобных той, что вы уже видели, а также из-за нерасторопности некоторых лиц на местах, она или не дошла до исполнителей, или не выполнялась в полной мере.

После этих слов по собравшимся прошестел легкий ветер недовольства, быстро, впрочем утихший под совместными взглядами Ледникова и Коробкова.

— Теперь есть возможность исправить положение, отправив на связных самолетах курьеров с достаточными полномочиями не только в подчиненные вам подразделения, но и вашим соседям, в десятую армию.

Слово попросил один из присутствующих командиров с васильковыми петлицами.

— Товарищ командарм, разрешите?

— Говорите.

— Что за директива, и почему необходимо передавать ее с нашей помощью?

Ледников сделал над собой усилие, чтобы не усмехнуться в открытую, но постарался ответить максимально серьезно.

— Директива о приведении войск в полную боевую готовность. А почему вы? — генерал пожал плечами. — Понимаете, в наше время о вашей организации сложилось мнение, что вы можете многое, и еще немного сверх этого. Поэтому я и прошу оказать максимальное содействие в той работе, которую мы будем делать для отражения вероломного нападения врага. Что касается нашего участия, то могу всех присутствующих заверить. Если мы сейчас достигнем согласия, и сможем на этом, одном из главных участков предстоящих сражений, внести свой вклад, то результаты вы сможете оценить очень быстро. Та история, записи о которой есть у нас, станет меняться, причем в иную, лучшую для страны и народа, сторону. И у вас будет возможность сравнить, как было тогда у нас, и как оно пойдет здесь и сейчас.

Мы поможем всей своей огневой мощью, а она достаточно впечатляющая, это не пустые слова, нам уже не раз приходилось доказывать делом, что лучше с нами не связываться.

— Давайте перейдем к разбору наших предложений? — предложил Оборин, все еще с трудом осознающий происходящее. От такого голова попросту шла кругом!

На большом экране, поставленном у стены, возникла карта Западного особого военного округа, подпираемого устремленными на восток стрелками, обозначающих направление планируемых вермахтом ударов. На отвлеченные темы времени уже не тратили, все, как присутствующие в штабе физически, так и виртуальные участники, принялись за ту работу, которой их обучали в училищах и академиях двух времен.

22 июня 1941 года, 03:15

Позиции подразделений бригад восточнее городов Брест и Гродно

Вчерашний совершенно нереальный день закончился. Он вместил в себя столько

событий, что многим хватило бы не на один год привычной жизни. Но все хорошее, как и плохое не может длиться вечно.

Небо на востоке еще только намекало на рассвет, когда множество людей по обе стороны границы заняли свои места за штурвалами самолетов, рычагами боевых машин, склонилось над картами, ожидая первых донесений с полей предстоящей грандиозной битвы. И все они, независимо от государственной принадлежности, рассчитывали, что противник не ожидает того, что должно было случиться буквально через несколько минут.

Немецкие генералы имели на это совершенно обоснованное право: не было ни одного признака, что их планы или раскрыты, или, даже если допустить, что русские все-таки что-то узнали, то готовы принять какие-то меры в ответ. Штурманы давали пилотам последние уточнения перед выходом на боевой курс, номера расчетов орудий колдовали над прицелами, ожидая команды «Огонь!», пехотинцы закуривали крайние сигареты перед решительным броском.

И тут что-то пошло не так...

Единственное, о чем командование пришельцев из будущего века так и не смогло договориться с командирами Красной Армии, успевшими познакомиться со своими потомками, так это о нанесении превентивного удара по разведанным позициям вермахта.

Ледникову, и его офицерам, пришлось, скрепя сердце, пойти на уступки и рассчитывать планы ведения артиллерийского огня в ответ на первый залп немцев.

После двух часов ночи двадцать второго июня были запущены несколько беспилотников, которые сейчас незамеченными кружили в темноте над позициями орудий, скоплениями танков и пехоты противника. Была надежда, что приказы, отправленные в части с посыльными, все-таки будут выполнены должным образом, и в тех местах, куда сейчас упадут немецкие снаряды, не окажется наших солдат. В отношении Люфтваффе наши современники проявили больше упорства, и смогли доказать, что уничтожение самолетов противника, уже находящихся над нашей территорией, никаким образом не может быть расценено как провокация со стороны СССР.

Что же, кому-то в этой войне должно было не повезти первому.

Пилоту Ju.88, возглавлявшему группу из почти тридцати бомбардировщиков, оставалось меньше двух минут лета до расчетной точки, где бомболюки его машины раскроются и вниз полетят первые бомбы. Согласно планам сухопутного командования и руководителей германских ВВС, самолеты должны были набрать максимальную высоту над своей территорией, а потом, с приглушенными моторами, незаметно подобраться к советским аэродромам, штабам, другим важным целям русских практически одновременно с началом артподготовки. И пока ничто не указывало на препятствия перед выполнением этих планов.

Яркие вспышки далеко внизу и чуть в стороне от курса, хотя и насторожили летчика, но не слишком, и последние несколько секунд в своей жизни он оставался спокоен. Не было у этих русских зениток, способных достать его самолет с такого расстояния! Убедиться в собственном заблуждении он уже не успел.

Ракета, выпущенная ракетной установкой, созданной много лет вперед, не могла читать мысли немецкого пилота, да ей это и не было нужно. За те четырнадцать секунд, во время которых она преодолела место от старта до точки встречи, ее электронная начинка была занята совершенно другим делом. Получить команду на старт от бортовой аппаратуры комплекса «Тор-МЗ», запустить ракетный двигатель, выдавать команды на рулевые машинки для корректировки курса и вовремя замкнуть цепи взрывателя. Совсем короткая активная жизнь, но ведь ракету и создали для этих нескольких секунд. Если бы у подобных созданий человеческого разума были чувства, то одним из них наверняка была бы гордость за отлично выполненную работу!

Батарея ЗРК выпустила свои двадцать четыре ракеты меньше, чем за тридцать секунд. Две ракеты поразили одну и ту же цель, одна самоликвидировалась вследствие неисправности. Перезарядить боевые машины зенитчики при всем желании не успевали, но

самолеты противника шли достаточно плотным строем, осколки поражали и соседние машины, поэтому в воздухе осталось всего три цели. Для приданного батарее комплекса «Панцирь-С2М» они не оказались слишком сложными, на полигонах и в достаточно частых мелких конфликтах второго десятилетия следующего века расчетам этих установок приходилось поражать гораздо более скоростные и верткие мишени. Три последовательных пуска и последние отметки в районе советского аэродрома под Волковыском исчезли с экранов радаров и планшетов в штабах бригад и четвертой армии.

Ледников остался в штабе Коробкова, ему хотелось поближе познакомиться с людьми этого времени, самому сравнить сухие строки из прочитанных книг и реальные характеры тех, кто своей жизнью дал возможность появиться ему и другим его современникам. Да и его помощь в правильном использовании новых средств управления войсками предками не была лишней.

Когда на экранах, транслирующих картинку с камер разведчиков, темнота внизу расцветилась множеством ярких вспышек, Лаврентий Георгиевич не удержался и опередил командарма, скомандовав своим подчиненным «Ответный огонь!».

По этой команде, заранее выведенные на позиции дивизионы и батареи самоходок одновременно произвели первые залпы. Введенные в прицельные устройства координаты целей были уточнены с помощью аппаратуры БПЛА и радаров контрбатарейной борьбы.

«Коалиции-202 °С» две минуты работали в режиме «шквал огня», выпустив каждая больше тридцати снарядов, которые в этом режиме накрывали цели практически одновременно. «Грады» отработали по местам сосредоточения пехоты, где немецкие солдаты с опережением в несколько месяцев от прошлого варианта истории на собственной шкуре испытали действие того ужаса, который они потом прозвали «Сталинским органом», только вот в еще более ухудшенном (для них) варианте!

Картинки на мониторах задержались, скрылись в клубах пыли и дыма, сквозь которые лишь только чуткие глаза тепловизоров могли разглядеть быстро тухнувшие огоньки разрывов.

Только на одном экране пока ничего не происходило — ракетам двух установок залпового огня «Смерч» надо было преодолеть почти восемьдесят километров до маленькой польской деревушки Вольска Добринска, где расположился штаб второй танковой группы генерала Гудериана.

При составлении огневого плана решили не экономить, выделив для этой цели двадцать три снаряда трех различных типов. Первыми достигли заданного района семь фугасных ракет, за ними последовали восемь с термобарическими головными частями. Разрывов оставшихся боеголовок с готовыми поражающими элементами никто уже не увидел. Разведчик, как и предполагалось, был поврежден «дружественным огнем», изображение пропало на целых две минуты, пока не начало поступать изображение с беспилотника, доставлено туда последним из выпущенных снарядов.

Запись трансляции потом будет проанализирована с помощью компьютеров оперативного центра, но и того, что увидели находившиеся у пультов люди, хватило, чтобы поверить в то, что о «быстроходном Гейнце» можно больше не вспоминать.

Остальные четыре машины пока были оставлены в резерве, как и батареи, приданные бригаде Соломенцева, для которых намечалась своя особая задача, даже две.

Во-первых, они должны были предотвратить фланговый удар частей второй армии на Барановичи и Минск, поддержанный третьей танковой группой. Во-вторых, если получится с помощью Красной Армии на день задержать немецкое наступление в районе Гродно и чуть севернее города, то выдвинуть установки как можно ближе к границе и нанести удар по аэродромному узлу вокруг города Сувалки. Это была заманчивая цель, ведь там, кроме самолетов и пилотов, располагались штабы восьмого авиакорпуса...

22 июня 1941 года
Подмосковье, «Ближняя Дача»

Вокруг обители вождя СССР было довольно темно. Светившиеся окна лишь немного отгоняли мрак, изредка освещая проходящих охранников. И раздавшийся незадолго до знаменательных четырех часов утра телефонный звонок почему-то вызвал у начальника личной охраны Сталина Власика нехорошие предчувствия.

Через несколько минут он вошел в спальню и, глубоко вздохнув, осторожно тронул руку вождя, лежавшую поверх одеяла:

— Товарищ Сталин... Товарищ Сталин, — отсутствие реакции на едва слышным шепотом произнесенные слова заставило его еще раз, но уже громко, повторить:

— Иосиф Виссарионович... Товарищ Сталин.

Тот неожиданно открыл глаза, и абсолютно свежим голосом, будто совсем и не спал, а просто глубоко задумался, спросил:

— Что-то случилось?!

Руководитель охраны на секунду замялся, вызвав реакцию, почти в точности соответствующую реакции президента страны из двадцать первого века:

— Проблемы?

— Да, товарищ Сталин. Звонит начальник Генерального Штаба Жуков, просит вас срочно подойти к телефону, — и, еще секунду спустя, добавил:

— Вы требуется очень и очень срочно. Дело неотложное.

Председатель Совета Народных Комиссаров СССР сел и внимательно посмотрел на взволнованного Власика. Тот, еще секунду помывшись, пояснил:

— Немецкие самолеты бомбят советские города.

— Что?.. Бомбят? — Сталин быстро встал с дивана и направился к двери. Уже выходя из комнаты он остановился и, обернувшись, строго посмотрел в глаза начальника охраны. Но тут же развернулся, ничего не сказав, и значительно ускорив шаг, едва ли не бегом, отправился к телефону.

— Сталин, — коротко бросил вождь.

— Артиллерия немцев ведет огонь по нашим приграничным позициям и погранзаствам. Авиация бомбит наши города. В том числе Киев, Минск, Севастополь, а также аэродромы и военные городки. Это уже не провокация — это война. Разрешите начать ответные боевые действия? — взволнованный голос Жукова, звучавший из телефонной трубки посреди ночи, мгновенно убедил лидера СССР в том, что ситуация более чем серьезная.

Начальник Генштаба, не услышав ответа, переспросил:

— Товарищ Сталин, вы меня слышали?

— Секунду, — лихорадочно бьющиеся в черепной коробке мысли метались словно тараканы. Наконец, молчание председателя СНК прерывалось логичным вопросом:

— Где находится Тимошенко, товарищ Жуков? Он там у вас?

— Да, говорит по телефону с генералом Кирпоносом, — нарком обороны, слушающий в данный момент командующего Киевским Особым военным округом, при этих словах начальника Генштаба поднял голову.

— Берите его и через сорок минут приезжайте в Кремль, — сказал Сталин и, опустив трубку на рычаг, повернулся к начальнику охраны.

— Вызовите Поскребышева, скажите, чтобы он быстрее пригласил ко мне всех членов Политбюро.

Еще какое-то время помолчав, глядящий вслед ушедшему Власику вождь негромко произнес:

— Все-таки напал... обманул, мерзавец!

22 июня 1941 года, 09:00–18:00
Западный фронт

К девяти часам утра объединенные штабы частей двадцать первого и сорок первого годов уже могли подвести некоторые итоги. Прорывов фронта, охватывающих ударов через Брест и Гродно, с последующим окружением дезорганизованных, лишенных связи и управления советских частей, на данном участке у немцев не получилось. Конечно, в отдельных местах, пользуясь многократным превосходством в живой силе и технике, вермахту удалось сбить с рубежей не успевшие развернуться в боевые порядки части нашей армии и продвинуться на территорию СССР, местами на десять-двадцать километров.

Но как это было не похоже на так и не случившийся блицкриг!

Многие подразделения Вермахта даже не успели перейти границу, как понесли такие потери, что означенным соединениям требовалось немедленное пополнение для сохранения боеспособности. Только вот получать это самое пополнение было неоткуда — тех пяти резервных дивизий, что были у немцев в запасе на данном участке фронта, явно не хватало, чтобы вести активные наступательные действия, тем более что бывшего превосходства в воздухе Люфтваффе не имели. Оба дивизиона «Торов» расстреляли весь возимый боезапас, а это, на секундочку, ровно четыреста восемьдесят ракет!

Первыми жертвами выстрелов ЗРК стали эскадрильи, атакующие города и аэродромы, непосредственно прикрываемые зенитчиками, кое-что досталось на долю тех самолетов, которые возвращались после ударов по целям в нашем тылу. Расчетам «Стрел» и «Панцирей» даже не приходилось принимать участия в обороне, разве что кроме нескольких эпизодических случаев.

Особенно большие потери немецкие ВВС понесли во время атак на Брест и Гродно, где они пытались поддерживать свои наземные части. Даже делая очень приблизительный подсчет, можно было уверенно сказать, что противник лишился более половины своих двухмоторных бомбардировщиков из чуть более трехсот, потерял не менее сотни «Штук» и примерно столько же «сто девярых», которые поплатились за свои попытки выступать в роли штурмовиков. Ведь как только «мессер» попадал в зону досягаемости пушек «Панцирей», то, как правило, после одной-двух коротких очередей российских скорострелок хоронить было уже некого. А ведь помимо зенитных батарей далекого будущего в дело вступили и советские летчики, в этот раз не собиравшиеся вот так просто отдавать небо врагу.

Значительно труднее пришлось войскам в Белостокском выступе. На земле у немцев не было такого превосходства в силах перед фронтом 10-й армии, они рассчитывали сначала окружить скопившиеся на этом участке наши войска, и только потом разгромить получившийся «котел». И основные потери Красная Армия здесь несла от налетов авиации противника. Но и тут, вовремя получив указания, переданные из штаба 4-й армии с помощью уполномоченных из НКВД, командование смогло организовать противодействие, наладить прикрытие собственных аэродромов, не увлекаясь пока попытками наносить бомбовые удары за линию государственной границы.

В течение всего дня самоходки бригад оказывали огневую помощь обороняющимся частям, выбивали вражескую артиллерию по засечкам радиолокаторов и по целеуказаниям, получаемым с беспилотных аппаратов.

Некоторое беспокойство у Ледникова вызывали как раз потери среди этих очень полезных самолетиков, достигших уже тридцати процентов. Самым обидным было то, что большинство из них было сбито или пилотами наших же ВВС, или пехотинцами, увидевшими не так высоко надо собой что-то совершенно им не знакомое.

Но это можно было пережить, гораздо большее беспокойство генералу доставляли не совсем вразумительные распоряжения, запросы и приказы, так и сыплющиеся из Минска, от Павлова, и из Москвы, от Тимошенко.

Учитывая, что на юге и севере дела обстояли гораздо хуже, практически в точности повторяя нашу реальность, посоветовавшись по защищенной линии с Веткачем и Соломенцевым, Лаврентий Георгиевич решил обострить ситуацию в собственном тылу. Согласовав предстоящий план действий на следующий день с командирами бригад, он начал следующий этап легализации, на более высоком уровне.

Переговорив наедине с Коробковым, он договорился об истребительном прикрытии из четверки «Ишаков» и двойки «МиГов» и вызвал с базы «вертушку». После чего, загрузившись на борт в сопровождении отделения спецназа и сразу десятка местных чекистов, приказал взлетать. Вертолет взял курс на Минск...

22 июня 1941 года, поздний вечер Берлин, Рейхсканцелярия

— Мой фюрер, наступление происходит почти в точном соответствии с нашими планами, хотя, как мы и предполагали, уже появились расхождения. Группа армий «Юг» продвинулась на территорию большевиков даже дальше, чем мы ожидали, сопротивление противника хаотично и разрозненно. Армии северного направления в целом достигли тех рубежей, которые им были установлены. Несколько запаздывает их правый фланг, что связано с самовольными действиями фон Бока, который прекратил движение своих дивизий, намеченных в помощь группировке, наступающих на Прибалтику и Ленинград, — Кейтель перевел дыхание и замолчал. Докладывать оставшуюся часть сводки у него не было ни малейшего желания.

Но желающих заменить его в роли гонца, приносящего плохие вести, не находилось, а откладывать ознакомление Гитлера с результатами начала операции «Барбаросса» он не рискнул. Оставалось только не детализировать, надеясь на то, что положение еще можно исправить, и завтра из штаба фон Бока поступят более приятные сообщения.

— Группа армий «Центр» встретила неожиданно сильное сопротивление противостоящих частей русских, понесла совершенно незапланированные потери и не смогла практически нигде на своем участке фронта развить успех. Поэтому фельдмаршал начал перегруппировку, перебрасывая войска своего левого фланга к югу.

— А где Гудериан? Где его хваленые пантеры? Где обещанные мне прорывы русского фронта? Расскажите мне, что Сталин успел в тайне возвести на новой границе свою линию «Мажино» и теперь Гейнц опять будет вопить о необходимости искать лазейки среди фортов? — Гитлер умел быстро заводить себя, подавляя окружающих своей энергией, хотя это больше помогало с политиками, чем с военными, от которых требовался вполне конкретный результат. — Пусть он не выдумывает отговорки, а занимается своими прямыми обязанностями, мне необходимо в кратчайшие сроки доказать всем, что нашу победоносную армию не способен остановить ни один противник!

Дальнейший монолог рейхсканцлера все дальше уводил присутствующих от темы доклада. Кейтель с облегчением понял, что требовать от него подробности сегодня уже не будут.

А они, эти самые подробности, отнюдь не радовали. Полностью потеряна связь со штабом Гудериана, руководство Люфтваффе о происходящем рассказывает очень уклончиво, сообщая о каких-то невероятных вещах и очень туманно говоря о своих достижениях. Единственная совершенно точная информация была о сверхтяжелых орудиях «Адам» и «Ева», переброшенных поближе к Бресту, исходя из возможного применения их мощных снарядов против крепостных сооружений. Так оказалось, что обе установки уничтожены артиллерией русских, оказавшейся дьявольски точной и дальнобойной. О присутствии орудий с подобной дальностью стрельбы в данном районе Абвер даже не упоминал!

Пообещав себе, что Канарис за это еще заплатит, Кейтель вернулся к речи фюрера, который явно собирался заканчивать.

Успокоившись, Гитлер даже не вспомнил начала разговора, настолько был заморожен перспективами, которые только что развернул в своем пылком монологе. Решив не портить себе настроение общением с этими тупыми вояками, он их отпустил. С удивительным единодушием генералы поспешили распрощаться и покинуть кабинет вождя.

23 июня 1941 года, утро На маршруте Прашниц — Гродно

Обер-лейтенант Рудель закончил предполетную проверку и начал выруливание на старт вслед за командиром Эвальдом Янсеном, который вчера назначил его своим ведомым. Теперь у Ганса Ульриха появился реальный шанс доказать, что предвзятое отношение к нему командира группы ничего не стоит.

Ju.87 взревел двигателем на взлетных оборотах и устремился вслед за самолетом ведущего навстречу еще низкому солнцу.

Сбор группы над аэродромом, построение в походный порядок и пикировщики берут курс вдоль железной дороги на Гродно, где эти пехотные черепахи завязли в пригородах, взывая о помощи к небесам, то есть к ним, пилотам непобедимых Люфтваффе. Ну что же, сегодня у него, Руделя, есть все возможности оказать помощь своим солдатам и доказать всем зазнайкам и чинушам в погонах, кто является настоящим пилотом пикирующего бомбардировщика!

К сожалению обер-лейтенанта, о его грандиозных планах совершенно ничего не знал командир экипажа ударного вертолета, летящего сейчас в тридцати километрах южнее строя «Юнкерсов» над самыми верхушками деревьев. Еще ночью эскадрилья ударных вертолетов из бригады Соломенцева, с приданными к ним в качестве сил ПСС Ми-171МВН, перелетела на один из аэродромов в расположении десятой армии.

Во вчерашнем разговоре с Ледниковым, комбриги приняли решение один раз использовать свои вертолеты в качестве мобильных средств ПВО. Устраивать воздушные бои с немецкими самолетами вертолетчики не собирались, но вот побыть в качестве перехватчиков для уничтожения огибающих расположение 10-й армии самолетов противника попробовать было можно. На пилонах «вертушек» висели по две «Иглы» для самообороны, и по две управляемые ракеты новейших модификаций.

Поднявшийся более часа назад с взлетного поля, Ка-52, вместо ракетного вооружения несший лишь подвесные баки с керосином, выписывал восьмерки на сверхмалой высоте, иногда делая подскоки метров до пятисот, с помощью радара обзорева местность в радиусе семидесяти километров.

За прошлый день компьютеры баз и их операторы хорошо потрудились, сводя в базу данных сведения о воздушных и наземных целях, появляющихся в зонах досягаемости радаров всех постов и боевых машин. Их классифицировали, вводили в память, и теперь не составляло труда определить, что именно появилось на экранах.

Стрелок-оператор «Камова» быстро опознал появившиеся на пределе обнаружения цели — сразу три девятки «Штук», следовавших курсом в сторону Гродно. Восьмерка «Милей» взлетела и на предельно малой высоте устремилась на перехват. С современными им самолетами такими экспериментами заниматься не следовало, но сейчас все шансы были на стороне пришельцев из будущего — ведь будущие жертвы даже не подозревали, что они на прицеле.

В сорока километрах головки самонаведения захватили отраженные от пикировщиков импульсы радара. Произведя распределение целей, пилоты вертолетов разомкнули плотный строй и начали резкий набор высоты. На каждую девятку «Юнкерсов» было наведено по пять ракет. Одной из групп вражеских самолетов не повезло чуть больше — им досталось шесть.

На километровой высоте «двадцать восьмые» произвели пуск и немедленно спикировали к земле, одновременно меняя курс в направлении к своей базе. Немного отставая от них, туда же следовали и спасатели, оставлять столь ценную технику в пределах досягаемости чужой авиации без прикрытия наземной ПВО было бы совсем не разумно. Тем более что все уже было сделано.

Ничто не предвещало атаки, с земли ни о какой опасности не предупреждали, стрелки, осматривающие воздушное пространство сзади, тоже ничего подозрительного не видели. И

вдруг, свершено неожиданно, небо украсилось дымными клубками, из которых разлетались искореженные куски дюрала. Оставшиеся в живых пилоты, совершенно деморализованные столь неожиданной и страшной атакой, инстинктивно направили свои самолеты куда угодно, только подальше от этого кошмара! За такие панические действия двое из них были немедленно наказаны столкновением, и еще два бомбардировщика, сцепившись в клубок, устремились к земле.

Паника, и так уже захлестнувшая экипажи, усугублялась криками стрелка одного из падающих пикировщиков, который не мог покинуть его из-за заклинившего фонаря кабины. Нервы у немцев окончательно не выдержали, и они начали беспорядочно сбрасывать свои бомбы, одновременно разворачиваясь к своему аэродрому и максимально форсируя двигатели. Финальную точку в этом трагическом для Люфтваффе случае поставили их же собственные бомбы, по злему року угодившие в проходящий внизу везущий боеприпасы эшелон.

Впоследствии, до этой, далеко не последней неудачи группы армий «Центр», никому не было дела. И уж тем более никто не собирался вспоминать еще одного погибшего летчика по имени Ганс Ульрих Рудель.

23 июня 1941 года, 11:00–13:00

Северо-западнее Гродно

Капитан Леонид Васильев осмотрел позиции своей роты и прикрывающей ее батареи и не нашел видимых изъянов. Бойцы, хотя и поднятые по тревоге сразу после полуночи вчерашних суток, все-таки успели найти время за эти первые полтора дня войны по очереди подремать. Батарейцы вроде как тоже ухватили чуток сна — кто у коноводов, спрятавших лошадей чуть сзади огневой, а кто и прямо у орудий. Адская работенка по подготовке к обороне была завершена, так что теперь и он может позволить себе несколько минут отдыха. Как-никак, рота окопалась, орудия замаскированы на совесть, сектора стрельбы распределены.

Командир батареи, прошлогодний выпускник артучилища, на удивление дотошный лейтенант, устраивал нахлобучку связистам на своем КП метрах в семидесяти левее орудия, рядом с которым присел капитан.

Васильев недовольно покачал головой — все-таки расчет еще совсем молодые ребята. По-хорошему, с ними бы еще месяца два как следует поработать, научить прилежности в копании землицы, которая станет единственной защитой после первого же выстрела, раскрывшего противнику твою позицию.

Но отдохнуть Леониду в этот раз не пришлось. Артиллерист видимо добился связи с командованием, потому что разнос телефонистов прекратился, но буквально через пару минут на полянку перед КП выскочил его непосредственный начальник — полковник Гнатюк. Тот огляделся и, увидев капитана, призывно махнул рукой. Делать было нечего — и грустно вздохнув, Васильев направился к командиру.

— Вот что, Саныч, — обратился к нему полковник, — ты же эти места лучше всех знаешь?

— Так точно, второй год уже пошел, как наш полк сюда перевели, так я с первого дня начал прикидывать, что к чему может быть.

— Это очень хорошо, сейчас подойдет машина, меня попросили выделить человека, знакомого с местностью, проведешь товарищей, куда они скажут.

— Так точно, — капитан замялся, — а ребята мои как же, товарищ полковник?

— Не переживай, Саныч, ничего с ними не случится без тебя, мы, похоже, пока вообще без дела остались, — и, видя недоумение на лице командира, Гнатюк пояснил:

— Соседи наши постарались, немцы даже до моста не смогли прорваться, что тут про наш берег говорить. Так что езжай спокойно.

Не сказать, что это заявление Васильева успокоило, но, по крайней мере, оно хотя бы

объяснило отсутствие немецкой активности. Слышимые вчера весь день канонада и громохание артиллерии не давали нормально поспать, но стало понятно, что фашистам дали прикурить. А это не могло не радовать.

Все эти мысли мелькали в голове командира роты, пока он с людьми в странном камуфляже двигался сквозь лес и грузился в необычный броневик, урчащий мощным мотором.

Диковинная машина, удивлявшая не только звуком двигателя, но и внутренним содержанием, раздвинула кустарник на берегу ручья и, чуть качнувшись, замерла.

— Капитан! — раздалось в шлемофоне у Васильева, — смотрите, то самое место?

Леонид уже почти сноровисто схватился за ручки перископа и прильнул к окулярам.

— Так точно, товарищ майор, оно самое. Видите, тот берег, хоть и незаметно совсем, но повыше будет, там только трава похожая, как в болоте слева, а воды там и по щиколотку не наберется.

Командир подвигал колонку смотрового прибора вправо-влево. Качество изображения изумляло...

— Уверен?

— Да. Я, собственно, почему и знаю про это место, товарищ майор. Прошлой осенью полк выходил на учения, так как раз в этом болоте у нас грузовик завяз, больше суток вытаскивали. Ну, а пока суд да дело, я взял лошадку, да и поехал в округе, глянул, что и как. Видно, карты, что нам достались, в мокрый год еще составляли, а то и после зимы снежной, когда все в округе подтапливало. Вот... А этот год вообще сухой выдался, честно говоря, и не припомню, когда так бывало. Так что ваши пушки здесь пройдут... если хоть чуть на эту машинку похожи, на которой вы меня катаете, — усмехнувшийся капитан ткнул пальцем в КШМ.

Майор нажал несколько кнопок на пульте рации.

— Товарищ подполковник? Брод разведан, скидываю маршрут в ИСН, сейчас пробежимся к точке залпа, осмотрю район развертывания, — он несколько секунд вслушивался в ответ далекого собеседника. — Есть, выполняю!

Затем, обернувшись к рослому сержанту, коротко приказал:

— Валера, двигай на тот берег, и вот по той прогалинке держи, посмотрим, что в конце просеки будет, уместим там наши «громохалы»?

Невиданная бронетехника легко перемахнула ручей и покатила по заброшенной просеке, уже начавшей зарастать подлеском. Дорога и в самом деле оказалась вполне проходимой — из под гусениц даже брызги воды не летели. Судя по всему, под травяным покровом оказалась не привычная для этих мест глина, а крупный и плотный песок. Оставшиеся до намеченного места десять километров проскочили минут за пятнадцать.

Конечная точка маршрута оказалась рядом с глубоким оврагом, за которым начинался бурелом. Не очень просторно, но разместить шесть боевых машин полянка перед оврагом позволяла, о чем майор не преминул доложить.

Загнав КШМ под кроны деревьев, командир разведчиков оставил старшим за себя сержанта, а сам вместе с капитаном вышел наружу, чтобы оценить местность «на зуб».

— Разрешите вопрос, товарищ майор? — Васильева просто замучило любопытство относительно техники и снаряжения этих странных артиллеристов.

— Ну, давай задавай, капитан, — все-таки простота в общении в этой части удивляла. Прямо по-родственному, но в тоже время без лишней вольности и панибратства.

— А что это у вас за часть, товарищ майор? И форма такая необычная?

— А с какой целью интересуетесь? — ответный вопрос и пронзительный взгляд командира вогнали Васильева в ступор. Несмотря на то, что он уже бывал в бою — и на Финской, и на Халкин-Голе — такой неожиданный отпор его смутил.

— Да интересно вот. Форма у вас больно странная, но в лесу как-то смазывает фигуры, что ли. Да и машинки ваши. Вот и подумалось: это только для спецчастей, или скоро такие всем дадут, — все же нашел отговорку капитан.

— Ну, скоро или нет — теперь вопрос тот еще, — усмехнулся майор, — но рано или поздно все такое получат. Или нечто наподобие, — и добавил уже скорее для себя, под нос:

— Если, конечно, доживут.

К поляне, ревя моторами, подъехало несколько большегрузных автомобилей, лишь слабо напоминающих известные Леониду грузовики. Майор, коротко кивнув капитану, быстрым шагом отправился к ним.

— А когда же ваши орудия подойдут, товарищ майор? — Васильев, шагающий рядом, все-таки решился обратиться к командиру, показывающему странным грузовикам места для размещения. Вид маневрирующих на тесной полянке громадных машин, тащивших на себе какие-то трубы, похожие на секции трубопровода, и выбрасывающих клубы сизого дыма, замораживал.

Майор сначала даже не понял, о чем его спрашивают. Потом усмехнулся и ответил:

— Так вот же они! Целых семьдесят две штуки, — он направился к своей КШМ, — вы лучше идите за мной, сейчас тут такое начнется, лучше нам ребятам не мешать.

Леонид удивленно посмотрел на странные грузовики.

— Разве это пушки? Как же они стрелять будут, лес кругом? Да и для гаубиц уж очень длинные. Или вы так шутите надо мной?

— И не думал даже, Леонид Александрович, сейчас сами все увидите. Но поверьте бывалому — лучше забирайтесь скорее на свое место, — последние слова майор говорил, уже запрыгивая в люк. — Сейчас к сети подключимся, и будем смотреть, что на том конце делается.

Из трубы одного из «Смерчей», уже растопырившего упорные лапы на мирной лесной прогалинке, в клубах огня и дыма с ревом выскользнула едва заметная тень, совершенно не похожая размерами на обычные снаряды знакомой Васильеву артиллерии.

— Теперь сюда смотрите, товарищ капитан, — командир потеснился и освободил обзор для Леонида, — вот на этот экран, — он указал на мерцающий синеватым цветом прямоугольник.

Через две минуты монитор мигнул, покрылся рябью горизонтальных полосок, сменившихся совершенно непривычной для Васильева картинкой местности с высоты птичьего полета. Разобрать что-то знакомое он не смог...

23 июня 1941 года, вторая половина дня

Г. Сувалки, аэродромный узел

Альфред Шнеер до самой смерти не мог забыть развернувшийся на его глазах кошмар. И хотя после ему пришлось многое пережить и насмотреться на самые страшные вещи, то, что он увидел в этот день на Восточном фронте, намертво врезалось ему в память.

Потом, некоторое время спустя, немецкий лейтенант даже не мог сказать, почему именно эта картина оказалась для пилота столь важной. Хотя он и предполагал, что это было связано с тем, что тогда он был близок к смерти как никогда более и лишь чистый случай уберег его от старухи с косой.

Что он знал наверняка, так это то, что с самого начала все планы пошли наперекосяк. Чудовищные потери среди отправленных в рейд на Белосток бомбардировщиков заставляли командование ругаться площадной бранью и различными многоэтажными конструкциями и не давали техникам ни секунды покоя, поскольку даже среди вернувшихся самолетов хватало тех, что добрались до родного аэродрома на честном слове и молитвою пилотов.

Появление в воздухе над взлетным полем чего-то непонятного было встречено поднятием закономерной тревоги, однако сбить это самое НЛО немецкое командование так и не успело — поднятый истребитель означенного лейтенанта сделавшую несколько кругов над аэродромом штуку не нашел. А затем, уже собирающийся делать заход на посадку Альфред увидел истинную силу русского «бога войны».

На его глазах, на месте, где еще недавно стояли здания и ангары, вспухали огромные

огненные шары, разлетающиеся осколками и обломками строений и самолетов. Происходящее отдаленно напоминало действие орудий линейных кораблей, вот только взрывов было слишком много. Да и морского берега вблизи не наблюдалось.

Форсировав мотор вздрагивающего от ударных волн самолета, Шнеер начал разворот, с огромным трудом удержав машину. Несколько минут борьбы спустя Альфред все-таки смог выровняться и направиться на соседний аэродром. На этом делать ему было уже нечего.

Двадцать второе и двадцать третье июня стали для Люфтваффе днями самых чудовищных потерь в истории авиации.

23 июня 1941 года, поздний вечер

Расположение 21-й бригады

Ледникову казалось, что он прилег буквально несколько минут назад, когда из уже глубокого сна его выдернул резкий сигнал зуммера селектора. Чертыхаясь, и не открывая глаз, он нашарил трубку, поднес ее к уху и рывкнул:

— Ледников! — и, выслушав короткий доклад, быстро произнес:

— Понятно, сейчас буду.

Грохнув телефоном, генерал несколько секунд бездумно смотрел в потолок. Затем вздохнул и резко присел на диване. Потянулся и с сомнением посмотрел на чашку с остывшим кофе, стоящую на журнальном столике. Затем мотнул головой и одним глотком выпил холодное содержимое, мысленно пообещав себе огромную кружку сверхкрепкого эспresso сразу по прибытии в оперцентр.

Все-таки вчерашний ночной полет на окраину Минска, ожидание, а потом весьма непростые переговоры с представителями НКВД, возвращение в Кобрин и вечерняя работа в штабе изрядно его вымотали. Ведь совсем уже не мальчишка, совсем нет...

«Ладно, — вздохнул генерал, — после войны отдохнем».

Ложился Лаврентий Георгиевич не раздеваясь, только скинул ботинки, поэтому всего через пять минут входил в штабной зал, где его уже ожидали Веткач и остальные офицеры.

Все сразу прошли к центральному экрану, помигивающему значками полков и дивизий, стрелками намечающихся направлений ударов и контрударов и самой разной другой информацией.

— Так, что у нас тут? Давайте-ка поподробнее! — Ледников в процессе задания вопроса отправился к кофе-машине.

— Днем было отмечено усиление радиообмена между штабом группы «Центр» и дивизиями тех корпусов, которые по планам руководства вермахта были выделены для усиления ударов на северо-западном направлении. Некоторые сообщения удалось расшифровать, что, вместе с данными визуального наблюдения, позволяет нам сделать вывод — немцы ломают свой первоначальный план и начинают перегруппировку сил гораздо быстрее, чем мы предполагали позавчера.

Отбарабанивший доклад Веткач перевел дух и продолжил:

— Завтра можно ожидать значительного усиления группировки вермахта, которая ведет наступление на северном фланге Центрального фронта.

После чего генерал-майор начал перечислять уже задействованные части, готовящие удар на Минск в направлении через Варена, Эйшишкес, и далее, восточнее города Лида, замыкая котел для остатков четвертой и десятой армий РККА, как на самом деле случилось в реальности.

— Для их поддержки Вермахт начал переброску не менее четырех мотопехотных дивизий и две танковые. Наши войска, которые по приказу штаба округа выдвигаются на угрожаемые направления, не успевают развернуться в боевые порядки и занять подготовленные рубежи обороны. С учетом общего уровня подготовки, систем управления и того развития событий, которое мы помним из нашего варианта истории, можно с большой степенью вероятности предполагать, что фронт будет прорван, общее положение советских

войск на Центральном фронте станет, без нашего активного вмешательства, весьма тяжелым.

Несколько минут в оперативном центре стояла тишина. Ледников обвел всех тяжелым взглядом.

— Картина, мать его, Репина «Не ждали», так выходит? А на юге что-то похожее отмечено?

— Пока нет, товарищ генерал армии. Видимо, все эти перегруппировки — инициатива штабов групп «Центр» и «Север». «Юг» продолжает развивать наступление в направлении Киева, не отвлекаясь на фланги. Хотя стоит отметить, что часть немецких дивизий все-таки перебрасывается на усиление Четвертой армии Вермахта.

— Предложения?

В штабе воцарилась тишина.

— Ладно, тогда я сам скажу. Раз РККА развернуться все равно не успевает, то и не надо, — и, видя проявляющееся на лицах своих офицеров недоумение, Ледников пояснил:

— Пусть отходят в глубину территории и разворачиваются там. Немцы рванут за ними, стараясь в своей манере обогнать отступающие войска, окружить их и уничтожить. И вот после этого в дело вступим мы — во всей красе, так сказать. Покажем фрицам, млять, настоящее боевое искусство. А когда у них начнутся проблемы со снабжением — вот тут-то мы им и добавим. По полной. Костей, гады, не соберут.

Веткач согласно кивнул.

Неожиданное препятствие возникло в лице генерала Коробкова, резко возмущившегося подобным планом:

— Да как же так, товарищи? Советскую землю без боя немцу отдавать?! Это невозможно и недопустимо!

Ледников, мысленно выругался и, сделав глубокий вдох, пояснил:

— Вы, товарищ генерал, неверно оцениваете ситуацию. Красная армия отступать особо не будет — она лишь займет удобные для обороны рубежи. А поскольку предусмотренные изначальным планом ей недоступны вследствие недостаточной скорости развертывания, то частям РККА предстоит занять резервные линии обороны, также, между прочим, предусмотренные планами развертывания, составленными еще до войны. При этом арьергардные бои с целью задержки продвижения фрицев никто не отменял.

— Но ведь это отдаст фашистам огромную часть советской территории!

— Во-первых, не такую уж и огромную — особенно если сравнивать с тем, что мы получим, потеряв эти войска. Во-вторых, лишь только на время, необходимое Красной Армии для того, чтобы собраться с силами и провести развертывание. При этом наши части не понесут избыточно тяжелых потерь и сохранят свою боеспособность для последующего разгрома противника, — видя, что советский командир заколебался, Ледников ввел в действие последний аргумент:

— И, кроме того, за время, которое понадобится РККА, немцы все равно понесут огромные потери, — выражение недоумения даже не успело окончательно сформироваться на лице Коробкова, когда генерал пояснил, — мы планируем множественные удары по линиям снабжения Вермахта. В Белорусских лесах он потеряет большие силы только потому, что получит проблемы со своевременным получением топлива и боеприпасов. И уж поверьте мне, моим ребятам в проведении диверсий на коммуникациях противника соперников нет. Они лучшие. Из лучших.

Представитель Красной Армии сдался, затребовав, однако, согласования планов с командованием. Ледников, прекрасно осознавая, что на данный момент де-факто и является этим самым командованием, спорить не стал, понимая, что де-юре у него вообще не слишком много прав.

— Ладно, раз основная идея понятна, то будьте добры заняться ее проработкой. Что бы у нас все прошло без сучка, мать его, и задоринки. Работаем!

24 июня 1941 года

Москва, Кремль

— Итак, товарищ Жуков, каковы итоги первых двух дней войны? Кратко, — нервно расхаживающий по кабинету вождь остановился и недовольно посмотрел на начальника Генерального Штаба.

— Лучше всего сражаются войска нашего Западного Военного округа под командованием генерала Павлова. Немец несет большие потери, имеются незначительные прорывы на нашу территорию. Благодаря своевременному прохождению нашей директивы о боевой готовности Красная Армия встретила врага во всеоружии. Большая часть войск была скрытно перемещена с мест постоянной дислокации и выведена в поле. Поэтому в Западном военном округе удар немцев фактически пришелся в пустоту, — Жуков пожал плечами.

Далее. Фактически полностью сорваны фашистские планы по уничтожению советской авиации на аэродромах. Наши летчики не дают Люфтваффе захватить в воздухе превосходство. Потери Геринговских асов исчисляются сотнями машин.

На земле все несколько хуже, но в целом ситуация хотя и тяжелая, но стабильная, — глава Генштаба скосил глаза на мерно кивающего в такт его словам Шапошникова. Тот, уловив взгляд начальника, избавил его от тяжелой необходимости произносить плохие новости, взяв эту роль на себя:

— В Прибалтике все гораздо хуже, товарищ Сталин. Наша армия отступает, и пока не в силах остановить вражеское наступление. Имеются многочисленные случаи предательства среди военнослужащих латвийского и эстонского происхождения.

Берия, внимательно слушавший заместителя начальника Генштаба, что-то пометил в возникшем в руке блокнотике.

— А на Юге?

— Здесь ситуация хуже чем в Белоруссии, но лучше, чем в Прибалтике. Наши войска держатся, хотя и несут тяжелые потери.

— То есть, наше положение хотя и неприятное, но катастрофическим его пока не назовешь? — Сталин, наконец, прекратил свое хождение и, остановившись около карты, задумчиво на нее посмотрел. Затем повернулся к Жукову и решительно сказал:

— Несмотря на то, что немец пока, судя по всему, не пробился далеко, наши командующие фронтами не имеют опыта в руководстве боевыми действиями войск, и оставлять их против Гитлеровских генералов в одиночку мне бы не хотелось.

Поэтому Политбюро решило направить вас на Юго-Западный фронт в качестве представителя Ставки. На Западный фронт ею уже направлен маршал Кулик. Вам следует немедленно вылететь в Киев, а оттуда как можно быстрее попасть на передовой командный пункт фронта в Тернополь.

— А как же Генштаб? — вырвалось у Жукова.

— Здесь пока справится и Ватутин. А вы нужнее там. Так что желаю успеха.

Дождавшись, пока генерал покинет кабинет, Сталин повернулся к оставшимся Берии, Тимошенко и Молотову.

— Лаврентий Павлович, прошу.

Тот кивнул.

— Товарищ Жуков имеет не всю информацию. Я опущу некоторые незначительные детали, но скажу самое важное — генерал Павлов войсками не управляет.

— Но кто? — Молотов и Тимошенко сказали это практически синхронно.

— Хороший вопрос. Но факт в том, что это делает не Павлов, а некто, именующий себя «генералом Ледниковым». Причем демонстрирует весьма приличный уровень компетентности.

Сталин согласно кивнул.

— И этот «генерал» знал некоторые очень интересные детали — в частности, об атаке фашистов на Брест или ударе по нашим аэродромам. И то, что он пока делает, значительно сокращает наши потери. Насколько мы можем судить, — добавил Берия после маленькой

паузы, посмотрев на вождя и, тем самым, демонстрируя, кого именно имеет в виду, говоря «мы».

— А что Павлов?

— То, что он утверждает, звучит несколько... фантастически. Но еще раз повторюсь, и мои сотрудники это подтверждают, что Павлов ситуацией на фронте не управляет, мы уверены.

— Так кто же тогда этот Ледников? Откуда появился? Знает наши шифры и прочее? Как управляет ситуацией? Думаете, немецкий шпион? — Молотов удивленно помотал головой.

— Не похоже — только если они задумали какой-то уж очень странный план. Сохранить кучу наших войск ради непонятно пока еще чего. Мне кажется, что это англичане и их работа, — не согласился Тимошенко.

— Этого ми пока еще не знаем, — прекратил дискуссию Сталин. — Но есть некоторые версии. Как верно заметил товарищ Берия — фантастически. Так что не будем делать поспешных выводов — наша задача выкинуть Гитлера с территории Советского Союза. А искать, кому говорить спасибо, мы будем потом...

25 июня 1941 года

Ночь. Пожалуй, любимая часть дня капитана Антонова. Пройдя целую кучу конфликтов, Владимир пришел к выводу, что лучше всего сражаться ночью. Лично для него. Для его врагов ночь была обычно самым страшным временем. И сегодня он собирался в очередной раз это доказать.

Осторожно приподняв голову, он посмотрел в сторону немецкого лагеря. Посмотрел через ночной канал прицела своей любимой винтовки — старого доброго «Винтореза». Скоро придет очередь тепловизора. Бесшумно сместившись на несколько метров, он снова замер. Те, кто видел его, обычно не верили, что такой медведь может двигаться настолько тихо. Но несколько войн и постоянные тренировки научили Антонова и не таким фокусам. Приготовившись стрелять — а цели были выбраны еще днем — он подал сигнал остальным в группе. Через пару минут пришло первое подтверждение о готовности, а еще через пять — второе. Остальные снайперы доложились еще раньше. Группа прикрытия доложила, что все чисто.

«Ну, что ж, пора и мне начинать вешать фрицам люлей. А то танкисты уже отметились, артиллеристы и вертолетчики тоже. И даже мои коллеги. Но вот и наша очередь», — и Антонов коротко бросил микрофон одно единственное слово:

— Огонь! — и в ту же секунду нажал на спусковой крючок.

Почти бесшумные хлопки выстрелов — и в офицерской палатке не осталось живых людей. Перенос огня на следующую цель. На следующую. Сменить магазин.

Люди в камуфляже работают словно роботы. Выстрелы следуют один за другим. И практически каждый из них приносит немецкому солдату или офицеру смерть.

Второй магазин заканчивается. Пора отходить.

— Отход! — и десяток человек растворяется в лесу.

Еще через полчаса, проснувшийся немецкий солдат, отправившись по нужде, увидит несколько расстрелянных палаток и поднимет тревогу. Спешно организованные поиски ни к чему не приведут. А ужас уже потихоньку начинает распространяться по немецким войскам... Потому что группа капитана Антонова — не единственная.

— Эй, Карл, притормози, смотри — наш! — немецкий солдат указал товарищу на неподвижное тело в форме пехотинца Вермахта, лежащее на обочине.

— Сейчас, — если честно, то Карлу не очень хотелось останавливаться. На их фронте все шло совсем не так как хотелось. Нет, первый день все шло еще более-менее, хотя про соседние дивизии ходили совершенно дикие байки. Но теперь наступление все больше и

больше тормозится и на их участке, исчезают люди, танки и целые колонны. Прошел слух, что один из дозоров видел какую-то чудовищную машину русских — с двумя стволами нереальных калибров. Но — долг есть долг, и ему необходимо остановится, чтобы хотя бы забрать документы этого невезучего солдата.

Его нынешний напарник вылез из мотоцикла и подошел к труп. Тот лежал лицом вниз, и солдату пришлось его перевернуть, чтобы залезть за документами в карман. Он уже делал так пару раз. Но в те разы под трупом не лежала взведенная осколочная граната, оставленная отходящей группой капитана Антонова.

Последним, что услышал Карл, было:

— Майн... — «Готт» его напарник договорить уже не успел...

Охрана складов в относительном тылу. Гельмут был чертовски рад, что он попал именно сюда. После того, как он едва не погиб во Франции, его совсем не тянуло на передовую за наградами. И здесь, как он чувствовал, будет совсем не Франция. Последние дни с передовой приходили совсем не веселые новости — комиссары дрались на порядок лучше лягушатников.

Так что назначение в охрану склада пехотинец Вермахта принял как дар Богов. Конечно, стоять ночью в карауле — не слишком приятное занятие, но все лучше, чем стоять ночью в карауле на передовой.

Сержант Сергиенко поднял пистолет с глушителем, тщательно прицелившись часовому в висок. Он не знал, да и ему было бы, в общем-то, по фигу, что именно в этот момент немец, стоящий в десятке метров, мечтает о доме и радуется тому, что он в тылу.

«Получи, гнида», — это было единственное, что подумал Сергиенко в момент нажатия на крючок.

— Пчела, — тихий шепот подтверждения ликвидации.

И вот несколько темных фигур проникают на склад.

— Что у нас здесь — командир группы, лейтенант Торчок, очень гордившийся своей фамилией, не спешил. Но и не медлил.

— Артиллерийские снаряды и тому подобная хренотень, товарищ лейтенант, — Сергиенко успел вскрыть несколько ящиков.

— Отлично. Все знают, что делать, — короткий приказ, и люди уже разбегаются по складу.

— Заминировали, товарищ лейтенант.

— Отходим.

— Товарищ лейтенант, группа целей с юго-востока, двигаются к вам. В группе несколько десятков грузовиков, пять броников, — а это уже группа прикрытия дает знать, что они там не напрасно сидят.

— Ясно. Все — быстрее.

Приехавшие к складу немецкие снабженцы торопились. Нужно было до утра доставить сотню тонн боеприпасов и топлива к передовым позициям десятой танковой дивизии.

Первые подозрения у снабженцев Вермахта появились еще тогда, когда их никто не встретил на въезде. Однако это списали на раздолбайство отдельных солдат. Пообещав себе устроить им выволочку, командир приказал ехать к крайнему складу, где, насколько он помнил, хранились нужные им припасы. Отсутствие часовых и здесь вызвало сильные подозрения. Но вылиться в приказ эти подозрения не успели. Поскольку именно в этот момент рванули заложенные заряды. Взрыв целого склада артиллерийских снарядов не оставил от снабженцев ничего. Как, в общем-то, и от соседних складов, с патронами и бензином...

26 июня 1941 года

Ганс был не слишком доволен. Русские оказались не такими уж и простыми

соперниками. Все с самого начала пошло не так как планировалось — драться приходилось всерьез.

С другой стороны, продвижение Вермахта, причем значительное, все же присутствовало — вторая танковая группа все же взяла Кобрин и устремилась вглубь советской территории.

Так что фюрер был прав! И максимум через пару лет он получит отличное поместье где-нибудь на берегу Волги, заведет семью и детишек. То, что надо для настоящего арийца. Но сейчас надо сосредоточиться — а то мотоциклетный дозор,двигающийся перед колонной, опять пропал. Наверное, диверсанты шалят. Но ничего, дивизии уже подтягиваются, скоро прочешем леса, добьем отчаянно бьющихся обреченных большевиков. Черт с ним, с дозором, ему, Гансу, ничего не страшно. Он в танке. И в колонне целая рота танков! И еще грузовики с пехотой. Да пусть сюда только кто сунется — живо на клочки разорвем.

Немецкий солдат так и не понял, что произошло. Он успел увидеть взрыв впереди идущего танка, а затем пришла тьма. Залп тяжелых самоходок уничтожил колонну «с гарантией», не оставив беднякам из ее состава ни единого шанса. Отдельные выжившие были добиты возникшими, словно из ниоткуда, солдатами. Те даже не особенно тратили патроны, банально делая контрольные выстрелы в голову, словно в боевиках конца двадцатого века. А вот не надо было приходиться на мирную Советскую землю...

27 июня 1941 года

Польша, немецкий госпиталь

Поздним вечером Гудериан очнулся. Все тело болело просто ужасно. Жутко хотелось пить. С трудом повернув голову он увидел медсестру.

— Воды, — хрип генерала был еле слышен.

Вскочившая медсестра напоила его. При попытке командующего 2-ой танковой группой сесть, она мягко, но уверенно ему помешала.

— Герр генерал, Вам надо лежать. Я сейчас позову доктора, а вы не пытайтесь встать.

Подошедший доктор внимательно осмотрел голову немецкого офицера и аккуратно пальпировал ребра.

— Герр генерал, у вас было сотрясение мозга и черепная травма, вам следует лежать. Помимо этого у вас также сломано несколько ребер. Так что на данный момент ваше состояние не слишком хорошее. Однако имеется тенденция к улучшению.

— Доктор, что случилось?

— Вас обстреляли, — врач был лаконичен.

«Это же надо, нарваться на снаряд на таком расстоянии от линии фронта. Хотя скорее это была бомба...» — другая мысль в голову Гудериану даже не пришла.

— Сильно? — все-таки он решил уточнить.

Медик помедлил с ответом.

— Ну, ээ, весьма, — от офицера не ускользнула заминка врача.

— Насколько? Что, кто-то еще пострадал? И много?

— Да, герр генерал.

— Почему я должен из вас вытягивать ответы словно клещами, доктор! Говорите все как есть!

Врач побледнел, но попробовал ускользнуть от роли курьера с плохими новостями:

— Вам нельзя сейчас волноваться, герр генерал. У вас серьезные травмы и... — договорить он не успел.

— Немедленно скажите, что произошло, доктор! Это приказ!

— Я не могу, герр генерал. Я просто не знаю точно. Вроде бы много погибших.

— Тогда немедленно вызовите кого-нибудь из моего штаба!

— Боюсь, я не могу этого сделать, герр генерал, — врач отвел глаза.

- Это еще почему? — командующий уже начинал злиться.
- Вашего штаба не существует. Во время того обстрела он был фактически уничтожен...
- Чтоооо? — Гудериану показалось, что он проваливается в пропасть.

29 июня 1941 года

Теодор фон Бок не понимал что происходит. Было такое ощущение, что большевики заранее знали обо всех его действиях! Практически на всех основных направлениях удара по Белоруссии, являвшейся ключевой для успеха «Барбароссы», Вермахт встречал ожесточенное, если не сказать фанатичное, сопротивление русских войск. Но даже там, где удавалось это самое сопротивление сломить и организовать прорыв — как у той же 2-ой танковой группы, возглавленной лично фон Клюге вместо раненного Гудериана, проблемы только лишь начинались. Казалось, в этих чертовых лесах сидят целые армии этих комиссаров! Причем сидят там, где их быть не должно!

Он с первого дня этой проклятой войны получал донесения о мистически исчезающих колоннах, сбитых неизвестным оружием самолетах и неожиданных атаках чудовищной силы в самых разных местах. В бой уже были брошены все резервы, а лучше не становилось. Кроме того, раздражали и беспокоили периодические обстрелы неизвестным оружием, видимо каким-то подвигом артиллерии, — места сосредоточения войск часто буквально напиговывались снарядами.

Но больше всего в этих атаках бесило то, что после них не оставалось практически никаких сведений для анализа! Просто в один прекрасный момент с колонной или самолетами терялась связь — и все. В лучшем случае, затем обнаруживались жалкие останки техники.

Последний случай был просто вопиющим. Направляющиеся к серьезно тормозящей с наступлением танковой группе фон Клюге три танковые роты Т-3 и одна новейших Т-4, два батальона пехотинцев, грузовики с боеприпасами — исчезли, словно их и не было. В результате активных поисков в районе, откуда был осуществлен последний сеанс связи, была найдена огромная куча обгоревшей техники и трупов немецких солдат. Часть танков вообще выглядела так, словно их расстреливали в упор из крупнокалиберных орудий — сорванные башни, разорванные на части корпуса...

За последнюю неделю количество потерянных без сообщений о столкновении с противником танков достигло нескольких батальонов! Счет же потерянных орудий достиг нескольких сотен, пехота погибала в огромных количествах, количество сбитых самолетов уже перевалило за тысячу... Да еще и несколько поездов с боеприпасами были взорваны неизвестным образом.

А все попытки выяснения причин всего этого непотребства, сводившиеся к вводу в бой резервов и большего количества техники и людей, приводили лишь к стремительно возрастающим потерям.

Но именно практически полное отсутствие информации о происходящем было самым непонятным и пугающим. Немногие же свидетели были практически бесполезны — вся их информация сводилось в основном к тому, что в один прекрасный момент все взорвалось. Один выживший из эшелона с топливом, правда, сказал, что слышал перед взрывом нечто вроде самолетного гула. Но метко отбомбиться ночью по двигающемуся на полной скорости составу, да еще и без всякой подсветки... Русские не настолько хороши.

Федор фон Бок понятия не имел о тяжелых ударных вертолетах, с азартом охотящихся за железнодорожными эшелонами и автоколоннами немецких снабженцев.

— Пора с этим кончать, — слова командующего прозвучали исключительно громко на фоне тишины его кабинета. А пятая точка вдруг начала предчувствовать приближающуюся катастрофу.

30 июня 1941 года Москва, Кремль

— То есть ты хочешь сказать, Лаврентий, что ты им веришь?

— Да, Иосиф Виссарионович. Если бы не они, немцы были бы уже черт знает где. А так топчутся слегка за новой границей.

— Сотня километров — это слегка? — Сталин с удивлением посмотрел на Берия.

— Если бы не они, то фашисты ушли бы значительно дальше. Значительно. Но все же это не значит, что наши «потомки», — Берия произнес эту фразу с приличной долей скептицизма, — ничего не скрывают. Их представитель, полковник Семенов, наверняка чего-то недоговаривает. Но предоставленных доказательств вполне достаточно, чтобы мы могли поверить в то, что они из будущего.

Нарком до сих пор не мог поверить, в то, что эти люди, оказывающие Союзу неоценимую помощь, из будущего. Хотя и видел этот их «ноутбук», «принтер» и прочие технические диковины и послушал своих сотрудников, бывавших в штабе Коробкова и на базе пришельцев...

— Ну, Гудериан, например, теперь долго никуда еще не поедет, без бензина-то, — хохотнул Сталин, пока еще не подозревая, что нехватка топлива отнюдь не единственная причина малоподвижности немецкого генерала. — И что ты предлагаешь? Оставить их там?

— Ну, их инженеров и гражданских надо вывозить немедленно, об этом генерал Ледников просил, да и он прав, в общем-то. А затем надо постепенно эвакуировать в тыл и остальных.

— Ну, Лаврентий, это очевидно. Насчет инженеров. Займись этим. Обеспечь условия там. Чтобы все самое лучшее, — расхаживающий по кабинету Сталин остановился у окна. — А вот насчет эвакуации бригад я пока не уверен. Они дерут немцев в хвост и в гриву. Как там этот Семенов сказал? Тотальная война?

— Да, Иосиф Виссарионович.

— Удивительно верное опрeдeлeннe. Все ж таки потомки времени там, в будущем, не теряли, — Сталин отвернулся от окна и посмотрел на главу НКВД. — А откуда там гражданские?

— Так у них военные базы не просто же так — примерно как у нас военные городки. Немножко другая структура конечно, но весьма похоже.

— Ладно. Пора послушать, что нам товарищи маршалы да генералы порасскажут о состоянии дел на фронтах.

...

— Итак, благодаря действию Особой группы РВГК немецким войскам не удалось окружить ни десятую, ни четвертую армии. Кроме того, также были спасены от окружения четырнадцатый и тринадцатый механизированные корпуса, двадцать восьмой стрелковый и еще несколько дивизий. — Шапошников показывал на карте пути отхода указанных групп. — Особо надо отметить действия ВВС, вовремя среагировавших на угрозу и давших достойный отпор люфтваффе. Нужно заметить, что, несмотря на все эти действия, положение тяжелое, — маршал отпил воды из стакана и продолжил:

— Но не катастрофичное. Благодаря информации, полученной разведкой Особых групп, нам удалось предотвратить разгром Конно-Механизированной группы генерала Болдина под Гродно, — маршал знал, что это вовсе не разведка постаралась, но еще не все присутствовавшие имели полное представление о том, что представляет собою «Особая группа». — А ее существование вынуждает командование Вермахта замедлять свои наступательные операции из-за боязни получить контрудар во фланг.

Отложивший указку Шапошников посмотрел на Ватутина. Тот, кивнув, сменил маршала у карты.

— У немцев уже ощущаются проблемы со снабжением. Вариант с активным наступлением им в любом случае на данный момент времени практически недоступен —

подвоз боеприпасов и топлива одновременно и в нужных фашистским войскам объемам невозможен. Немецкому командованию необходимо выбирать, боеприпасы им возить, или топливо. Кроме того, уничтожение комплекса складов в районе города Сувалки артиллерией Особой группы нанесло серьезный ущерб запасам Вермахта, — уничтожившие крупный аэродромный узел «Смерчи» повторили экзекуцию и для складских комплексов. Все уничтожить, конечно, не смогли, но пожары доделали остальную работу.

— И какой план действий сейчас нам стоит применить, Борис Михайлович? — Сталин всегда обращался к маршалу Шапошникову по имени-отчеству, показывая тем самым свое уважение.

— Мы считаем, что необходимо продолжать сковывать их продвижение. Особая группа уже показала свою высочайшую эффективность именно в подрыве коммуникаций и линий снабжения противника. Немцы теряют большое количество войск просто потому, что им вовремя не подвозят горюче-смазочные материалы, снаряды и патроны. А это, в свою очередь, сокращает, и, должен отметить, значительно сокращает наши потери, — с недавних пор, а именно после прочтения некоторых материалов из будущего, а также, мягко говоря, не слишком удачного контрудара советских войск под Гродно, Шапошников резко критиковал предложения о неподготовленных контрнаступлениях.

— Тем временем, мы перебросим на данный ТВД дополнительные силы, закончим мобилизацию и затем уже ударим по Вермахту со всей мощью.

— Хорошо, Борис Михайлович. Мы подумаем над вашим предложением. И, наверное, примем, — главнокомандующий внимательно посмотрел на карту. — А что у нас с Минском, товарищи?

— Сохраняется угроза городу. Он, благодаря провалившемуся наступлению Второй танковой группы, не окружен, но немцы пытаются компенсировать это более активными действиями танковой группы Гота, — Ватутин нервно сжал указку в руках. — Кроме того, разведка вовремя сообщила нам о повороте значительной части сил противника на Минск, что позволило нам укрепить опасные направления и сбить Вермахту темп.

— Это хорошо, что не окружен. Но плохо, что сохраняется угроза. Вы, Борис Михайлович вместе с товарищем Ватутиным подумайте о том, как усилить гарнизон. Минск враг взять не должен. Или если он его даже возьмет, это должно стоить немцам таких потерь, чтобы ни о каком дальнейшем наступлении речи и не шло.

— Товарищ Сталин! — попросил слова Буденный. Вождь жестом разрешил ему продолжать.

— У нас есть большое количество неисправных танков. Многие из них мы даже и не видим смысла ремонтировать, как устаревшие или не показавшие себя в бою, — маршал, вернувшийся с Юго-Западного фронта, куда ездил вместе с Жуковым, неопределенно помахал рукой. — Но их можно использовать в качестве дотов. Причем — весьма эффективно. Я тут уже подготовил приказ, чтобы войска могли начать вкапывать их в Минске и вокруг него. И вообще о подготовке к уличным боям. Если немец попытается взять в город, то потеряет очень много людей. Но все же пока фашисты не будут рисковать. Им нужно закончить окружение. Разведка докладывает, что они, наконец, восприняли действия Особой Группы всерьез. И направляют против нее несколько дивизий. В основном, пехотных из второго эшелона, но они также оттягивают с фронта семнадцатую танковую дивизию из состава сорок седьмого механизированного корпуса. А также «Великую Германию».

— Ну, их ждет сюрприз. — Сталин ухмыльнулся. — Однако надо помочь товарищам. И сейчас мы с вами решим как. Насколько продвинулся Гудериан?

— Его танковая группа так и не смогла взять Слоним и откатилась к Ружанам. С Ивацевичами то же самое. В основном из-за действий Особой группы, хотя так же отличились части четырнадцатого механизированного корпуса и некоторые наши стрелковые дивизии. — Шапошников вновь взялся за указку...

1 июля 1941 года

Ранним утром 21-я бригада приготовилась нанести еще один серьезный и масштабный удар, сравнимый по масштабам с «ударом первого дня» и долженствующий остановить наступление немцев на огромном участке фронта.

Батареи самоходок выходили на позиции, тяжелые РСЗО заканчивали развертывание, а танковые батальоны при поддержке БМПТ и мотопехоты готовились к удару.

Первая группа имела своей целью нанесение удара по частям 17-ой танковой дивизии Вермахта, скопившимся рядом с мостами через реку Зельвинку.

В десять утра тяжелые артиллерийские системы нанесли первый удар, посылая в сторону противника целый шквал снарядов.

Еще некоторое время спустя свое веское слово сказали РСЗО, устроив немецким солдатам термобарический кошмар, а еще через двадцать минут части Вермахта увидели, наконец, причину неудачи своего наступления в Белоруссии.

Командир одной из сводных танковых рот атакуемой дивизии Вермахта Фридрих Гассер ломанулся на помощь соседям, едва услышав панические призывы о помощи. Он уже сталкивался и с Т-34, и с КВ. И полагал, что соседи столкнулись как раз с ними. Вылетев из-за пригорка, он увидел как странные, непохожие ни на что машины последовательно уничтожают огнем чудовищных орудий отступающие танцы, а идущие следом танки другого вида легко и непринужденно уничтожают пехоту. На его глазах знаменитая зенитка «ахт-ахт», оставшаяся незамеченной наступающими, выпустила в танк с жуткой пушкой снаряд практически в упор без всякого видимого эффекта. Расчет орудия был походя уничтожен огнем крупнокалиберного пулемета.

Трезво оценив ситуацию, Гассер приказал отступить. Уж если эти танки не берет восьмидесятивосьмимиллиметровая дура, то ему, с пятидесяти— и короткоствольными семидесятипятимиллиметровыми пушками, тут делать нечего. На его несчастье, группа фашистских танков была замечена парившим в небе БПЛА, и в ее сторону отвернуло четыре монстра — три с жутким орудием, и один с двумя малокалиберными. Отходящие на полной скорости немцы были настигнуты с какой-то нечеловеческой быстротой. Рота Фридриха Гассера была уничтожена до последнего человека.

Вопли командиров Вермахта о помощи были отлично услышаны пилотами Люфтваффе, попробовавшими доказать, что неудачи первых дней войны — еще не повод с ними не считаться. К месту сражения были отправлены все свободные самолеты — от живых еще пока пикировщиков до истребителей. На их несчастье, боеприпасов у «Торов» и «Пандирей» бригад было пока еще в достатке.

На родные аэродромы вернулись единицы...

Федор фон Бок получил первые панические донесения менее чем через полчаса после начала бойни, но к этому моменту катастрофа превратилась уже в необратимую. Вопли «Майн Готт», немецкий мат, призывы о помощи — эфир было попросту страшно слушать. Попытки выяснить, что происходит, привели лишь к еще большему запутыванию ситуации. Согласно донесениям, русские выставили какие-то совсем уж непобедимые танки, хуже даже чем КВ-2, КВ-1 и Т-34 и повторили избиение самолетов своим чудовищным оружием.

Практически сразу он передал приказ 18-ой танковой дивизии спешить на помощь. Аналогичный приказ получил моторизованный полк «Великая Германия».

Последнему очень и очень не повезло. Полк, выдвинувшись из Пружан в район Ружаны, попал в ловушку. На пути следования полковой колонны её в засаде поджидали десяток далеких потомков тяжелой огнемётной системы «Буратино». Плюс оставшаяся часть 21-ой бригады и сводный отряд из частей Красной Армии.

Попав под удар ТОСов, уже в первую минуту боя «Великая Германия» понесла чудовищные потери. Несколько минут спустя ад для солдат одной из элитных частей Вермахта продолжился. Танки и БМПТ уничтожали людей сотнями, а следующие вторым эшелонам БМП и советские солдаты добивали остатки. Вызванная авиационная поддержка

попросту не успела на помощь. На свое счастье.

Таким образом, выдвинувшись на помощь в 11–30, около часа дня полк подвергся первому удару, а к двум фактически прекратил свое существование.

Перед немецкими войсками на Востоке замаячила пропасть.

2 июля 1941 года Москва, Кремль

— Таким образом, товарищ Сталин, данная армейская группировка фактически уничтожила семнадцатую танковую дивизию Вермахта и моторизованный полк «Великая Германия». Помимо этого, эта же группировка нанесла серьезные удары по частям восемнадцатой танковой дивизии, а также по частям двадцать девятой моторизованной дивизии. Благодаря этому, наступление на наш фланг остановлено. Полностью остановлено.

— Вот видите, Борис Михайлович считает, что эти товарищи все же исключительно полезны, правильно?

— Более чем, товарищ Сталин.

— И каковы же их потэри? — вождь приостановился, с прищуром глядя на Шапошникова.

— Официально они заявляют о... нескольких десятках раненых, товарищ Сталин, — голос Шапошникова дрогнул.

— То есть, вы хотите сказать, что они фактически уничтожили несколько сильнейших частей Вермахта, не потеряв убитыми ни одного человека? — лидер СССР с недоверием посмотрел на маршала.

— Так они говорят, товарищ Сталин. Генерал Карбышев был в расположении их базы. Утверждает, что их техника — это нечто запредельное. Ночью из Смоленска вылетел самолет с пленкой, на которую записано несколько их операций. Товарищ Берия говорил, что ее доставили сюда, — при этих словах глава НКВД кивнул и ответил на невысказанный вопрос:

— Она здесь. Могу подготовить к показу за десять-двадцать минут.

— Хорошо, товарищ Берия. Займись.

Нарком вышел из кабинета и передал необходимые указания Поскребышеву. Вернувшись через пару минут, сел на свое место и сказал:

— Сейчас все подготовят.

— Значит, Иосиф Виссарионович, они из будущего? — Ворошилов недоуменно посмотрел на вождя.

— По крайней мере, они так утверждают. И у них, должен сказать, более чем серьезные доказательства. Так что мы с большой уверенностью можем сказать, что да, они из будущего.

— И какое же у нас будущее, товарищ Сталин? — тот кивнул Берии. Ворошилов и Молотов с интересом посмотрели на главу НКВД. Микоян удивление мастерски скрывал, но все же выдал свой интерес, напряженно наклонившись вперед.

— Честно, товарищи? Хреновое. Войну мы выиграли, но с такими потерями, что затем проиграли экономическое противостояние с США. В результате произошла контрреволюция, и Союз развалился на множество республик. Это если вкратце. Там много причин и следствий, которые подробно можно будет рассмотреть несколько позже.

— Товарищ Сталин, — в кабинет заглянул Поскребышев, — фильм готов.

— Ну, что, товарищи, посмотрим на воинское искусство потомков?

Фильм потряс главу СССР. И не только его, но и всех присутствовавших. Снятые БПЛА кадры уничтожения немецких войск достаточно хорошо отражали технический уровень войск будущего. Вид танков из двадцать первого века, безнаказанно расстреливающих немцев и их бронетехнику произвел, конечно, впечатление... Но эффект применения РСЗО привел аудиторию в состояние, близкое к шоку. Шутка ли, залп

нескольких машин фактически уполовинил целую дивизию! А их зенитки? Они же сбивают все, что только летает!

— У них есть еще кое-что, товарищ Сталин, тоже весьма эффективное, но пока ими не снятое на пленку, — Шапошников говорил с таким видом, будто не верил самому себе.

— И что же это такое? — Джугашвили, после просмотра непрерывно расхаживающий по кабинету, приостановился.

— Они называют это «вертолеты». Нечто вроде сильного развития автожиров. Используется как авиация поля боя. Несут эрэсы, пушки, пулеметы, сильно бронированы.

— Так почему не сняли?

— Не хотят рисковать товарищ Сталин. В воздухе-то превосходство пока у немцев, поэтому действуют только ночью.

— Это теперь ненадолго... Итак, товарищи, наши потомки показали нам, как надо воевать. Они двумя бригадами нанесли фашистам такой урон, который не нанесли им все наши войска Западного фронта! Две бригады, вдумайтесь, всего две бригады, остановили наступление целой армии! И не потеряли при этом убитыми ни одного человека! Вот как надо воевать!

— Но, товарищ Сталин, у них огромное техническое превосходство, — заметил Ворошилов.

— И что? Наши танки тоже лучше немецких. Не настолько, насколько у потомков, конечно, но все же лучше. У нас больше людей. У нас больше самолетов. А в Прибалтике нас громят! Можете сказать почему? Я могу! Потому что отдельные паникеры и трусы разрушают нашу оборону! Хотя какие же они отдельные, их целые толпы. Товарищ Сталин вот спросил у товарища Берии, как мы тогда с этим справились. Оказалось просто. Так поступим и в этот раз. Мы, товарищи, выпустим сегодня приказ о формировании большого количества заградительных отрядов. И никаких отступлений без приказа командования! И если отдельные личности из Прибалтики считают, что продавшись фашистам смогут нам навредить — то я сразу могу сказать, что ничего хорошего они не дождутся!

В любом случае, потомки нам эту войну не выиграют. Они могут в этом только помочь. А войну должны выиграть мы!

3 июля 1941 года Берлин, Рейхсканцелярия

— Что, черт возьми, происходит?!! Почему наступление остановлено, я вас спрашиваю! — Гитлер орал на вытянувшихся в струну генералов не жалея горла.

— Это ни в какие ворота не лезет!!! Вы потеряли уже сколько, тысячу танков? ТЫСЯЧУ? Как это понимать?! — то, что потерянных танков было не тысяча, а гораздо больше, Гитлеру пока не сообщили.

— Мой фюрер, русские применили новое оружие огромной мощи. И мы пока не нашли методы противодействия...

— ЧУШЬ! Это все жидовские отговорки! Хватит пудрить мне мозги сказками о чудо-оружии русских! Эти недочеловеки не способны придумать ничего стоящего! Попытаться объяснить свою некомпетентность их умом — не выход! Хватит мне врать! — Гитлер брызгал слюной, орал, кричал, ругался, топал ногами еще с полчаса, прежде чем более-менее успокоился.

— Значит так. Я дам Фон Боку еще один шанс. В течение десяти дней Минск должен быть взят.

— Но, мой фюрер... — Кейтель попытался было объяснить Гитлеру, что это маловероятно, практически невозможно после таких потерь, и с такими проблемами в снабжении, но не успел.

— Молчать! Десять дней — крайний срок. Если Минск не будет взят к этому времени, я лично буду рассматривать вопрос о компетенции фон Бока. И некоторых других

военачальников. Разговор окончен.

Уходящие генералы уже не видели, как Гитлер нервно вгрызлся в носовой платок...

9 июля 1941 года Москва, Кремль

— Итак, Лаврентий, ты разместил товарищей инженеров?

— Да, Иосиф Виссарионович. Лучшие условия, какие мы только можем создать.

— Что они могут нам предложить для начала?

— Технология производства так называемых термобарических боеприпасов — это очень мощные бомбы. Кроме того, генерал Ледников просил развернуть производство реактивных снарядов. У них есть несколько человек, которые могут нам в этом очень помочь. Конечно, эффективности боеприпасов будущего нам не добиться, но по сравнению с тем, что у нас есть сейчас... Согласно полученной нами информации, наши реактивные минометы с минимальными изменениями будут более чем эффективны.

— Хорошо. Что еще?

— Напалм. Очень эффективная зажигательная смесь. Производство можно развернуть в кратчайшие сроки. Автоматическое оружие, так называемый пистолет-пулемет Судаева. Оружие очень простое в производстве и тоже очень эффективное — так что уже сейчас мы готовы его выпускать.

На будущее — автомат Калашникова. Не то что у них сейчас, опять-таки, но немногим хуже. Их генералы, да и солдаты, в один голос говорят, что лучшего для нынешнего времени просто нет. Высочайшая надежность, большой магазин и простота. Патрон помощнее, чем у ППШ, но послабее, чем у винтовки. Весьма эффективно. Так что тоже быстро начнем производить — здесь основная проблема в патроне, а не самом автомате. Понадобится где-то около полугода, чтобы развернуть производство.

Гранатометы. Фактически, этим словом обозначают два класса оружия — противотанковое оружие и оружие поддержки. Первые — это реактивный снаряд, запускаемый с рук. Вторые — нечто вроде пулемета, стреляющего гранатами. Как оказалось, у нас разрабатывались, и даже с относительным успехом применялись в Зимнюю войну, но разработчик, а именно хорошо известный Вам Таубин, оказался репрессирован. Есть мнение, что даже его образец после некоторых переделок будет намного эффективнее ротного миномета.

— Ну, ошиблись из-за вредителей, ничего. Может, выпустим товарища Таубина в помощь товарищам потомкам? Раз уж был прав насчет гранатомета. Напортачил с пушкой, конечно... Но Родина может и простить. Займешься этим, Лаврентий.

— Да, Иосиф Виссарионович. Кроме того, получим от потомков огромную помощь в танкостроении. Помогут нам модернизировать наши танки и разработать новые. С самолетами похуже, у них ни одного конструктора или даже просто инженера оттуда нет. Разве что обслуживающие их летательные аппараты техники смогут помочь хоть немного, — нарком пожал плечами и добавил:

— Хотя следует отметить, что у них достаточно фанатиков оружейного дела. И на этих их электронных устройствах содержится огромное количество информации самого разного характера. Так что в целом большие перспективы. И еще очень важное. У них есть лекарства, антибиотики. Очень сильные. Даже при заражении крови могут помочь. Обещают помочь с развертыванием производства.

— Замечательно, Лаврентий, — вождь замолчал, задумчиво глядя в окно. Потом произнес:

— Через два часа совещание ГКО, ты распорядился относительно этой их волшебной карты?

— Да. Это не совсем карта, Иосиф Виссарионович, это просто тонкий экран, подключенный к компьютеру, — Сталин не дал договорить Берии:

— Оставь технические подробности. Сегодня удивим наших генералов, а? — вождь ухмыльнулся.

...

— Ну что, товарищи маршалы, готовы мы ответить Гитлеру?

— Да, товарищ Сталин, — отвечать на вопрос вождя поднялся Шапошников. Покрутив в руках непривычную лазерную указку, он ее отложил, заменив на обычную.

— Мы сосредоточили против ослабевшей в результате действий наших неожиданных союзников второй танковой группы семнадцатый механизированный корпус, сто пятьдесят пятую, сто двадцать первую и сто сорок третью стрелковые дивизии.

— Насколько нам стало известно, Борис Михайлович, Гудериан более не командует второй танковой группой, теперь ей командует сам фон Клюге, — Сталин жестом попросил маршала продолжить.

— Основной удар наша группировка нанесет по двадцать четвертому танковому корпусу, с целью создания угрозы флангу остаткам сорок седьмого танкового корпуса. Одновременно с этим части четвертой армии совместно с Особой армией нанесут удар в районе Бреста по сорок шестому танковому корпусу Вермахта. Учитывая, что «Великая Германия» фактически уничтожена, противостоять им будут только десятая танковая дивизия и моторизованная дивизия СС «Рейх».

— Уничтожению последней надо будет уделить максимальное внимание, — Молотов усмехнулся, — представляете, как прозвучит: советские войска уничтожили Великую Германию и Рейх.

Члены совета ГКО заулыбались.

— Таким образом, в случае успеха, сорок седьмой танковый корпус будет фактически окружен, и вторая танковая группа прекратит свое существование. Мы окончательно снимем угрозу окружения наших войск в Белостокском выступе и создадим угрозу флангу четвертой армии Вермахта, — Шапошников отвернулся от карты и посмотрел на Сталина.

— То есть, Борис Михайлович, мы окончательно сорвем планы немецкого командования?

— Более того, товарищ Сталин. Мы фактически создаем предпосылки для перехода в наступление.

— Ну, об этом еще пока рано говорить, товарищи. Не будем торопиться. Головокружение от успехов, как вы помните, ни к чему хорошему не приводит. Но вот вы, товарищ Ватутин, все же разработайте план на случай успеха, — генерал кивнул.

— Теперь касательно «Особой группы». В документах нам надо ее как-то называть. Поэтому, товарищи, надо бы нам придумать название ее бригад. У кого какие предложения?

— У меня есть вариант, товарищ Сталин, — поднялся уже Берия. — Предлагаю назвать их Первой и, соответственно, Второй Особыми Механизированными бригадами РВГК. Действующими в составе Особой армии РВГК.

— Еще есть инициативы? — переглядывающиеся члены ГКО и генералы ничего не ответили.

— Хорошо, товарищ Берия. Примем ваш вариант. Всем спасибо, все свободны. А вас, товарищ Молотов, я попрошу остаться, — частично просмотренные Сталиным «17 мгновений весны» даром не прошли. — Товарищ Молотов, будем с вами разрабатывать документ о статусе товарищей потомков. И вы, товарищ Берия, пожалуй, тоже останьтесь.

10 июля 1941 года **Штаб Моторизованной дивизии СС «Рейх»**

Пауль Хауссер с самого утра чувствовал себя отвратительно. Последние две ночи ему снились жуткие кошмары. Главными действующими лицами в них были Гитлер и Сталин. В последнем сне глава большевиков на чистом немецком спрашивал, что Пауль предпочитает: быть забитым до смерти, заморенным голодом или повешенным? А Гитлер уговаривал его

выбрать голод...

К плохому настроению добавлялось предчувствие катастрофы. Фон Бок ходил весь осунувшийся и был совершенно не похож сам на себя. Что и не удивительно. До срока, данного Гитлером, оставалось всего ничего, а Минск стоял, и сдаваться не собирался. Русские перебросили туда еще несколько дивизий и большое количество противотанковых орудий, значительно усилив оборону. Попытки взять город с налета закончились ничем, кроме больших потерь в технике и живой силе. А окружить его не удалось...

Хауссер вспомнил, как в качестве командира дивизии «Рейх» ходил навещать Гудериана. Тот выглядел ужасно. И дело было даже не в бинтах и синяках, не в гипсе и не в капельнице. Самым страшным для Пауля были глаза танкового гения Рейха. Они были потухшими и безжизненными, словно генерал был при смерти.

Эсэсовец грустно помотал головой, вспомнив, как он спросил о состоянии Гудериана у его лечащего врача. «Стабильное средней тяжести, с тенденцией к улучшению», — это уже тогда удивило эсэсовца. Генерал живой, ну ранило его, ну контузия, но ведь это все пройдет, а мы тем временем победим. И вот в последнем теперь-то Хауссер был не уверен. И понимал причину потухших глаз своего бывшего командира. Если сначала он, было, решил, что это из-за того, что генерал-полковник не сможет принять участие в разгроме Красной армии, то теперь он считал, что Гудериан попросту не верит больше в победу немецких войск. А учитывая обстановку на фронте...

Вчера вечером русские нанесли мощный удар по 24-му танковому корпусу. Тот начал медленный отход. Но приказ на выдвижение на помощь пришел в «Рейх» почему-то только сейчас, когда на часах значилось уже 13–00.

Хауссер был к приказу готов, отдав указание готовиться к выдвижению еще утром. И все еще надеялся, что они успеют помочь. В этом наступлении русские вроде бы не применили свои абсолютно неуязвимые танки, используя лишь только Т-34 и КВ.

Пауль грустно усмехнулся. Еще пару недель назад это были совсем не «всего лишь Т-34 и КВ». Но теперь, после уничтожения «Великой Германии»...

В 13–37 моторизованная дивизия СС «Рейх» выдвинулась вслед 10-й танковой дивизии на помощь 24-му танковому корпусу...

10 июля 1941 года

Поле неподалеку от деревни Береза

— Короткая! Огонь! — звон вылетевшей гильзы подстегивает лихорадочный поиск новой цели.

— Цель, справа! — немецкий Т-2, пятясь, пытается уйти с поля боя.

— Огонь! — тридцатьчетверка вздрагивает, и очередной танк фашистов пылает.

Бой идет всего полчаса, но каждая минута кажется вечностью. Советские войска уже побеждают... но окончательно еще ничего не ясно. Части 24-го танкового корпуса Вермахта сражаются отчаянно. И эта конкретная часть, на этом конкретном поле — тоже.

А еще час спустя советские танкисты подсчитывали потери. Результаты были не слишком хороши — с одной стороны, задача выполнена, противник отброшен. Немцы потеряли довольно много танков и пехоты. Но и Красная армия недосчиталась пары десятков машин. Несколько можно починить, но таковых немного...

Уже утром, после боя, лейтенант Голенко узнал, что был на краю гибели. И лишь благодаря одному из Т-34 группы прикрытия остался жив. Ну и благодаря летунам, обнаружившим несколько затаившихся танков фрицев, и вовремя сообщивших об этом группе прикрытия. О том, что это были не летчики, а БПЛА, Никита Голенко не узнал никогда.

11 июля 1941 года

Лейтенант Андрей Голенко понятия не имел, что еще несколько часов назад в сотне километров от него с фашистами сражался его прадед. Все, что он знал, это то, что вскоре они в очередной раз всыпят немцам.

Андрей уже побывал в нескольких танковых боях этого мира, в том числе поучаствовал и памятном избиении 17-ой танковой дивизии. И ему понравилось! Еще в детстве, играя на приставке в очередной танковый симулятор или в стратегию, он представлял, как громит немцев. Он громил их в воздухе, на земле, на воде, или даже одновременно везде. Но все же больше всего ему нравилось именно танковые разгромы. Усмехнувшись, Голенко-младший подумал, что, наверное, именно эти увлечения и послужили причиной его поступления в танковое училище. Тем более что ему не удалось поучаствовать ни в Крымском конфликте, ни даже в афганском.

Зато теперь-то уж он оторвется! Через несколько часов они атакуют очередную дивизию немцев. И даже не одни, а с помощью местных. БПЛА уже засекли повышенную активность фашистов. Готовятся к выдвиганию, а как же. Под Березой сейчас активно давят немцев. Если еще не додали. А наши парни уже готовятся. Сегодня будет последнее выступление тяжелых РСЗО из будущего. Затем их эвакуируют в тыл. Но этот концерт немцам запомнится и запомнится надолго.

— Командир, вас капитан на связь вызывает, — мехвод танка Голенко отвлек того от размышлений. Андрей залез в танк и переключил линию.

— На связи.

— Значит так, Андрей. Займешь со своими ребятами позицию «двенадцать А», сейчас вам на тактической карте ее указывают, понятно? — Голенко посмотрел на мехвода. Тот кивнул, подтверждая получение данных.

— Получили, товарищ капитан.

— Вот и отлично. Замаскируетесь там, с вами будет еще звено лейтенанта Толкалина, на БМПТэшках. Ваша задача, пропустить мимо себя половину колонны «Рейха». Атака — стандартно, после РСЗО и САУ. Твоя задача — добить выживших в центре колонны, понятно? В другие квадраты смещаться только по приказу. Это чтоб свои случайно не попали, понял? — капитан Удоев был известен за свою любовь к добавлению в каждом удобном случае словечек вроде «понятно», «понял» и иже с ними.

— Так точно, товарищ капитан. Атака по центру, в другие квадраты колонны особо не смещаться.

— Ну ты смотри по тактической, может там кому помощь потребуется или еще чего, это понятно. Рядом с вами, на позиции «двенадцать Б» будет звено Ибрагимова, Толкалин будет прикрывать и их тоже, так что смотри, не влети куда-нибудь.

— Товарищ капитан, когда выдвигаться на позицию?

— Прямо сейчас, Голенко. БПЛА засекли движение фрицев. Часа через три они будут в нужной нам точке. Учитывая, что до позиции вам еще добраться надо, то сам понимаешь.

— Так точно, товарищ капитан. Разрешите выдвигаться?

— Разрешаю.

Полчаса спустя, звено лейтенанта в полном составе замаскировалось в лесу относительно недалеко от дороги. На тактическом экране один за другим зажигались огоньки, подтверждающие готовность танковых рот. Потянулось томительное ожидание.

В 17-07 передовые дозоры «Рейха» показали на дороге. Еще некоторое время спустя, появилась колонна немецких войск. Наблюдая на экране картинку, передаваемую с БПЛА, Голенко злорадно оскалился. Еще чуть-чуть и он вступит в дело. Осталось ждать не так уж и долго. На тактическом дисплее загорелся сигнал начала атаки. Теперь осталось лишь дожидаться удара РСЗО и САУ. И лейтенант его дождался.

Чудовищный удар обратил голову немецкой колонны в ничто. Так же, как и ее хвост. Прежде, чем немцы сообразили, что происходит, Андрей уже отдал приказ о начале атаки. Танк, взревев почти двухтысячесильным двигателем, стремительно понесся вперед. Другие

танки звена от него не отставали. Впереди показалась колонна, где немцы пытались подготовиться к бою. Сходу прицелившись в Т-4, пытающийся съехать с дороги, Андрей выстрелил. Немецкий танк взорвался. Довернув стапятидесятидвухмиллиметровую пушку, Голенко пальнул из спаренного с ней пулемета в грузовик, за которым пытались укрыться какое-то количество немцев. Грузовик закономерно разлетелся на куски. Что-то звякнуло по броне. Лейтенант чертыхнулся — он не заметил еще один Т-4, уже съехавший с дороги в кустарник. Еще один выстрел — и очередное детище танковой промышленности Рейха перестало существовать.

Тем временем группа немецких пехотинцев попыталась прорваться к атакующим их танкам, чтобы попробовать забросать гранатами. Они не знали про идущую чуть позади БМПТ. Несколько коротких очередей — и в дивизии СС стало еще на несколько человек меньше.

Бой становился все жарче — немцы стреляли из всего, что может стрелять. Но особого эффекта не замечали — оказалось, что снарядам их пушек на таких расстояниях не по зубам русские танки. Вообще. Подползти с гранатой не получается — БМПТ, да и сами танки активно за этим следят. И что делать в такой ситуации?

Несколько минут спустя немцы в хвосте колонны стали бросать оружие. Еще через некоторое время явление приобрело массовый характер.

К концу боя, дивизия СС «Рейх» представляла собою жалкое зрелище. Как минимум уполовиненная в части личного состава и фактически уничтоженная в части бронетехники.

В этот день под Жабинкой Третий Рейх потерпел тяжелейшее поражение. Не только военное, но и политическое. В плен сдалось достаточное число эсэсовцев, чтобы их можно было продемонстрировать газетчикам и прочим журналистам...

А вот рядом с Кобрином дела у советских войск обстояли гораздо хуже. 10-ая танковая дивизия немцев, несмотря на весьма приличное численное превосходство советских частей, сдаваться не собиралась. Закрепившись и окопавшись, немецкие войска раз за разом отбивали атаки красноармейцев. Даже помощь от Особой армии РВГК в виде корректировки действий с помощью БПЛА не смогла исправить ситуацию. День закончился, так и не принеся успеха советским войскам.

Что, однако, не слишком облегчило немецкому командованию ситуацию с 24-м танковым корпусом. Испытывающий огромные трудности со снабжением, подвергающийся яростным атакам РККА, корпус стоял на грани катастрофы.

Командующий 24-м танковым корпусом Вермахта генерал Гейер фон Швеппенбург осознал всю тяжесть ситуации ночью с одиннадцатого на двенадцатое, когда узнал, что «Рейх» на помощь не придет. И приход 10-ой танковой дивизии также очень и очень маловероятен.

«Если все будет продолжаться так, как идет на данный момент, то корпусу конец. Уже сейчас боеприпасов не хватает. А часть танков нечем заправлять. Если помощь не придет...»

Генерал грустно помотал головой и посмотрел в окно «Хорьха». Эти русские леса уже начали вызывать у него отвращение. И, хотя в этом он не признался бы даже самому себе, страх.

А капитан Антонов в это время внимательно наблюдал задвигающейся колонной отступающих немцев. В прибор ночного видения по их состоянию было хорошо видно, что бои против советских войск по накалу мало уступали боям против «Особой армии РВГК». Счет был не таким разгромным, конечно, но все же фрицам приходилось отступать. И сегодня их ждет еще один сюрприз. Пока основные силы Особой армии громили «Рейх», группа капитана Антонова и несколько групп прикрытия получили вполне понятное задание: захватить большого начальника немцев. Но так как в процессе следования колонны это было бы сделать практически невозможно, Ледников выделил им в помощь все ударные вертолеты, что были у бригад. Так что действовать Владимир и его группа начнут лишь после небольшого подарка от «Аллигаторов» и «Ночных охотников».

Капитан усмехнулся. «Особая армия», надо же. Вспомнился кипеж, устроенный одним из штабных — военным юристом, вроде, — по поводу статуса россиян из будущего. Он, совершенно случайно, был в оперцентре, когда тот докладывался генералам. Интересно, после этого того нигде не было видно...

Воспоминания Антонова прервал шепот сержанта Воронина, сообщившего, что видит штабную машину.

— Готовность, — тихий шепот в микрофон был прекрасно слышен всем его солдатам.

— Осы, я Кот, видим цель, — сообщение вертолетам, стоящих на поляне за пригорком в паре километров от дороги.

— Вас понял. Атака по плану. Подсветка?

— Сержант, подсветка?

— Да, капитан, — Воронин озабочился этим сразу же.

— Кот, мы Осы, цель определена. Выдвигаемся, — сейчас вертолетчики снесут все вокруг штабной машины. А затем уже придет очередь Антонова.

И вот тихий гул извещает о приближении вертолетов. Владимир отключил ночное видение. Сейчас здесь станет светло как днем.

Немцы тоже были не глухими, и достаточно быстро сообразили, что сейчас будет. Только не представляли масштабы...

Несколько десятков эрсов рвануло прямо среди колонны, после чего пушки и пулеметы добавили хаоса в еще недавно стройные ряды немцев. Разворот, второй заход, и вертолеты отходят наводить шороху в другой части колонны. Вторая группа висит неподалеку, поливая огнем немцев с другой стороны, чтобы не дать им прийти на помощь своим собратьям.

— Вперед! — и Антонов бросил свое тело в означенном направлении.

Сегодня у него не любимый «Винторез», нет. Сегодня у него обычный для спецподразделений АН-94 с глушителем. Несколько немцев, все еще укрывающихся на земле, умерли, даже не успев осознать, что на смену вертолетам пришла другая опасность. Выдавая короткие двухпатронные очереди, Антонов добежал до означенной машины. К этому времени немцы уже начали понимать, что налет кончился, и началась обычная атака. Начали слышаться одиночные ответные выстрелы. С каждой секундой звучащие все чаще.

Водитель штабной машины, увидев выбегающие из дыма фигуры в камуфляже, схватился за кобуру. Владимир всадил в него очередь прямо сквозь лобовое стекло. Сидевшего в салоне офицера вырубил подбежавший с другой стороны Абдулов.

— Вытаскивай его, быстрее! — Проорал Антонов сержанту, поливая огнем залегших немцев. Те уже умудрились достать и установить пулемет, и теперь заряжали ленту. Еще несколько секунд и здесь станет совсем жарко.

— Прикрытие! — разрядив в сторону пулеметчиков подствольник, Владимир начал отход. В ту же секунду из леса застучал противопехотный автоматический гранатомет. Несколько автоматов были бы не слышны в этом грохоте даже и без глушителей.

Абдулов, тащивший на себе немецкого офицера, уже скрывался в лесу. Владимир был уже рядом, когда по его руке чиркнула пуля.

— Черт! Осы, накройте их! — отходившие группы уже не видели атаки второй группы вертолетов, превративших еще одну часть колонны в полыхающий костер.

Стремительный бег сквозь лес к поляне, на которой их дожидается уже раскручивающий винты универсал. Рука болела все сильнее, и Владимир приостановился наскоро перетянуть ее жгутом. Метрах в двухстах-трехстах позади грохнул взрыв — ага, заготовленные заранее подарки, в виде растяжек, даром не прошли.

Выбегающие на поляну немцы увидели поднимающийся в воздух странный летательный аппарат. Пальнув по нему из винтовок, они добились залпа из пулеметов и пушек в свою сторону. Выжившие уже не стреляли вслед стремительно удаляющемуся вертолету.

12 июля 1941 года
Медсанчасть в распоряжении 1-ой Особой Механизированной
бригады РВГК

— Ну что, герой. Как самочувствие? — зашедший к Антонову Ледников, увидев, что тот собирается встать, жестом приказал ему лежать.

— Нормально, товарищ генерал армии. Царапина.

— Ага, царапина, конечно. Из винтовки пулю отхватил в руку, от потери крови чуть не помер, а все туда же, «царапина». — Ледников укоризненно покачал головой. — Ты хоть знаешь, кого притащил?

— Никак нет, товарищ генерал армии. И это не совсем я его притащил, непосредственно его нес сержант Абдулов.

— Ты понял, что я имею ввиду. А притащил ты мне, сынок, ну, правда, не совсем мне, а скорее товарищам из Генерального штаба, так вот, притащил ты генерала Гея, тьфу, Гейера, мать его, фон Швеппенбурга, командующего двадцать четвертым танковым корпусом Вермахта. Так что крути дырку под орден. Ну а медаль «За отвагу» я тебе гарантирую.

— Служу Рос... Советскому Союзу!

— Так что отдыхай давай, капитан. — Ледников ободряющее похлопал его по плечу, пожал руку и вышел из палаты.

Смотря на закрывающуюся за генералом дверь, Владимир вдруг почувствовал усталость. Усталость не физическую — та была привычной, а моральную. Последние недели он старательно пытался не думать об оставленной там, в будущем (или в прошлом?), невесте, так некстати поехавшей к матери в Питер. Не думал потому, что мысль о том, что он ее больше никогда не увидит, причиняла почти физическую боль. И вот сейчас вдруг накатила тоска. Достав из тумбочки фотографию, Владимир еще долго смотрел на лицо своей любимой женщины...

На следующий день у него в палате появился сосед. Лейтенант Торчок умудрился сломать ногу на ровном месте — упав. И теперь горько сожалел, что не сможет еще долгое время принять участие в соревнованиях по уничтожению фашистов. Довольно быстро разговорились и перешли на «ты».

— Вов, а ты слышал, чего позавчера наши связисты учудили, совместно с вертолетчиками? Ледников, говорят, ржал так, что ему плохо стало.

— Нет, как-то не до этого было, — Антонов с интересом посмотрел на Леонида.

— Ну, когда эсэсовцы сдавались, кто-то из связистов, глушивших эфир, предложил вместо помех кое-что другое передать.

— Мат что ли? Или что-то подобное?

— Неа. Он «Рамштайн» им врубил. «Ду хаст миш». Представляешь рожи немецких радистов, когда они это услышали? — Торчок хохотнул.

Антонов улыбнулся.

— А вертолетчики?

— А им идея понравилась. Вы когда уже смывались, они то же самое через динамики врубили. Ну и «Ангела». А потом, когда уже заканчивали, «Полет Валькирий» Вагнера. Кто-то из них «Апокалипсис сегодня» больно любит. Ледников, когда узнал, сначала наорал, а потом вдруг как начнет ржать, — долговязый лейтенант размахивал руками, словно пытался изобразить мельницу. — Он потом еще сказал, что подумает о том, чтобы сделать подобное «психологическое воздействие» постоянным.

— Капитан Антонов? — на пороге появился Кормильцев.

— Так точно.

— Завтра вы поедете в Москву с генералом Ледниковым.

— Так точно. Разрешите вопрос? — Владимир весьма удивился этому известию.

— Давай уже, герой.
— А почему? В смысле, чего мне в Москве делать?
— Товарищ Сталин генерала Ледникова награждать будет. Лично. Ну и тебя заодно. Точнее награждать будет Калинин, а Сталин при сем будет присутствовать. Так что готовься. Сейчас врач придет, тебя выписывать. Удачно съездить, капитан.

14 июля 1941 года

24-й танковый корпус был полностью уничтожен. Подходящие из глубины советской территории войска и полная невозможность прорыва к своим не оставили немцам иного выбора кроме как сдаться.

Остатки 47-ого танкового корпуса еще сопротивлялись, но это была уже агония.

10-ая танковая дивизия, потеряв более семидесяти процентов личного состава, процентов шестьдесят техники и практически всю артиллерию, была вынуждена оставить Кобрин.

2-ая танковая группа перестала существовать.

На Восточном фронте перед Вермахтом явственно маячила катастрофа.

14 июля 1941 года

Брест

Николай Балаков уже двадцать три дня сражался в Бресте, с первого дня осаждаемого ордами немецких солдат. Несмотря на тяжелейшие потери, понесенные Вермахтом в первые же дни войны, атаки на советскую крепость не прекращались ни на секунду.

Николай первое время надеялся на скорую помощь советских войск, но ее все не было и не было. Через неделю он продолжал сражаться уже просто из упрямства, чтобы утянуть побольше немцев за собой. Слышима очень часто далекая канонада поддерживала в нем надежду, что раньше или позже Красная Армия перемелет фашистские полчища.

Пару дней назад он вдруг понял, что канонада звучит уже не так и далеко. А потом она вдруг стала постоянно приближаться. У Николая неожиданно появилась надежда, что он выживет. Но когда он увидел советские войска, сил у него хватило лишь чтобы прошептать:

— Наши! — после чего он сполз по грязной стене и заплакал.

Вечером в Москве был дан первый салют.

«Вторая Мировая Война в солдатских воспоминаниях, с комментариями. Избранное. Том 1». Военное издательство МО СССР, 1985 г.

«Война для нашего 20-го мотоциклетного полка 205-й дивизии началась ранним утром 21 июня. Утром полк подняли по тревоге и отправили пешим порядком в Ружаны, по слухам, ходившим в нашем батальоне — ловить появившуюся в Беловежской пуще белогвардейскую банду. На полпути же нас вдруг развернули и направили в помощь пограничникам ловить диверсантов в красноармейской форме. Это были уже не слухи. В последний мирный день наш полк понёс первые боевые потери...

Ночь мы встретили разбросанными поротно и повзводно вдоль шоссе на Брест. Командиры предупреждали о бдительности и о том, что немцы могут устроить большую провокацию, как бы не больше, чем на Халхин-Голе. Помнится, ездовые полевых кухонь рассказывали, что в Брестской крепости диверсанты подожгли склад с боеприпасами и теперь оттуда вывозят и выводят всё, что можно.

Всю ночь бойцы окапывались и маскировались. Из Бреста тянулись колонны подвод и машин. Навстречу колючей змеей прополз стрелковый полк. Мой друг, сержант Егоров из

второго батальона, заметил знакомого, перематывавшего портянки на обочине, и спросил: «Куда идёте?». Тот ответил: «Пожар тушить», — и со значением похлопал по подсумку.

Утро началось с гула моторов над головами и далёкого грохота. Немцы обстреливали военные городки и лагеря в Пинске, Берёзе и других близлежащих селениях. Помню, мы видели, как наши истребители перехватили немецкую эскадрилью и в коротком бою сбили несколько самолётов, но и сами понесли потери. Одна из рот, прочесывая лес, подобрала трёх наших лётчиков и выловила двух немецких, выпрыгнувших с парашютами.

Три дня наш полк обеспечивал тылы 4-й армии. Тогда было очень тяжело, но все сражались изо всех сил, и не жаловались. А на четвёртый день перегруппировавшиеся немцы прорвались на стыке с 10-й армией и рванули к Слониму. В Кобрине и Берёзе отбивались сводные отряды из тыловых частей, маршевых рот, выздоравливающих из госпиталей. Но удержать город не смогли и откатились. Фон Клюге рванул за отступающими советскими войсками, надеясь не дать им закрепиться на других рубежах. Ему оставалось меньше пятидесяти километров до танковой группы Гота, когда утром 1 июля начался контрудар Особой армии.

Ещё до войны ходили слухи о том, что в лесах белостокского выступа в глубокой тайне развёртываются корпуса с новейшими танками и артиллерией. С первых дней войны их реактивные минометы и тяжелые орудия наносили удары по фашистским войскам, но их основная сила никак не проявляла себя, спрятавшись от немецкой авиации под раскидистыми беловежскими дубами. Но теперь, пропустив мимо себя бронированное остриё немецкого наступления, они ударили в мягкое подбрюшье, перерезая кровеносные жилы снабжения и связи.

4-я армия была связана и измотана оборонительными боями и Богданов смог выделить для контрудара только наш полк и сводный отряд — остатки 22-й танковой дивизии. Однако немцы утром 3-го, деморализованные и дезорганизованные ночными атаками и артналётами не смогли оказать серьёзного сопротивления, и нам удалось захватить мост через Ясельду. В обе стороны от него шоссе было густо заставлено сгоревшими и подбитыми грузовиками — обозами немецкой 17-й танковой дивизии. Змея II танковой группы была рассечена на несколько частей, которые теперь судорожно пытались соединиться в единое целое.

Однако в первый день немцы смогли организовать только несколько воздушных налётов на наступающие советские войска. А ночью отряд из нескольких танков и грузовиков с горючим и боеприпасами пытался просочиться к окруженным лесными дорогами, но попал в предусмотрительно организованную нами засаду и был рассеян. Утром на поле боя насчитали четырнадцать немецких танков и бронетранспортёров и восемь наших.

Уже 5-го июля немцы подтянули артиллерию и пехоту. Мы держались несколько дней, отбив четырнадцать серьёзных атак и понеся при этом большие потери. В результате наш командир принял решение отойти к югу. Но мост мы взорвали, и все возможные места для немецкой переправы находились в зоне досягаемости нашей артиллерии».

Вот так, образованием так называемого «Слонимского мешка», и завершился первый этап Белостокско-Минской оборонительной операции. В этих воспоминаниях ярко прослеживается весь гений советского руководства и товарища Сталина, вовремя осознавшего, что полностью не допустить на свою территорию фашистские войска не удастся. Великолепно исполненный «диверсионный акт» с взрывом складов в Брестской крепости фактически спас две дивизии от уничтожения.

Особо стоит также отметить великолепную работу по засекречиванию Особой Армии. Даже советские солдаты не знали о ее существовании и подготовке, более того, даже сейчас, столько лет спустя, в открытом доступе практически отсутствуют данные о формировании Особой Армии, о ее вооружении, дислоцировании до войны. Ее командующий, тогда еще генерал армии Лаврентий Георгиевич Ледников, до сих пор остается фигурой с множеством пробелов в истории его личной и общественной жизни, что может вызывать лишь уважение к методам работы советских специалистов. В то же время, это вызывает так же и сожаление,

не давая в полной мере насладиться знанием о становлении одного из лучших военачальников в истории России и Советского Союза.

15 июля 1941 года Москва, Кремль

— Таким образом, товарищ Сталин, мы отрезали группу армий «Центр» от группы армий «Юг», — докладывал, как обычно, маршал Шапошников. — Скапливающиеся у Вермахта проблемы со снабжением, вызванные нехваткой подвижного состава с нужной колеей и действиями нашей авиации, привели к фактической остановке наступления. Тем более что мы развернули целую войну против немецких снабженцев. А также, в свою очередь, уже перебросили Шестнадцатую армию к Бресту и Двадцатую армию под Минск. Подготавливаем атаку на Вторую полевую армию Вермахта.

— И как дела у нас в Минске, Борис Михайлович?

— Враг все же сумел войти в город, однако взять его не может. Бои идут за каждый дом, каждую улицу, каждый подъезд. Иногда даже за каждую квартиру. Концепция «тотальной войны» оказалась весьма эффективной. — Шапошников эмоционально взмахнул рукой. — На данный момент, Вермахт контролирует примерно треть города. Однако данный успех достигнут немецкими войсками за счет огромных потерь в людях и технике.

— Хорошо, Борис Михайлович, продолжайте.

— Итак, касательно наступления. Силами Шестнадцатой армии и Четырнадцатого механизированного корпуса мы нанесем удар по Второй полевой армии Вермахта в направлении Белостока. Одновременно с этим Двадцатая армия, совместно с тридцать четвертым, сорок четвертым, вторым стрелковым и седьмым механизированным корпусами нанесет удар по немцам в районе Минска по направлению к Гродно. Кроме того, Двадцать вторая и Девятнадцатая армии нанесут удар по частям третьей танковой группы Гота и Девятой армии Вермахта, с целью не позволить им перебросить резервы на помощь Второй армии немцев. Таким образом, в случае удачи данной операции над группами армий «Север» и «Центр» нависнет реальная угроза окружения, особенно над последней, а также расщепления на два котла, — увидев недоверчивое покачивание головой Сталина, Шапошников продолжил.

— В этой операции мы применим реактивные системы залпового огня БМ-13. Они не сравнятся, конечно, с системами Особой армии, но, в то же время, у нас их значительно больше. Кроме того, часть снарядов снабжена напалмом. Это должно оказать значительный эффект морального характера.

— А какое место вы отводите в плане данной операции Особой армии?

— Мобильного резерва. Если на каком-то участке у нас начнутся серьезные затруднения, мы используем Особую армию. Кроме того, их летательные аппараты будут помогать корректировать движение войск и направления ударов, а также участвовать в корректировке артогня. САУ Особой армии примут участие в артиллерийской подготовке на начальном этапе наступления.

— Их артиллерия столь необходима? Ее же вроде немного? — Сталин удивленно посмотрел на маршала.

— Каждая их самоходка способна заменить нашу батарею, а то и две. У них фантастические системы управления огнем, товарищ Сталин. И фантастическая скорострельность. Одна установка способна выпустить снаряды по разным траекториям, с тем, чтобы они достигли цели одновременно, — по виду Шапошникова можно было сказать, что ему очень хотелось, чтобы таких установок в армии было побольше.

— Еще что-нибудь хотите добавить, Борис Михайлович? — Сталин закурил трубку и подошел к окну.

— Конно-механизированная группа будет нашим вторым эшелоном в этой атаке. Когда наши войска прорвут оборону немцев под Минском, то мы введем ее в прорыв, закрепляя

успех. Ее целью будет взятие Гродно и удар в направлении городка Сувалки, — маршал показал означенные направления на карте.

— Что же, цели предстоящей операции ясны, задействованные силы обозначены. Как у нас с подготовкой?

— Боеприпасы, топливо заготовлены. Довольно плохо с ремонтными мощностями, товарищ Сталин, но это мы быстро исправить не можем.

— Ладно. Теперь, товарищи, давайте перейдем к обстановке на Южном фронте...

15 июля 1941 года

Москва

Весь день капитан Антонов чувствовал волнение. Это же надо, встреча с самим Сталиным! Это просто уму непостижимо! Причем уже завтра.

Владимир не удивлялся своему волнению. Это было как-то понятно, что ли. Все же завтра он увидит человека, правившего Россией дольше любого царя. По крайней мере, капитан слышал что-то вроде этого.

Так что завтрашняя встреча была, мягко говоря, волнующей. Расхаживая по гостиничному номеру, Владимир принялся напевать что-то из репертуара «Любэ», не обратив внимания на то, что приставленный к нему охранник, внимательно прислушивается к мелодии.

— Простите, товарищ капитан. Можно вопрос? — Владимир поднял голову и посмотрел на спрашивающего. Тот выглядел явно заинтересованно.

— Конечно, Андрей.

— А что это вы за песню напеваете? Просто я слежу за эстрадой, но такой песни не слышал.

— Эээ... ну как вам сказать, — капитан несколько растерялся. Он понятия не имел, знал ли этот человек о пришельцах из будущего. Поэтому, решив не рисковать раскрытием государственной тайны, соврал. — Я, когда на фронте был, написал.

— Вы молодец, товарищ капитан. Мне нравится. Может, сыграете как-нибудь?

— Да, да, конечно. Буду рад.

От дальнейшего смущения Антонова спас своим появлением Ледников.

— Ну что, герой, готов к завтрашнему?

— Так точно, товарищ генерал армии. Волнуюсь только слегка.

— Ну, волнение — это нормально. Я тоже слегка дергаюсь — все-таки твой генерал не камень. Но это понятно. Встречаемся, все-таки, со Сталиным, а не, мать его, с губернатором нашим каким-нибудь. Так что ложись спать, сынок, завтра будешь дергаться.

— Есть ложиться спать, товарищ генерал армии.

Усмехнувшись, генерал Ледников вышел из номера.

— Итак, Лаврентий Георгиевич, благодаря действиям Вашей группы, Красная Армия успела завершить мобилизацию.

— Спасибо, товарищ Сталин. Я должен отметить, что и генерал Соломенцев, и генерал Веткач отлично справились со своими обязанностями. А также офицеры и солдаты. А что касается нашей помощи. У меня ни секунды не возникало сомнений, когда я понял, в какую ситуацию мы попали. Победа над фашистским Рейхом и восемьдесят лет спустя считается одним из важнейших достижений нашего государства.

— Что ж, товарищ Ледников, не зря вы свой орден получили.

— Служу Советскому Союзу, товарищ Сталин!

— Да ладно вам, Лаврентий Георгиевич, мы здесь одни, не надо подобных восклицаний, — Сталин с улыбкой помахал руками. — Можно просто Иосиф Виссарионович. У меня вот к вам какой вопрос, товарищ Ледников. Что вы можете сказать о капитане Антонове?

Увидев, как напрягся генерал, Сталин покачал головой.

— Да не волнуйтесь вы так, никто его в лагерь отправлять не собирается и записывать в немецкие шпионы тоже. Просто товарищ Берия рассказал, что один из его людей слышал, как товарищ капитан напевал некую весьма приятную песенку, приписанную товарищем Антоновым себе.

— Он мне доложил об этом инциденте, тов... Иосиф Виссарионович. Напевая эту песню, он не ожидал интереса со стороны охраны. Когда таковой интерес возник, то капитан Антонов, не зная, известно ли охране о происхождении нашей группы, предпочел ввести охранника в заблуждение, чем рисковать раскрытием государственной тайны.

— Это предусмотрительно, товарищ Ледников. Но вы меня недопонимаете, — увидев удивленный взгляд генерала, Сталин пояснил:

— Товарищ Антонов у нас герой. Спланировал и провел операцию по захвату командующего двадцать четвертым корпусом. Провел ее с риском для жизни и даже получил ранение, прикрывая отход группы. А стране нужны герои, товарищ Ледников. Стране нужны примеры, эталоны, к которым стоит тянуться. Эдакий шаблон «таланта во всем». И мы, с товарищем Берия, выбрали одним из героев товарища Антонова. И его «песнопения», — Сталин усмехнулся, — нам только на пользу. Согласно охраннику, товарищу Колядову, голос у вашего капитана хороший. Так что помимо воинского искусства, товарищ Антонов будет осваивать искусство музыкальное. Так что хотелось бы услышать и ваше мнение, Лаврентий Георгиевич, — Сталин вновь стал называть Ледникова по имени-отчеству.

— Что я могу сказать об Антонове. Не курит, матом в мирной жизни не ругается, сослуживцы в целом хорошо отзываются. Отличался в нашем времени несколько раз, особенно в Крымском конфликте — спас там несколько мирных жителей, рискуя собой. Спокойный. Там, — генерал эмоционально махнул рукой, — осталась невеста. Алкоголем не злоупотребляет. В целом, хороший человек. По крайней мере, мне о его ярких недостатках не известно. О мелких тоже, товарищ Сталин. Наверняка они есть, все же капитан Антонов просто человек, но мне о них не известно. Еще одно, товарищ Сталин. Сослуживцы дали ему прозвище «Добрый». Полагаю, это может что-то значить.

— Хорошо, товарищ Ледников. Послезавтра у нас начало наступления, так что вы уж там не подведите.

— Не подведем, товарищ Сталин. Не подведем.

18 июля 1941 года

Выведенные на позиции советские войска приготовились к атаке.

Ровно в четыре часа утра артиллерия начала артподготовку, продлившуюся полчаса. Но когда замолчала артиллерия, заговорили «Катюши». Несколько тысяч выстрелов для этих красавиц, в авральном порядке сделанных меньше чем за месяц, продемонстрировали немцам, что такое «Вундерваффе».

После «Катюш» войска, наконец, пошли вперед. Одна из крупнейших битв в истории, известная позже как операция «Багратион», началась.

5 августа 1941 года Окрестности города Сувалки

— Васильев, займете положение вон на том холмике. И чтоб ни один фриц там не прошел, ясно? — лицо командира батальона Желткова покраснело.

— Так точно, товарищ майор.

Капитан воевал с первого дня войны. Он уже пережил несколько воистину адских дней. Выжив в уличных боях Минска, превративших город в груды развалин, он не боялся теперь уже ничего. Нынешний приказ, ставивший его роту на самом опасном участке обороны, не казался ему чем-то особенным. Тем более что сегодня с утра к ним в усиление

прибыл батальон Особой армии. В КМГ давно ходили слухи один невероятнее другого относительно этих ребят. Кто-то говорил, что это бывшие белогвардейцы, раскаявшиеся и вернувшиеся в тяжелое для Отчизны время, кто-то, что это чуть ли не инопланетяне.

Двадцатилетний капитан Леонид Васильев относился к третьей группе, считая, что это просто-напросто экспериментальная часть. В которую набрали лучших из лучших. А то, что про нее еще недавно никто ничего не знал, объяснялось секретностью. Высшей пробы, так сказать.

Идя по траншее, капитан усмехнулся. Он вспомнил, как одним из аргументов их нездешнего происхождения было их невиданное оружие и техника. А также форма. Вопрос, почему такой техники нет в войсках, если эта техника советская, одно время занимал и его, особенно после его небольшого знакомства с их артиллеристами, и казался вполне логичным. Но потом он услышал, как полковник разговаривал на аналогичную тему с Болдиным. И услышал, во что обошлись СССР только две такие бригады. Гигантские деньги! Хотя, как показала практика, не зря, ой не зря потраченные.

Тем более что большая часть «белых» была младше его самого.

Да и товарищ Сталин верно отметил, что историю русской армии никто не отменял. Также как и храбрость русских солдат, отдававших жизни за Россию на многочисленных войнах. А то, что войны те в большинстве своем были несправедливые... ну так солдаты-то в этом не виноваты.

А сегодня его роте предстоит отражать атаку немцев. Те, пытаясь не допустить окружения, атакуют с фанатизмом обреченных.

Немецкие позиции в окрестностях города Сувалки

Вильгельм Шнирке старался даже не думать о сегодняшней атаке на позиции русских. Те успели укрепиться, и теперь штурм однозначно превратится в ад. Выжить в котором будет ох как непросто.

Рядовой Вермахта грустно вздохнул. Он, как и капитан Васильев, тоже выжил в Минске. И теперь был уверен, что до конца жизни ему будут сниться кошмары. А бойню под Гродно он вообще не может забыть. Тогда он впервые столкнулся с русскими «Катюшами». Жуткий вой ракет, взрывы, крики сгорающих заживо солдат. Это сводило с ума. В том аду от их батальона осталось хорошо, если несколько взводов. Из состава которых половина слетела с катушек.

А теперь еще и это контраступление. Ведь идиоту же ясно, что даже если удастся выбить русских отсюда, то это будет стоить слишком дорого. А эффекта особого не достигнуть. Русские каждый день получают пополнение. У них лучше со снабжением. В то время как у Вермахта проблемы с людскими ресурсами. То есть проблем-то пока нет, но полномасштабная мобилизация только начинается...

Хотя откуда ему знать, что лучше? Фюрер что-нибудь придумает. Фюрер — гений. Да, русские оказались сильнее, чем предполагалось. Но это им не поможет, потому что Германия — самая сильная! Наверное, уже сейчас фюрер придумывает какой-нибудь хитрый план, чтобы обратить русских в бегство.

Вильгельм представил себе Гитлера, склонившегося в штабе над картами, в окружении верных генералов придумывающего план разгрома большевиков и улыбнулся.

Берлин, Рейхсканцелярия

— Уроды! Еврейские ублюдки! Вы полностью некомпетентные скоты! Я что ли должен придумывать, как разгромить русских? Кейтель, черт тебя дер, где твой мозг? А ваш, Йодль? Вы что, как и фон Бок, на виселицу захотели?! Так я вам устрою!!! — вид брызжущего слюной Гитлера явно не совпадал с представлениями простого солдата Вермахта. — Эти недочеловеки уже в Польше!! Как вы, черт возьми, могли это допустить?

Как, я вас спрашиваю?! Даю вам неделю, слышите, неделю, чтобы выбить большевиков из генерал-губернаторства. Мне плевать, как вы будете это делать, но Рейх не потерпит русских на своей территории. Усильте нажим на Украине, еще чего-нибудь придумайте, но выбейте этих ублюдков оттуда!!

— Но мой фюрер, мы потеряем слишком много людей, — робкая попытка Кейтеля предотвратить неподготовленное наступление вызвала лишь еще большую истерику у вождя германской нации:

— Молчать! Кейтель, неделя! И время уже идет, понятно! Понятно, я вас спрашиваю?! — орущий на своих генералов Гитлер выглядел в данный конкретный момент полным психопатом.

Спорить с которым было бесполезно. Тем более что тот снова достал носовой платок, с явным намерением его сжевать.

Немецкие позиции в окрестностях города Сувалки

Что ж, время пришло. Через пять минут артиллеристы откроют огонь по позициям русских. И радист Альберт Шпере был этому готов. Так, а это еще что? Пропаганда русских что ли? Поняв, что это за песня немец мгновенно покрылся холодным потом. Он уже слышал эту музыку. Причем слышал несколько раз. И в те разы она сопровождала страшным потерям Вермахта. «Ду хаст миц» — адская песенка. Надо предупредить начальство, или еще что-нибудь сделать...

Альберт не знал, что Пе-2 секунду назад сбросил бомбу, летящую точно на него...

Капитан Антонов залег чуть в стороне от дороги. Сегодня он был в группе прикрытия. Основная работа ляжет на лейтенанта Березу. Тот, с крупнокалиберной снайперской винтовкой уже устроился на позиции и ожидал цель. А целью был никто иной как Герман Гот — командующий третьей танковой группой Вермахта. После отстрела нескольких генералов, Вермахт стал гораздо тщательней охранять своих военачальников. Но против дальнобойной снайперской винтовки лекарства они еще не придумали.

Так что сегодня Рейху предстоит очередная потеря.

— Вася, слева! — Васильев крикнул сержанту, не особо надеясь, что тот услышит в таком грохоте. Тот услышал, и, повернув пулемет, аккуратной очередью скосил трех солдат Вермахта, подбирающихся на расстояние гранатного броска.

Бой шел уже полчаса, и останавливаться не собирался. У Васильева уже давно кончились патроны к ППШ, и он стрелял по немцам из подобранный немецкого пистолета-пулемета.

— Ложись!

Швырнув последнюю гранату в набегающих немцев, Васильев завалился на дно траншеи. Громыхнул взрыв. Раздавшиеся крики были практически не слышны в шуме боя.

Высунувшись из траншеи, Васильев отстрелял последние патроны куда-то в дым, в мелькнувшие там фигуры. Пора менять оружие. Оглядевшись, Васильев увидел труп красноармейца, молодого совсем еще паренька, сжимавшего в мертвых руках винтовку Мосина. Подползая к нему и подобрав трехлинейку и пару обойм, капитан осторожно выглянул из своего укрытия.

Немцы отходили. Их вторая за последние несколько часов атака снова не принесла никаких результатов.

Лейтенант Береза уже довольно долго лежал неподвижно, ожидая появления цели. Здоровенная винтовка казалась в сравнении с его маленьким телом еще больше и страшнее.

Но это если бы ее кто-нибудь увидел. Замаскировавшегося лейтенанта было трудно заметить даже вблизи и даже если знать, куда смотреть. А так... почти невидимая смерть.

— Цель, — шепот капитана Антонова в ухе мгновенно сконцентрировал Березу, до этого лежащего в несколько расслабленном состоянии.

— Понял, — короткий ответ.

Штабной автобус, ехавший вслед за мотоциклетным дозором и парой легких танков, был несложной целью. Но вот Гот в нем — это уже проблема. Предполагалось, что немецкий генерал поедет на «Хорьхе», где его будет легко отстрелить. Но в автобусе... его еще надо там увидеть и в него еще надо попасть.

— Вторая схема, — Антонову пришли на ум те же самые мысли, что и Березе. Поэтому схема атаки менялась. Группы поменялись ролями — атаковать будет прикрытие, а прикрывать — атакующая группа. Так что ожидается много шума и еще больше пыли. Ну и без взрывов не обойдется.

— Береза, водитель автобуса и дозорные.

— Есть, — мотоциклистам, как и водителю штабного автобуса, не повезло. На их долю выпадет пара крупнокалиберных пуль.

Лейтенант приготовился к стрельбе, краем уха слушая капитана, раздающего цели.

— Десять секунд, — голос Антонова был спокоен.

Береза прицелился в водителя автобуса.

Несколько вещей произошло практически одновременно. Береза выстрелил, из леса в борт танкам прилетела парочка подарков, в виде снарядов от РПГ, по штабному автобусу открыл огонь автоматический гранатомет, по грузовикам с пехотой застрочили пулеметы и автоматы.

Лейтенант, чей выстрел разнес голову водителю автобуса, спокойно пристрелил водителя мотоцикла, а потом и второго мотоциклиста, сидящего за пулеметом, после чего вновь перенес огонь на автобус. Отстреляв обойму и получив команду на отход, он спокойно ушел к точке сбора.

Капитан Антонов экономными очередями по два патрона отстреливал немецких солдат, пытавшихся организовать какое-то подобие сопротивления, сводящееся в основном к беспорядочным выстрелам в сторону леса. Когда от штабного автобуса не осталось уже практически ничего, Владимир приказал отходить.

Весь бой не продлился и полминуты. Вермахт в очередной раз потерял одного из своих генералов. Вместе с чем шансы на хотя бы относительно благоприятный исход летней кампании, и так бывшие весьма невысокими, стали еще несколько ближе к цифре «ноль».

...

Прибыв на базу и приняв душ, Владимир почувствовал себя, наконец, человеком. Несколько дней в поле, в тылу у немцев, постоянное напряжение — все это не могло не сказываться.

Но Владимир терпел. Тем более что ему то и жаловаться было особо не на что. Получил Героя, обеспечил себе будущее. Капитан невольно улыбнулся. Как элегантно товарищ Сталин решил вопрос о сохранении секрета происхождения Особой армии! А то ведь народа полно, рано или поздно кто-нибудь из «потомков» проговорится где-нибудь не там — по пьяному делу, к примеру. Потому как расписки о неразглашении — это одно, а реальное неразглашение — все же другое. Нет, специально-то никто, конечно, проговариваться не будет, но мало ли... А товарищ Сталин возьми, да и организуй в Сибири городок Будущее. Там уже ведется активное строительство, куча поддельных документов уже готова. Лет через десять ни одному «потенциальному другу» и в голову не придет, что Особая армия из будущего. Максимум, до чего им удастся докопаться — до закрытого города Будущее. Что тоже будет весьма нелегко.

Но это все дела нескорые. Сейчас Владимира больше интересовали ближайшие перспективы. Расположения бригад уже эвакуируют в глубокий тыл. Вывозят все подчистую, включая даже строения. Хотя уж это зачем, капитан решительно не понимал. И вместе с этим, представлялось весьма сомнительным, что сами бригады останутся на фронте.

Тем более что свою задачу они выполнили и даже перевыполнили. Наступление

Вермахта сорвано, РККА сохранила целую кучу войск — устоявший Западный фронт спас другие фронты своим выживанием. Так что ждет бригады именно то, что звучит в новом названии — резерв верховного главнокомандования. Ну а некоторым светит побыть инструкторами.

— Антонов! — появившийся в казарме Веткач выглядел измотанным.

— Товарищ генерал-майор, — капитан не успел вытянуться перед командиром, когда тот жестом показал тому на стул.

— Опять отличился, Вова. Молодец.

— Служу...

— Оставь, Вова, — перебил Антонова Веткач. — Не надо. Вот что я тебе скажу. Светят тебе большие звезды, сынок. Очередного генерала Вермахт лишил. Одного в плен взял, другого пристрелил.

— Это не я, товарищ генерал-майор. Это сержант Лебедь, он из гранатомета автобус расстрелял.

— Группой ты командовал? Ты. Значит, твоя победа. Тем более что фактически именно ты операцию спланировал. Что, конечно, не умаляет заслуг сержанта. И он свое получит. Так что быть тебе скоро майором. В любом случае, будем в Смоленске, звезды получать будешь. Ну и очередную висюльку. По бабам пройдешься, — увидев мгновенно помрачневшее лицо капитана, Веткач грустно вздохнул. — Ты извини, сынок, запоматывал я про невесту твою. Но ничего, время лечит. Так что отдыхай. На фронте нас некоторое время не будет...

17 декабря 1941 года Польша, Варшава

Привалившись к полуразрушенной стене, капитан Васильев неторопливо пережевывал остатки своего небогатого ужина. Появление в комнате встревоженного солдата встретил со спокойствием человека, не раз видевшего смерть и игравшего с ней каждый день.

— Тащ капитан! — паренек вытянулся.

Васильев облизал ложку и, отложив ее в сторону, кивнул.

— Какое-то шевеление на стороне фрицев. Стрелять — не стреляют, но товарищ сержант считает, что они готовятся к атаке. Вот, послал к вам... — красноармеец захлопал глазами.

Командир задумался. С одной стороны, атака в ночной тьме — вполне в стиле фашистов, особенно учитывая последние дни. С другой, у него это направление прикрывается девятью пулеметами. И немцы это знают — за последние два дня провели несколько провалившихся наступлений... Ладно, надо в любом случае пойти посмотреть.

Все так же неторопливо поднявшись, капитан подхватил приставленный к стене ППШ и знаком приказал солдату двигаться впереди.

Перейдя к другой части превращенного в крепость дома и поднявшись на второй этаж, Леонид тихонько похлопал по плечу сержанта, напряженно всматривающегося сквозь амбразуру в зимнюю тьму. Означенный сержант, родом из Якутии, вместе с братом составлял лучший расчет пулемета из имевшихся в роте. Хотя, как подозревал Васильев, не только в роте.

— Чего такое, Федор? — якут вместо ответа кивнул на дом, отделенный от расположения советского подразделения небольшой площадью. Но затем все же сказал:

— Какое-то шевеление, товарищ капитан. Плюс слышали моторы. Может танки, может еще что. Но уж больно они тихо себя весь день вели.

«Копили силы? Вполне возможно... Но танки? Может стать хреново... перебросить ребят с ПТР? Если новые танки — в лоб не поможет. Откуда могут ползть?» — мысли командира скакали с одного на другое. Наконец, еще разок тщательно обдумав решение, капитан разразился серией приказов.

— Так, ясно. Красноармеец! — паренек, все время разговора простоявший рядом, снова

вытянулся. — Топай к расчету Савинкова. Пусть займут позицию рядом с Елецким, на третьем этаже. Но пусть сам подойдет сначала ко мне. Федор, — Леонид повернулся к сержанту, — у тебя сколько патронов?

Якут, погладив трофейный немецкий «МГ» ответил почти сразу:

— Еще надолго хватит, товарищ капитан. Почти девятьсот штук.

— У Елецкого хуже... отдашь ему одну ленту.

Не дожидаясь ответа, пригнувшийся Васильев быстро проскочил полуоткрытый участок, образованный обрушившейся частью стены дома.

И это спасло ему жизнь. Неожиданно с немецкой стороны раздался громкий выстрел артиллерийского орудия, снаряд из которого влетел практически точно в то место, где только что был командир роты.

— Твою мать! Суки! — кинувшись назад, Леонид обнаружил забрызганного кровью сержанта, наполовину заваленного камнями рухнувшей стены. Взгляд переместился чуть дальше. Брат Федора был мертв. Однозначно и бесповоротно.

— Федя, не смей умирать! НЕ СМЕЙ! У немцев теперь большой должок перед тобой. Тебе еще Берлин брать, так что давай, оставайся тут со мной, — вытаскивая пулеметчика из под обломков, капитан продолжал что-то ему говорить, не давая потерять сознание.

Тем временем, немецкая сторона осветилась многочисленными вспышками винтовочных выстрелов и пулеметных очередей.

— К бою! — приказ был, в общем-то, излишним, бойцы все сами прекрасно понимали. — Санитар!

— Тащ капитан! — возникший рядом расчет с ПТР дожидался указаний.

— Дуй к Елецкому! Будет немецкий танк — подпустишь поближе и вмажешь в борт! Понял?

— Так точно! — уже собравшийся унести на позицию Савинков был остановлен твердой рукой командира.

— Стой! Отнесешь ему патронов. Здесь они уже не понадобятся, — Васильев кивнул на аккуратно сложенные пулеметные ленты.

— Звали? — появившийся рядом фельдшер не договорил. Увидев раненного сержанта, он кивнул и принялся за работу.

Взлетевшая ракета осветила поле боя причудливым, чуть мигающим светом. Организованно наступающие люди в немецкой форме мгновенно залегли, прячась за немногочисленными укрытиями. Стреляющие с советской стороны пулеметы были в этот момент несколько заняты перестрелкой со своими коллегами, поэтому гитлеровской пехоте доставалось не так уж и сильно.

Вскинув к плечу ППШ, Васильев дал короткую прицельную очередь. Перебегающий к какой-то куче мусора солдат словно споткнулся, рухнув на середине пути.

Появившийся на площади танк сюрпризом не стал. В отличие от цепочки минометных разрывов, неожиданно выросших на пути немецких солдат.

«Надо же, а Баринов жив еще, курилка», — связи с минометной батареей в соседнем доме не было почти полтора дня и мысль о том, что после последней бомбежки там все полегли, выглядела логичной.

Тем временем, немецкий панцер, неторопливо повернув башню, выстрелил по второму этажу, откуда палило сразу несколько советских пулеметов. Но тем самым он подставил ее борт ждущему своего шанса расчету с ПТР. И если первый выстрел «тройку» не уничтожил, то еще несколько поставили на ней крест. Как раз рядом с немецким...

«Вторая Мировая Война в солдатских воспоминаниях, с комментариями. Избранное. Том 2». Военное издательство МО СССР, 1985 г.

«Степаных, двадцатидвухлетний лейтенант-танкист, после госпиталя был отправлен в

армию под Варшавой.

Вообще-то он тогда не был Степанычем. Я стал так его называть много десятилетий спустя, но в моих воспоминаниях он навсегда останется именно Степанычем.

Прибытие в гвардейскую часть состоялось буквально за неделю до начала последнего этапа грандиозного Варшавского сражения, после которого немцы потеряли последние шансы на победу.

Как и положено по нашим, да и не только нашим, армейским традициям, новичку дали возможность проявить себя на командирском поприще, отправив в разведку боем.

Разведка боем в составе взвода Т-34, это, конечно, не слабо, но вот есть ли шанс на успех и в чем он состоит? Думал ли об этом молодой лейтенант, по жизненному опыту еще мальчишка?

Если судить по тому, что он сам рассказывал много лет спустя, да и по собственному схожему опыту, и, главное, по тому, как он это рассказывал, то сегодня смело можно констатировать — не думал. Он не думал, что может не вернуться, он не думал, что может как-то проявить себя в командирском деле. О геройстве, впрочем, он аналогично не думал. Тогда об этом вообще было не принято не то, что говорить, но даже думать.

Одним словом, был мой друг Степаныч, говоря сегодняшним языком, обычным русским мальчишкой, провоевавшим с начала войны и получившим к тому времени пару легких ранений.

Взвод советских танков, три новенькие «тридцатьчетверки», неторопливо переваливаясь, переползли сначала наши окопы, потом немецкие. Мой ребенок, подросток, слушая этот рассказ, представляет себе киношный шквал огня и яростный ответный огонь наших машин, но реальность была совсем иной. Танки просто проползли по местности, и никто по ним особенно-то и не стрелял. Пехотинцы танкового десанта, как сидели на броне, так и продолжали сидеть, с опаской поглядывая по сторонам и завидуя танкистам.

Много ли целей было разведано? Наверное, можно было бы рассказать о невероятных боях и о том, как Степаныч пробивался вперед, уничтожая немецкие танки десятками. Однако реальность редко имеет сильное сходство с героическими эпосами. Были выявлены координаты нескольких частей, видимо ничего существенного, скорее всего были замечены какие-то группы фрицев, в лучшем случае укрепления или места будущих сосредоточений сил противника. Этот вывод я сделал много позднее, когда уточнять было уже не у кого. Этот вывод я сделал по тому, как неопределенно и с пренебрежением Степаныч упоминал эти цели.

Последней обнаруженной целью была батарея тяжелых орудий, сообщив о которой рота тут же получила приказ возвращаться. По-видимому, отцы-командиры не слишком рассчитывали на результативность этой разведки. Вот они и тянули до первой существенной находки, дабы можно было отчитаться об успехе и сохранить танки для настоящего полезного военного дела. К слову сказать, Степаныч по-настоящему гордился обнаружением этой батареи.

Но война есть война.

Буквально сразу по получении приказа еще даже не успевший развернуться взвод был обнаружен. Похоже, что фрицы выслали свои машины на перехват и, к сожалению или счастью, успели. Одновременно с огнем танков, обстрел начала та самая батарея.

Вообще все произошло так быстро, что танк молодого лейтенанта успел сделать всего один безрезультатный выстрел.

Когда машина загорелась, из нее успели выскочить лишь мой друг и радист. Остальные просто сгорели.

Степаныч помнил взрыв снаряда, помнил, как осколком радисту чиркнуло по животу и тот на ходу заправлял вываливающиеся кишки. Помнил боль в перебитой ноге.

В скрытой кустарником воронке он перевязал радиста, который вскоре потерял сознание. Забинтовал свою ногу, а дальше они просто лежали, надеясь неизвестно на что.

Было ли тогда страшно?

Не знаю. Когда-то потом, много лет спустя, я спросил его об этом, но услышал нечто неопределенное. Наверное, я был сильно неправ, задев за нечто такое, о чем говорить, а уж тем более спрашивать, неприлично...

Вечером мимо проходило отделение немцев.

Сквозь обожженные ресницы, сквозь вспухшие от ожога веки, Степаныч их считал и, наверное, молился.

Десяток фрицев прошли мимо, а одиннадцатый, последний, заглянул в воронку и спустился вниз по склону вывороченной земли.

Ткнув радиста в живот и услышав стон, он его пристрелил. Пристрелил и направил ствол винтовки в лицо Степаныча. Вероятно, это судьба. Я, как вживую вижу моего друга, к которому немец поворачивает лицо. Вижу его слегка приоткрытый рот, вижу вспухшее от ожогов лицо и вижу, как фриц, отвернувшись, уходит. Друг предполагал, что его спасло распухшее, как у трупа, лицо.

Что там было на самом деле? Где и сколько в этой истории вымысла?

И имеем ли мы право осуждать кого-нибудь из своих близких, бившихся на той войне?

Сегодня с уверенностью могу сказать — не имеем.

Но я своему другу верю, ведь наблюдал его большую часть своей жизни. Наблюдал его в самых разных ситуациях. Видел, что он отнюдь не герой, порою даже трусоват, но вот честности он был необыкновенной.

А под утро началась та самая превентивная артиллерийская подготовка, что задержала фрицевское наступление и покончила с их надеждами на взятие Варшавы.

Бить по площадям дело пустое, поэтому на разведанные цели вываливали столько, чтобы хватало с десятикратным запасом.

От канонады Степаныч потерял сознание, а очнулся уже в госпитале и полностью седой.

Я часто размышляю, а был ли смысл в этой разведке боем, что привела к потере взвода танков и пехоты?

Откровенно говоря, не знаю. Как и не знаю, сколько всего таких взводов погибло и каков суммарный от этого эффект.

Хотя нет, одно я знаю совершенно определенно. Знаю то, что мы победили. И я не знаю, произошло бы все так, как произошло, если хоть одно единственное условие не было бы соблюдено в этой цепи трагических событий.

И еще я знаю, что Степаныч, отвоевав еще полгода, последний в той войне свой танковый бой провел в Венгрии, в самом начале лета сорок второго.

А после того боя на него обратила внимание госпитальная медсестра, бывшая, по совместительству, моей сестрой и ставшая впоследствии его женой. А обратила внимание потому, что на угловой койке палаты лежал белый, как лунь, раненый с невероятно веселым красным лицом, на загипсованной руке которого химическим карандашом было четко выведено жизнеутверждающее: «Хочу колбасы!»

Великая Отечественная Война, неразрывно связанная с историей советского народа, разрушила множество судеб и разбила огромное количество сердец. Но следует признать, что и свела она тоже множество самых разных людей.

Следует также отметить, что героизм советского солдата состоит, в том числе, и в том, что он зачастую попросту не осознает свои поступки таковыми, хотя иначе их назвать и нельзя.

Помнить про подвиг советского солдата, жертвовавшего всем ради Победы — это наш долг и святая обязанность. И не стоит об этом забывать.»

4 марта 1942 года

Вот уже семь месяцев, как Особая армия отсутствовала на фронте. Ситуация за это время несколько раз менялась, но не так, чтоб уж сильно. Полностью разгромить группу

армий «Центр» советские войска так и не смогли, хотя третья танковая группа и была фактически уничтожена. Вытеснив немецкие войска в Польшу и Румынию, РККА не смогла продвинуться особенно далеко. Немцы дрались как сумасшедшие. Никак не хуже советских солдат. Чувствовали, наверное, что конец Тысячелетнего Рейха ожидается на первом (максимум втором) десятке лет существования.

С другой стороны, русские войска не атаковали со всем возможным ожесточением. Выбив фашистов со своей территории, и продвинувшись чуть дальше — в Польшу и Восточную Пруссию — Красная армия приостановилась. Зимняя кампания в планы советского командования не входила.

Зато входила в планы немецкого. Декабрьский удар фашистов на Варшаву едва не окончился катастрофой. Но, завязнув в уличных боях, и встретив ожесточенное сопротивление советских войск севернее города, немцы откатились назад. За тридцать четыре дня Варшавской бойни Вермахт потерял сто с лишним тысяч человек только убитыми, не говоря уже о раненых и попавших в плен. Для советской армии это тоже была не легкая прогулка. Потери исчислялись дивизиями и корпусами.

Но хуже всего пришлось мирным жителям польской столицы. Когда стало понятно, что город взят не получится, взбешенный Гитлер приказал его уничтожить. Геринг организовал нечто весьма похожее на Сталинградский конвейер смерти — чудовищную бомбардировку, превратившую относительно целый ранее город в груды развалин.

Правда, это весьма недешево обошлось Люфтваффе, еще больше приблизив момент захвата советскими летчиками абсолютного превосходства в воздухе.

Особая армия тем временем готовила в тылу армию возмездия. Первые ППС и пулеметы Калашникова (здесь ставшие пулеметом Дегтярева) появлялись именно здесь. Вообще, все лучшее шло сюда. Здесь обстрелянных и не очень командиров и солдат учили новой войне. С другой тактикой и другим оружием.

И пока одна армия сражалась на фронте, другая ковалась в тылу.

Тем временем на Востоке дела обстояли примерно также как и в реальности, — еще бы, если Императорская армия не напала на СССР, когда немец стоял под Москвой, то сейчас у них даже и мысли об этом не возникло. Что позволило Сталину несколько вольней распоряжаться сибирскими дивизиями.

Ну а японский флот атаковал Перл-Харбор как по расписанию, и даже утопил на авианосец больше — Лексингтон кажется. Потеряв при этом один из своих. Но в остальном... США объявили войну Японии, Германия — США, США — Германии. В общем веселье было на уровне прошлой заварушки.

Даже насчет ленд-лиза договорились. Правда, в несколько измененном виде относительно изначального варианта истории. Брали у американцев станки, грузовики и рации, алюминий. Ну и по мелочи там еще. За это Советский Союз обязался вступить в войну против Японии сразу, как разберется с немцами. Но не позднее лета сорок четвертого года. Так что все шло значительно лучше, чем должно было. Для СССР.

— Эй, майор, — оклик остановил Антонова, устало идущего с закончившегося инструктажа очередной партии солдат и офицеров.

Повернувшись, он увидел полковника Кормильцева, машущего ему рукой.

— Товарищ полковник.

— Майор, топай за мной, на новые машинки посмотришь.

— Полковник? — вопросительный взгляд уставшего Антонова получился откровенно злым.

— БМП местного разлива привезли. Тебе ж на них кататься, сразу увидишь, что к чему, — Кормильцев не обратил на выражение лица Антонова никакого внимания.

Это уже интересней. Владимир отправился вслед за полковником.

Первая местная БМП, названная «Лаврентий Берия», была весьма похожа на БМП-2. Из явно видимых отличий была, пожалуй, лишь длиннющая спаренная с пулеметом тридцатисемимиллиметровая пушка. Ну и некоторая тяжеловесность конструкции — все же

основой служила сталь, а не алюминиевые сплавы.

— На вид неплохо, — Владимир заинтересовано осматривал «Берию».

— Ага. Только их пока немного будет. Сам понимаешь, первым делом ЗСУ и бэтээры.

— И когда их будут много делать?

— Черт его знает. Эти-то сделали по большому счету только для нас, да и то для того, чтобы нынешние танкисты учились с ними взаимодействовать. Кстати, видел, как товарищи танкеры на новых машинках рассекают?

— Позавчера смотрел, меня генерал Ледников позвал.

— Жалко, что местные с наших танков пушки скопировать не могут. Хотя и то, что у них есть тоже неплохо, по сравнению с немцами.

— И по сравнению с реальностью, надо отметить. — Антонов был весьма доволен увиденным им на полигоне. Самоходки и танки, довольно быстро спроектированные и сделанные, выглядели неплохо. ИСУ-152, действовавшие совместно с ИС-2 (здесь ставшим ИС-1) и модернизированными Т-34, реально не имели противников на поле боя. Конечно, при встрече с «Тигром» были возможны проблемы, но сколько их будет, этих «Тигров»? Да и когда еще...

— Эт да, — Кормильцев согласно кивнул головой. — Так что скоро мы фашистам врежем так, что только клочья лететь будут.

Особая армия еще осенью стала включать в себя не только две бригады из будущего. К ней добавилось несколько дивизий, пара бригад и дивизионов. И все эти части были чуть ли не единственными, куда поступало новое оружие. Поскольку его было пока еще очень мало. В основном промышленность выпускала проверенную технику. С небольшими модернизациями, куда уж без этого. Исключения составляли разве что Судаевские пистолеты-пулеметы, пулеметы Дегтярева и еще немногие образцы.

Основная проблема была с выпуском автотранспорта. Сохранение в целом состоянии огромного количества заводов было явно в плюс Советской промышленности — грузовики сходили с конвейеров как пирожки. Но всего этого все равно было недостаточно и, даже несмотря на американские поставки, их жутко не хватало на фронте. Хотя ситуация постепенно исправлялась — в том числе и благодаря большому количеству трофейного автотранспорта...

Антонов присел на скамейку. Мимо маршировали молодые солдатики.

«Эти точно из необстрелянных», — подумал майор, глядя на их лица. Вдруг его внимание привлекла небольшая группа девушек в белых халатах, громко спорящих о чем-то. Владимир прислушался.

— Да точно я тебе говорю, надо ей одной сейчас побыть, — полная девушка подпрыгивала на месте так активно, словно пыталась взлететь.

— Ага, а она от горя на себя руки наложит, — вторая говорившая, высокая светловолосая женщина, выглядела совершенно спокойной.

— Не наложит! — еще одна из компании.

— Может и нет, а может и да!

Владимиру стало интересно. Встав со скамейки, он подошел к спорящим.

— Что за шум, а драки нет? — его приближение осталось незамеченным.

— Ой, — полная девушка мгновенно смолкла, с каким-то даже испугом глядя на майора.

В установившейся тишине лишь только светловолосая не растерялась.

— Товарищ майор, обсуждаем состояние своей подруги, старшего военфельдшера Лазинной. Часть из нас уверена, что надо ей сейчас побыть одной, часть — что наоборот, надо окружить максимальным вниманием.

— Чего с ней случилось? — у Антонова были смутные подозрения, но он решил все же проверить.

— Похоронка на ее брата пришла. А он у нее последний из семьи остался... то есть

оставался. Вся остальная семья в Минске погибла. Так что теперь она одна из всей родни осталась.

— Ну и отчего спор? Сильно отреагировала?

— Да в том-то и дело, что нет. Спокойно так. Но как-то неправильно.

— Ладно. И где она сейчас? — Владимиру вдруг захотелось увидеть тихо страдающую девушку.

— В третьей казарме, товарищ майор.

— Хорошо. Я с ней поговорю. Как ее зовут-то?

— Настя... в смысле Анастасия, — голос светловолосой дрогнул, несмотря на внешнее спокойствие, она нервничала.

— Молодцы, что беспокоитесь о коллеге, — Антонов улыбнулся и добавил, — нечего на холоде стоять, идите вон, чаю в столовой попейте.

— Есть, товарищ майор!

Пройдя до казармы, Владимир остановился. Что он ей скажет? Что вообще можно сказать человеку, только что потерявшего последнего близкого? Постучав, Антонов зашел внутрь.

И почти сразу увидел ее. Красивая невысокая черноволосая девушка с зелеными глазами неподвижно сидела на стуле и смотрела в окно. На появление офицера она не обратила никакого внимания.

Ничего не говоря, Владимир подошел, прихватив по дороге еще один стул. Поставил рядом и сел. Некоторое время просто молчал.

— Ее звали Галя. Нас познакомила жена моего друга. То есть тогда она еще не была его женой, просто они тогда встречались, и у меня с ней были дружеские отношения. Вот она и познакомила меня с Галей. И представляешь, после первой встречи мы не могли встретиться почти три месяца. Так, переписывались иногда. Галя была учителем. Так всегда волновалась за своих учеников, — впервые начав об этом говорить, Владимир уже не мог остановиться.

— Я помню, как жутко удивился, когда она, так сильно переживая, впервые рассказывала мне о том, как мало эти дети еще знают. И мне так нравилось смотреть на нее в такие моменты. Ей хотелось сделать мир лучше. Хотя бы на чуть-чуть, — Владимир грустно улыбнулся. — Ей казалось, что все просто отлично, что вот она, белая полоса. Что с каждым годом будет только лучше и лучше. И когда я смотрел на нее, я тоже в это верил.

Она могла радоваться каким-то совершенно обычным вещам. Могла час смотреть на спящего котенка. Или на голубей. А как она стеснялась, когда я позвал ее в ресторан. А потом, какое-то время спустя, я вдруг понял, что не могу без нее жить. И сделал ей предложение. Пятнадцатого июня. И когда она сказала «да», я был счастливее всех на свете. Мне казалось, что я могу сделать все что угодно — свернуть горы, достать Луну с неба. А потом... потом я ее потерял. Двадцать первого июня. Для меня эта война началась несколько раньше, чем для большинства, — в глазах майора стояли слезы.

Сначала я не верил. Я думал, что все это ошибка, что вот сейчас все прояснится, что все будет как раньше. И только потом я вдруг понял, что потерял еще и мать, и брата. И что родных у меня в этом мире больше нет. И что все это не ошибка, — Антонов замолк.

— Товарищ майор, а когда станет легче? — тихий голос девушки прозвучал почти не слышно.

— Время лечит любые раны, Настя, поверь мне. Боль никуда не уйдет, но с ней свыкнешься и научишься не замечать. Это я понял еще несколько лет назад, когда потерял друга на войне. Только не держи все это в себе.

Они говорили еще долго. Настя вспоминала, как ходила на речку с братом, как он подрался с ее ухажером, чего-то не поделив. Владимир тоже вспоминал разные истории из своей жизни.

Высокая светловолосая женщина грустно улыбнулась, глядя на них через окно. После чего отогнала любопытных подруг.

— Ого, Настюха похоже себе цельного майора отхватила, да еще и Героя! — маленькая

рыжая девушка завистливо вздохнула.

— Ты, Алла, не забывайся. Она только что последнюю кровиночку потеряла. И, судя по всему, он тоже. Так что им есть о чем поговорить. А ну-ка марш отсюда. Вон, в столовую пошли, там сводки с фронта передавать скоро будут.

Уходя, она оглянулась. Высокий майор что-то рассказывал Насте, демонстрируя рассказ в лицах. Та улыбалась.

10 марта 1942 года Москва, Кремль

Сталин расхаживал по кабинету, поглядывая время от времени на Шапошникова, делающего доклад о планируемом ударе по Румынии.

— Таким образом, мы лишим нацистов нефти. Что серьезно скажется на их боеспособности. Отведенных на эту операцию сил однозначно должно хватить.

— А как у нас дела с новым вооружением? — Сталин приостановился и посмотрел на Берия.

— Модернизации подвергли довольно много Т-34. Кроме того, в большом количестве в войска поступают самоходки СУ-76. Также для данной операции выделили дополнительно из резерва Ставки два специальных артполка, в составе двадцати пяти артиллерийских самоходных установок СУ-152 каждый. В войска в необходимых количествах поступают ракеты. Конечно, всю нехватку мы пока еще не перекрыли, но то, что у нас есть, уже совсем неплохо. Ну и так далее, товарищ Сталин, подробно ситуация расписана в отчете, — Берия показал на толстую папку, лежащую перед ним.

— То есть в целом ситуация хорошая? Войска смогут выполнить свои задачи?

— Должны, товарищ Сталин, — Шапошников выглядел уверенно.

— Обязаны, Борис Михайлович. Обязаны. Давайте все же поподробней...

11 марта 1942 года Румыния

— А за той стеной стоит апрель. А он придет и принесет за собой весну, и рассеет серых туч войска, — голос поющего солдата был слышен довольно далеко. Капитан Васильев невольно заслушался — пел парнишка очень даже неплохо. Почти как оригинал, Владимир Антонов. Солдаты, да и офицеры его песни любили. По ним сразу было видно, что свою Звезду Антонов получил не в тылу. И хотя к «Апрелю», который пел сейчас солдат, Васильев относился неплохо, особенно зимой, но «Давай за» нравилась ему гораздо больше.

Солдатик, словно услышав мысли капитана, затянул именно ее. Улыбнувшись, Леонид направился к штабу. Проходя мимо группы с поющим солдатом, он показал тому большой палец.

— Гляди, Прохор, вон даже капитану понравилось, как ты поешь. А ты ломался.

— Да это не я пою хорошо, это песня хорошая.

— Не-не-не, Прохор. Не отговаривайся. Будешь от нашей роты с Сидорчуком соревноваться, правильно я говорю, пацаны? — говоривший любитель музыки, худой высокий парень оглянулся, выискивая поддержку.

— Да!

— Вот-вот.

— Конечно!

— Да ладно тебе, Прохор. Че ты, как я не знаю?

Раздающиеся со всех сторон поддерживающие возгласы сломали плотину неуверенности солдата. Покраснев, тот согласился:

— Ну, хорошо-хорошо, ребята. Только я не гарантирую, что мы победим.

— Куда ты денешься! — любитель музыки радостно махнул рукой. — Давай лучше

«Солдата» сыграй.

Вновь зазвучавшую музыку солдаты встретили радостными возгласами.

Тем временем, на проходившем в штабе совещании решалась судьба множества солдат и офицеров.

— Значит так, товарищи командиры. Нам предстоит двигаться во втором эшелоне атаки, вместе с самоходками. Действуем аккуратно, на рожон не лезем. Если наметилось сильное сопротивление — вызываем авиаторов. Наша задача — сковать здесь фрицев, чтобы они не могли даже подумать об отводе отсюда частей, — полковник говорил уверенно, показывая на карте задачи рот и батальонов.

— Тебе, Васильев, самая радость, как всегда. Когда проломим фронт, ты возьмешь своих орлов икрепишься вот здесь, — полковник Гнатюк внимательно посмотрел на капитана. — Здесь самое опасное место будет. Наверняка попробуют контрудар нанести. Справишься?

— Сделаю все, что смогу, товарищ полковник, — Васильев выглядел спокойно и уверенно, но под этой маской бушевал ураган.

«Опять моих парней ставят на самые опасные участки! Сколько уже можно!», — видимо что-то все же отразилось на лице капитана, потому что Гнатюк поспешно добавил:

— Мы тебе батарею противотанкистов выделим, и еще пару пулеметных расчетов.

— Спасибо, товарищ полковник. Тогда уж наверняка справимся.

— Вот-вот. Давайте дальше. Ляпичкин, ты будешь вот здесь...

12 марта 1942 года

Шум винтов самолета навевал на Антонова дрему. Засыпающий офицер улыбался. Вчера он договорился с Настей, что будет ей писать. И что будет писать она. Он вдруг вспомнил, как почувствовал шевеление той самой струнки в душе, что однажды уже двигалась у него. Той самой струнки, что зашевелилась, когда он общался с Галей. Хотя черт его знает, может это он все себе придумывает. В любом случае это будет первое письмо в его жизни, написанное от руки. В век мобильных телефонов и Интернета нужды писать письма не было.

Владимир начал размышлять о предстоящей операции. Судя по всему, наступление будет против Румынии. Отвлекающий удар на северо-западе королевства, который должен был начаться несколько часов назад, и настоящий здесь, из Бессарабии. Иначе зачем здесь такая концентрация диверсантов? Вон, даже Лисов со своими маньяками поучаствует.

Владимир улыбнулся, вспомнив, что именно этот весельчак позвал его на то памятное совещание.

— Эй, Антонов. Чего делаешь?

— Привет, Ильич. Да вот, кофе молю.

— Молишь? О чем? — Лисов был одним из немногих любителей настоящего кофе в бригаде Веткача. Но не подколоть он не мог.

— О победе, Владимир Ильич. Чего надо? — Владимир и вправду молил о победе, но несколько другого характера. Он собирался угостить этим самым кофе старшего военфельдшера Лазину.

— Ну вот, Героя получил, в звании сравнялся и теперь ну никакого уважения. — Лисов всплеснул руками. — Куда катится мир! Как страшно жить!

— Ой, да ладно тебе. Хорошо. Правда, Ильич, чего хотел? Только кофе не проси, у самого чуток осталось — и это стратегические запасы.

— Уу, жмот. Ладно, сегодня днем, в три, совещание. Будет Ледников и какой-то хмырь из Ставки. Так что смотри, не опаздывай. А то загремишь еще во враги народа, — Лисов весело хохотнул и исчез за дверью, спасаясь от брошенной умелой рукой металлической кружки.

«Хмырем из Ставки» оказался, кстати говоря, Жуков.

И вот, менее суток спустя, Антонов летит на фронт. Устраивать румынам веселую жизнь.

А еще два дня спустя майор Антонов яростно отстреливался от немецких егерей. Что они делают на этом участке фронта, было совершенно непонятно. По плану, Антонов сотоварищи должен был атаковать один из штабов румынской армии, одновременно с атакой других штабов другими группами. Это серьезно бы затруднило румынам управление войсками, в тот самый момент, когда это самое управление им было бы жизненно необходимо.

И если первые мгновения атаки все шло просто отлично — Воронин всадил в одно из окон штабного здания выстрел из «Шмеля», а Береза аккуратно подстрелил неосторожно вышедшего на крыльцо полковника — то потом все сразу стало гораздо хуже. Невесть какими судьбами оказавшийся именно здесь взвод немецких егерей среагировал практически мгновенно, начав вести прицельный огонь уже через несколько секунд. Затем к ним присоединились и солдаты румынской армии. Все это явно отдавало чем-то вроде засады. Это подозрение Антонова подтвердил тот факт, что при отходе группу начали довольно четко отжимать от нужных им маршрутов.

— Добрый, справа! — Владимир мгновенно развернулся и выстрелил. Попал. Все-таки АВС — сильная штука. Только надо уметь ее правильно использовать. Молотя короткими очередями в сторону немцев, майор давал группе время отойти. Откуда-то сзади загрохотал пулемет, давая возможность отойти уже майору. Быстро соорудив растяжку, Антонов перебежками отступил на следующую позицию. Немцы не торопились приближаться. Потеряв несколько десятков человек, они, очевидно, опасались противника.

Дав в их сторону еще несколько очередей, чтобы им было на повод для раздумий больше, майор рванул за отходящей группой. Чуть меньше, чем через минуту сзади раздался взрыв и почти сразу — еще один. Подарки, судя по доносившимся крикам, немцам не понравились.

Следующие несколько часов гонки Антонову запомнились плохо. Куда-то бежали, в кого-то стреляли, кто-то стрелял в них. Угнали немецкий БТР и бросили его уже через десяток километров, предварительно заминировав. Через полчаса после этого угнали грузовик, уменьшив румынскую армию на отделение. Солдат в грузовике перестреляли так быстро, что те даже не успели ничего понять. Как водится, заминировали трупы, используя часть их же гранат.

«Минировать все, минировать везде, минировать всегда!» — одно из правил первого начальника Антонова, прошедшего еще Афганистан. И Владимир старался этому правилу следовать.

Уже глубокой ночью группа Антонова, наконец, остановилась. До главной точки эвакуации оставалось километров семьдесят. Приказав Лебедю выйти на связь с базой, Антонов опустился на землю.

— Товарищ майор, — сержант показал, что связь есть.

— База, это Добрый. Задание выполнено. Однако есть проблемы. За нами ведется преследование. Пока вроде оторвались, но вряд ли это надолго. Просьба об эвакуации, вариант «Б-красный».

— Вас понял, Добрый. Ждите ответа.

Через пару минут рация ожила:

— Добрый, это База. Здесь еще?

— Здесь, где мне еще быть, едрить тебя через колено, — последнюю часть фразы Антонов проговорил про себя.

— Ваше предложение принято. Двигайтесь к четвертой точке эвакуации, как поняли?

— Понял вас, четвертая точка. Конец связи.

— Так парни, нам до четвертой точки отсюда сколько?

— Двенадцать километров, товарищ майор. — Береза ответил достаточно быстро.

— Значит так, десять минут отдыхаем, а потом ноги в руки — и вперед, — Антонов

оглядел свою команду. Уставшие лица, но на них нет ни страха, ни отчаяния. Учитывая, что пережил каждый из группы, это было не так уж и удивительно.

Десять минут спустя группа побежала в сторону точки эвакуации. Короткий марш-бросок прошел без происшествий, и Антонов начал было уже думать, что все позади, как едва не налетел на затаившегося в кустах немца. Срезав его ножом, Антонов сразу же отдал приказ остановиться. Через некоторое время, после осторожного осмотра, стало ясно, что вокруг места эвакуации затаилась целая толпа немцев — не меньше роты. Даже миномет был, и несколько зениток. И, судя по всему, они дожидались именно группу Антонова.

Мягко говоря, неприятное открытие. Значит, что, скорее всего, их кто-то в штабе сдал. И не только их, но и вертолетчиков. Похоже, что план был такой: немчура дожидается появления группы, вяжет всех, после чего переодевается в их форму. И когда вертолет приземляется — то они его захватывают.

Неплохо задумано. Если бы Владимир не заметил того немца, то сейчас их бы всех уже повязали.

«Черт, что делать-то? До прибытия вертолета менее получаса. Ввязываться в бой против целой роты? Не слишком хорошая идея», — мысли разбегались в голове словно тараканы.

— Добрый, может отойдем? — возникший рядом с Антоновым Береза предложил имеющую смысл идею.

— Не пойдет. У нас на хвосте целая армия. Добраться до ближайшей точки эвакуации не выйдет. Да и где гарантия, что и там нас не будут ждать?

— Тоже мысль, командир. Так какие идеи?

— Попробуем связаться с вертолетом в последний момент. Изменим место посадки на километр севернее.

Вдруг в голову майору пришла чертовски неприятная мысль.

— Черт! — восклицание вырвалось само собой.

— Добрый? — Береза вопросительно посмотрел на командира.

— Если крыса сдала нас, то она же могла сдать и другие группы. Сколько их от нашей зоны ответственности?

— Четыре, командир. Одна из них — группа майора Лисова.

— Вот же ж мать их за ногу. Сержант, связь с базой, живо!

Несколько минут спустя Антонов уже шипел в рацию:

— База, это Добрый. Алый вариант, повторяю — алый вариант!

— В чем дело, Добрый?

— Мать вашу, алый вариант, говорю вам!

— Вас поняли Добрый, алый вариант, принято.

Закончив разговор, Владимир приказал отойти от точки эвакуации на пару километров. Несколько минут спустя, на какой-то поляне собрал команду вокруг себя.

— Значит так, орлы. У нас проблема. Судя по всему, в штабе — крыса. Значит, уходить обычным путем — не вариант. Сейчас эвакуироваться вертушкой — тоже не то, вполне возможно, что другие группы попали в аналогичные засады. Их могли и повязать. Поэтому вертушку я отменил. И поэтому сейчас нам нужно достать фрицевского офицера из этой банды, — Антонов махнул рукой в сторону точки эвакуации. — Сами понимаете, нам нужно узнать, куда нас должны были отправить. Скорее всего, это было бы то же самое место, что и для остальных. Узнаем, куда отправили бы нас — автоматом узнаем, куда отправят остальные группы. Вопросы?

— Сколько у нас времени, командир? — Воронин был как всегда спокоен.

— Не знаю. Но вряд ли много. Крыса наверняка сливает сейчас уже информацию, что мы где-то здесь. Так что скоро здесь все будет кишеть немчурой. Ладно, парни, за работу.

Неожиданно разговор прервал тихий звук крадущегося над рощей вертолета.

— Б...!!! Что за х...!!! Пи...ы!!! Мудозвонье!!! Е...ть их во все щели! — сказал майор и грязно выругался.

— Командир, ты же отменил вертушку? — Береза был удивлен.

Неожиданная догадка молнией сверкнула в голове Антонова.

— Радист! Радист, сука! Это он! Ублюдок! Береза, сигналки!

— Но нас же пополят фрицы?

— Наплевать. Если мы не предупредим летунов — им амбец. Живо!

— Готово, командир, — Береза успел в последний момент.

Две сигнальные ракеты красного цвета едва не попали в вертолет. Пилот удивленно посмотрел вниз. Все правильно поняв по выразительным подпрыгиваниям и размахиванию руками, пилот отвернул.

— Слава яйцам. Теперь займемся эсэсовцем.

Пару часов спустя, кинувшиеся в погоню за советскими диверсантами немцы вдруг обнаружили, что никто не знает, где именно находится штурмбаннфюрер Вильгельм Гилле. Активные поиски уже своего командира ни к чему не привели. Тот словно испарился.

В это время группа Антонова была уже в двадцати пяти километрах южнее, еще сильнее углубившись в немецкие (или правильнее сказать румынские) тылы. И как раз к моменту активизации немцами поисков своего начальства, майор начал допрос объекта усилий эсэсовцев.

Тот сначала строил из себя эдакого арийского героя, но всего несколько минут спустя уже пел как соловей.

Ситуация становилась хреновей с каждой секундой. Две группы было уже захвачено, одна уничтожена. Насчет судьбы еще одной — и судя по всему именно группы Лисова — эсэовец не знал.

В общем, ничего радостного. Единственным плюсом было то, что вертолет должен был прилететь только лишь за группой Антонова. И он фашистам не достался.

Что же касается пленных, то их должны были доставить аж в Бухарест. Единственный шанс на перехват — это первичный пункт остановки, городок Бакау, откуда они будут отправлены самолетом.

А до этого самого Бакау было больше пятидесяти километров. И времени — в обрез. Воткнув нож в сердце того, что осталось от эсэовца, Антонов дал команду на выдвижение.

— Так парни. Нам нужен грузовик. Этот — уже засвечен по самое не могу. Давайте в темпе.

Им повезло. Менее чем через двадцать минут они захватили целый бронетранспортер.

И снова безумная гонка. Единственное, что им помогло в ней не проиграть — это форма эсэовца. Вид переодевшегося в нее Лебеда, выбранного как наиболее подходявшего по комплекции, позволил им несколько раз проскочить патрули даже без проверок.

Понимая, что долго им везти не может, Антонов приказал остановиться. Спрятав БТР в придорожных кустах, группа двинулась дальше.

Вид, открывшийся на городок, особенно не впечатлял. Хотя, что можно было рассмотреть в предрассветной тьме?

Проникая в город, группа Антонова сильно рисковала. Очень сильно. Немцы наверняка уже знают о пропаже штурмбаннфюрера. И наверняка догадываются, что маршрут доставки пленных уже не является секретом для русских диверсантов.

А значит, фрицы будут их ждать.

Но, несмотря на все это, Антонову было не страшно. По сравнению с Крымом в семнадцатом все было не так уж и плохо. Неприятно — но не особенно смертельно. Главное — действовать быстро. Быстрее, чем они успеют понять, что происходит.

Взяв в ножи один из патрулей и быстренько допросив оставленного в живых немца, группа узнала, в каком именно здании находится немецкая тюрьма.

Аккуратно передвигаясь и избегая необычно многочисленных патрулей, группа Антонова достигла нужной точки. При первом же взгляде на тюрьму, сразу стало ясно, что одной группой здесь не обойтись.

Быстро приняв решение, майор приказал отходить.

Полчаса спустя, на очередном совещании, Антонов выдвинул единственно возможный план:

— Тюрьму брать нереально. В принципе. Даже если ее возьмем, отхода не получится. Остается один путь — самолет. Я полагаю, что немцы это тоже понимают, и наверняка усилят охрану до максимума. Но другого шанса у нас не будет. В Бухаресте нам ребят уже не достать, — Антонов обвел взглядом верную команду. — Это будет трудно парни, очень трудно. Но мы справимся. Однако времени у нас почти не осталось, а до аэродрома — несколько километров. В общем, нас ждет еще один марш-бросок. Дома отлежимся. Вперед!

Майор Лисов еще перед заданием чувствовал, что что-то не так. И оказался прав. В засаду его группа не попала по случайному стечению обстоятельств — когда они приближались к точке эвакуации, у сержанта Голодько развязался шнурок. И пока команда терпеливо его дожидалась, в полусотне метров от них парочка немцев решила сменить позицию. И были замечены. Лисов довольно быстро пришел к тем же выводам, что и Антонов. И принял похожие решения. В общем, еще у одного эсэсовца день выдался исключительно неудачным.

К Бакау группа Лисова подошла на полтора часа раньше Антоновской. Но, в отличие от Владимира, Ильич даже не подумал об атаке тюрьмы, заранее предвидя невозможность отхода. А вот вариант с захватом самолета показался ему весьма перспективным.

Немцы, со всем их «орднунгом» такой наглости наверняка не ожидали.

«Вот от этого и будем плясать», — мысль командира была сразу же доведена до остальной части команды.

Некоторое время спустя группа уже занимала позиции неподалеку от аэродрома, готовясь к томительному ожиданию боя.

Неожиданно, когда до рассвета оставалось уже совсем чуть-чуть, майор услышал рядом в кустах звук, тихий настолько, что его можно было бы принять за шевеление ветки от ветра. Лисов среагировал моментально, прицелившись в ту сторону. К его удивлению, из кустов выглянул Антонов.

— Не ожидал меня здесь увидеть, а Ильич? — тихий шепот Владимира заставил Лисова поверить, что это не глюк.

— А я думал, тебя повязали.

— Ага, счас. А вот группы Хотиненко и Никтоева — да. А группу Торенаева — кончили.

— Суки, — констатировал Лисов абсолютно спокойным тоном. — Ладно, какой план?

— Это, Вова, ты мне скажи. Я предлагаю атаковать самолет, когда пленных будут уже вести по полю.

— Согласен. Только добавим следующее...

Гауптшарфюрер Рихард фон Кляйн был напряжен. Всю ночь он не спал, каждую секунду ожидая нападения этих сумасшедших русских. Но теперь, когда этого так и не произошло, он слегка расслабился. Осталось лишь довести пленных до аэродрома и все.

Колонна выдвинулась на рассвете. Вскоре она достигла взлетного поля. Рихард облегченно вздохнул. Теперь уже все. Спустившись из бэтэра на землю, он с улыбкой наблюдал, как связанных русских пинками гнали к самолетам. Эта улыбка так и осталась на его лице. Взрыв, раздавшийся неподалеку, оторвал его голову и зашвырнул в кусты. Румынский рядовой, нашедший ее через несколько часов, едва не упал в обморок.

Но в данный момент на взлетном поле творился ад. Немецкие солдаты даже не понимали, что происходит. Десяток взрывов, автоматные и пулеметные очереди, дымовые шашки — все это создавало абсолютный хаос. Эсэсовцы, конечно, стали отвечать, но куда? Казалось, что стреляют отовсюду. В этой неразберихе и дыму, они даже не сразу заметили несколько фигур, возникших рядом с пленными и их конвоем. Выполняя приказ, они делали все от них зависящее, чтобы самолет взлетел вместе с пленными, понятия не имея, что

самолет уже захвачен, и, взлетев, отправится совсем не в Бухарест.

Бойцы СС так этого и не поняли, даже не обратив внимания на прекратившийся огонь. Бросившись за диверсантами, они так никого и не обнаружили, наткнувшись лишь на парочку пулеметов, со странной веревочной конструкцией в придачу. Попытка рассмотреть одну из этих конструкций поближе закончилась взрывом. Другие рванули сами по себе, даже никого не убив.

Провал всей операции обнаружился лишь через несколько часов, когда самолет не прибыл в Бухарест. Для некоторых эсэсовцев это была катастрофа.

16 марта 1942 года **Расположение советских войск в Галати, Румыния**

— Спасибо, ефрейтор, — Антонов поблагодарил подбросившего его с группой до штаба паренька.

— Да что вы, товарищ майор. Мне не сложно, — веснушчатый парень улыбнулся.

— Давай уже двигай, скромняга, — Владимир, улыбнувшись, махнул рукой, показывая, чтобы тот проезжал.

Но едва грузовик отъехал, как на лице офицера мгновенно исчезла улыбка, оставив вместо себя гримасу ненависти.

— Так парни, действуем аккуратно. Ильич, как договаривались.

Дежурящий в этот день в штабе старший сержант Вонтешвили удивился, увидев входящих в штаб людей в грязном камуфляже. И лишь признав в возглавлявшем эту группу человеке майора Антонова, успокоился. Снова напрягшись, заметив, что тот решительным шагом направляется к нему.

— Скажи-ка мне сержант, а не видел ли ты радиста Данилина?

— Как же, товарищ майор, видел. Он на втором этаже сейчас, ему после совещания должны инструкции выдавать, или что-то вроде этого.

— Спасибо, сержант.

Антонов дал знак своим людям и двинулся к лестнице.

Несколько минут спустя он вернулся, весело насвистывая какую-то песенку, в то время как его люди волочили бесчувственного Данилина.

— Товарищ майор, что... — вопрос застыл на языке Вонтешвили, когда он увидел глаза Антонова. Они явно не обещали ничего хорошего любому, кто попытается его остановить.

Сознание медленно возвращалось к Владимиру Данилину. Последнее, что он помнил, это звук открывающейся двери в комнате, в которой он ожидал конца совещания.

Открыв глаза, он вдруг обнаружил себя привязанным к стулу в каком-то темном подвале, освещенным лишь тусклой лампочкой.

«Что за...», — мысль даже не успела сформироваться, когда он почувствовал сжавшую горло руку и увидел сидящего перед ним Антонова. И сразу все понял.

— Знаешь урод, я в детстве очень любил разные истории, — заметив приход в сознание Данилина, Антонов начал говорить. — В том числе истории об агенте Джеке Бауэре. Можно сказать, был его настоящим фанатом. Мечтал стать таким как он. Эдакий герой, способный на что угодно для спасения своей страны.

— Товарищ майор я не понимаю... — задыхаясь, с трудом выговорил Владимир. — Что вы делаете, мне не чем дышать!

— Не бойсь, скоро сдохнешь и это не будет тебя волновать, — неприятно улыбнулся майор, и, отпустив горло, с силой ударил его в живот, после чего, как ни в чём не бывало, продолжил, — и знаешь, что мне в нем больше всего нравилось? То, что когда он знал, кого надо допросить, он его допрашивал. Несмотря ни на что. В одной из историй, он даже президента США допросил, представляешь? Приставил пистолет к его башке. Только

подумай, а? — Антонов зло хохотнул.

Так вот, мой тебе совет. Рассказывай про то, когда тебя завербовали, с кем здесь работал — в общем, про все. И тогда у тебя есть малюсенький шанс остаться в живых. На случай, если ты собираешься поупрямиться, я тебе кое-что скажу. От того, что я могу с тобой сделать и сделаю, если ты будешь изображать хрен знает что, покроется холодным потом любой товарищ на Лубянке.

Очередной удар под дых на мгновение выбил из Данилина сознание.

— Товарищ майор, вы меня с кем-то спутали, я не в чем не виноват! — голос Данилина предательски дрогнул.

— Ну, ты сам выбрал, — и майор сломал предателю палец. Тот заорал.

— Последний шанс, гнида? — не дождавшись вразумительного ответа, Антонов кивнул подручным:

— Абдулов, снимай с него штаны. Береза, тащи паяльник, а ты, Леня, давай сюда спички.

— Что вы собираетесь делать?! — от чувства нереальности происходящего Данилин сорвался на визг.

— Тварь, из-за тебя погибли отличные пацаны. И за это, мразь, я тебя буду медленно убивать. Для начала, немножко поработаем с твоей системой воспроизводства. Видишь эту замечательную спичечку? Знаешь, куда я тебе ее засуну? Если ты после паяльника не заговоришь, урод. Что лично мне представляется сомнительным. Знаешь почему? Потому что паяльник я тоже буду засовывать. В одно отверстие. Можешь угадать какое. Хочешь подсказку, сука? Это не рот.

Наверное, именно то, с каким спокойствием Антонов рассказывал про методы, которые собирается применить, сломало Данилина. Хотя, может быть, сыграл свою роль вид паяльника вносимого лейтенантом Березой в комнату, или сквозняк, обдувавший не раз означенную в рассказе Антонова «систему воспроизводства». В общем, радист стал захлебываясь рассказывать обо всей глубине своего падения.

Некоторое время спустя уже переодевшийся Владимир, в сопровождении Лисова двигался к штабу. Зайдя внутрь и кивнув вскочившему сержанту, до сих пор не знающему, что ему делать — так и дежурить, или бежать к местному особисту, — майор спокойно прошествовал к лестнице.

Совещание было в самом разгаре, поэтому офицеры, никуда не торопясь, отправились к местной контрразведке. В первый момент после получения информации от Данилина, Антонов хотел уже мчаться в штаб и на месте пристрелить «большого» предателя. Но вовремя сдержался, объяснив самому себе, что от этого будет больше вреда, чем пользы. Поэтому, оставив ребят охранять радиста, он отправился к местному СМЕРШовцу — полковнику Коломийцеву.

Тот, как ни странно, в рассказ радиста поверил сразу же, в отличие от Антонова, сломавшего еще пару пальцев предателю для, так сказать, уверенности. Ну не может быть полковник Тережко шпионом! Как оказалось, может. Украинский национализм — штука нехорошая, а если к ней добавится кучка компромата немцев — то смесь получается очень действенная.

Что послужило причиной уверенности особиста — местная паранойя, глаза Данилина или он просто не любил Тережко, но этот мрачный мужик татарского, несмотря на русскую фамилию, вида не сомневался ни секунды.

В итоге получасового совещания и пары звонков куда-то наверх, полковник и два майора пришли к соглашению. Немецкого шпиона будет «играть».

Тарас Тережко вышел с закончившегося несколько раньше совещания со смешанными чувствами. С одной стороны, он получил доступ к более чем ценной информации, которая может оказаться критичной для срыва планов РККА. С другой стороны, он уже не был так уверен, что немцы справятся. Скорее даже наоборот. Но работа на Абвер в любом случае

велась уже скорее из чувства страха за свою шкуру. СМЕРШ ведь не посмотрит, что он раскаялся или еще чего-нибудь в этом роде, нет. Расстреляют у ближайшей стенки за шпионаж, и все. И черт его тогда, в тридцать восьмом, дернул попасться.

Идущий по светлому коридору полковник покачал головой и грустно вздохнул. Похоже, что надо валить. Был бы он один здесь — еще ладно. Но радист, тварь, его в любой момент сдать может. Вон, в последний раз чуть ли не пистолет пришлось доставать, чтобы диверсантов немцам сдать.

Спустившись по лестнице и выйдя из штаба, Терезко отправился к машине.

— Эй, Тарас, подожди, — полковник вздрогнул и медленно обернулся, почувствовав неладное.

— Тут такое дело... — Коломийцев не успел договорить. Поворачивающийся полковник краем глаза зацепил лейтенанта Березу, сидящего на грязной скамейке и пытающегося делать вид, что ему не до чего нет дела. И, едва увидев осназовца, а также заприметив парочку солдат из подопечных особиста, мгновенно понял, что произошло. В голове словно щелкнул выключатель, и нервозность сразу прошла.

Одним движением выхватив пистолет, он выстрелил в Коломийцева и бросился к машине. Кутивший рядом с ней водитель, полноватый парень с едва пробившимися усами даже не понял, что произошло. Терезко, выстрелив и в него тоже, уже сел за руль, когда ему в колено прилетела пуля из ТТ одного из смершевцев. Дикая боль затмила собою все, не позволив завести машину.

Еще несколько секунд спустя полковника вытаскивали из машины несколько дюжих ребят. Подошедший Коломийцев, с гримасой боли держащийся за раненое плечо, бросил скулящему шпиону:

— Ну что, мразь, допрыгался? Мудила, — и добавил, обращаясь уже к держащим предателя солдатам:

— Тащите его в лазарет. К дверям охрану. В палату и под окно тоже. И давайте быстрее, а то этот ублюдок сдохнет тут еще от потери крови.

Шпионская игра закончилась, не успев начаться.

18 марта 1942 года Москва, Кремль

— Так что вы можете мне сказать, товарищ Устинов? Как у нас дела с новыми производствами? — лучший друг физкультурников энергично расхаживал по кабинету с дымящейся с трубкой в руке, поглядывая на напряженно застывшего наркома.

— Все отлично, товарищ Сталин. Работы идут даже со значительным опережением плана. Хотя не без проблем, конечно, но люди работают без передышки.

— Это хорошо, что все отлично. И хорошо, что наши трудящиеся столь полноценно отдаются столь важному делу. Но давайте все же поподробней, товарищ Устинов. Чем может нас порадовать новая промышленность? — Сталин показал на толстую папку с документами в руках Устинова. — И вы присаживайтесь, Дмитрий Федорович. А то как там в пословице? В ногах правды нэт? — вождь улыбнулся.

Усевшийся Устинов достал из папки несколько листов бумаги.

— Здесь основные тезисы, товарищ Сталин. Подробнее по каждому направлению — в данных документах, — и нарком пододвинул папку в сторону севшего в кресло Сталина.

— Хорошо, товарищ Устинов. Давайте пока по сути.

— Очень хорошая обстановка у нас сразу в нескольких направлениях. Радиотехника совершает огромный, можно с уверенностью сказать даже революционный, скачок. Мы уже наладили производство полупроводниковых диодов и модернизацию радиостанций с их использованием. Активно ведутся работы по полупроводниковым триодам, но они значительно сложнее в изготовлении и потому пока получены только лабораторные образцы — проявили себя товарищи ученые из ЛФТИ. Однако уже идет разработка технологического

цикла, так что вскоре мы однозначно справимся и с этим вопросом, — нарком замолк и заглянул в один из «тезисных» листов. После чего продолжил:

— Внедряем новые технологии, например, печатные платы. Благодаря этому, а также переводу радиозаводов на трёхсменную работу нам удалось добиться оснащения всех вновь выпущенных танков и самолётов радиооборудованием, — услышав это, вождь улыбнулся.

— Значит, с этим у нас все действительно отлично, — Сталин начал набивать потухшую трубку, одобрительно покачивая головой.

— Да, товарищ Сталин. На заводе «Светлана» максимально быстро строятся цеха для промышленного производства. Уже скоро у нас уже будет готово массовое производство различных элементов: триодов, диодов и прочих достижений полупроводниковых технологий. Даже то, что у нас есть сейчас, будет очень и очень сильно опережать все, что есть у кого бы то ни было. Особенно в сочетании с уже упомянутыми печатными платами. И первые ЭВМ нами уже проектируются. Более того, в лаборатории N... — Устинов вновь заглянул в документы, — «ХА» сто десять, создан электромеханический вычислитель, успешно применённый для расшифровки немецких радиোগрам, — услышав это, глава СССР удивленно поднял голову и спросил:

— Так мы же используем для этого ЭВМ Особой группы, да?

— Да, товарищ Сталин. Однако мы разделили обязанности: особые ЭВМ только взламывают шифры, а собственно шифровки раскодируют наши вычислители, предоставленные ГРУ, Генштабу и штабам фронтов. Непосредственно сейчас это многократно уменьшает объём секретной корреспонденции и уменьшает время получения штабами данных радиоперехвата. Кроме того, эти вычислители позволяют дезинформировать немцев о наших подлинных возможностях в дешифровке, а в перспективе — массово производить собственные ЭВМ для применения в военном деле, науке и промышленности.

Есть еще и такой немаловажный фактор, как тот, что мы сможем применять больше особых ЭВМ для других, не менее, а может даже и более важных проектов. Например, для расчетов в ракетных проектах или проекте, курируемом товарищем Берия.

— Хорошо, товарищ Устинов. Продолжайте.

— Таким образом, подытоживая касательно электроники, радиотехники и вычислительной техники, можно однозначно сказать, что еще чуть-чуть и у нас появится весьма существенный отрыв в данных отраслях, причем отрыв практически непреодолимый, — Устинов вытер платком пот со лба. В главном кабинете страны было весьма жарко. Глотнув воды, он продолжил.

— Хорошая ситуация с моторостроением и автомобильной промышленностью. Полученные образцы несомненно весьма сильно нас в этом продвинули. И хотя сейчас разворачивать производство легкового транспорта нецелесообразно, но после нашей победы мы разгромим на автомобильном рынке и американцев, и французов... да всех разгромим.

— Так все хорошо? — Сталин строго посмотрел на Устинова.

— Дело в том, что многие модели мы можем воспроизвести почти полностью. Вот, например, эту, — покопавшись, нарком достал из портфеля фотографию старого доброго ВАЗ 2108, известного также как «восьмерка». Раньше сие творение отечественного автопрома принадлежало старшему сержанту Гнобяке, из бригады генерала Соломенцева.

— Замечательно, товарищ Устинов. Но, я так понимаю, что далеко не все машины мы можем повторить, да?

— Да, товарищ Сталин. Но это и не удивительно, они там, — Устинов неопределенно махнул рукой, — в автомобиле чуть ли не суперЭВМ засовывают. Да и двигатели, и трансмиссия, и прочее — тоже совсем другого уровня. Мы к этому придем, конечно, просто не сразу.

— Что-нибудь еще по этому вопросу?

— Грузовой автотранспорт. Вот эту модель мы уже начали выпускать на Горьковском автозаводе для нужд армии, — Устинов продемонстрировал Сталину фото старенького

МАЗа, невесть как оказавшегося в распоряжении снабженцев бригады. Еще некоторые модели пока слишком дороги, но со временем мы их используем. Есть еще...

— Пожалуй, что хватит по данной тематике, товарищ Устинов. Чем еще порадуете? Вот, про станки расскажите, — вождь остановил Устинова на полуслове, наткнувшись в просматриваемой папке на интересную тему.

— О, конечно, товарищ Сталин. Благодаря полученным образцам, мы уже в ближайшее время сможем совершить настоящий прорыв в станкостроении! Давайте я вам кое-что покажу, — Устинов, отложив папку, вновь полез в глубины своего портфеля.

— Вот! — нарком вытащил на свет тонкую папку и протянул ее вождю. Тот с интересом раскрыл ее и углубился в чтение. В течение этого процесса на его лице снова появилась довольная улыбка, становящаяся с каждой минутой все более широкой.

— И мы действительно можем это сделать? — Сталин поднял голову и с прищуром посмотрел на Устинова. Тот, не отводя глаз, уверенно ответил:

— Да, товарищ Сталин. Но не все сразу, конечно. К примеру, до обрабатывающих центров нам еще довольно долго, сначала нужно значительно улучшить уровень имеющейся у нас техники, особенно вычислительной. Но станки с ЧПУ мы сможем делать уже довольно скоро. А лет через десять-пятнадцать будем создавать гибкие автоматизированные производства. После этого никакие США нас уже не догонят.

— Хорошо работаете, товарищ Устинов. Значит, оборудование особой группы вам помогло, да?

— Конечно. Но значительная заслуга подобных успехов не только в оборудовании и станках особой группы. Мы получили значительное количество информации из нескольких ЭВМ, принадлежащих учившихся ТАМ на заочных отделениях. Причем, нам довольно сильно повезло. Таковых довольно много, несколько десятков, и среди них мало «повторяющихся», — нарком, видя непонимающий взгляд Сталина, пояснил:

— Они учатся на разных направлениях и специальностях. Есть металлурги, есть инженеры-автоматизаторы, есть химики и другие. И почти у каждого на ЭВМ огромное количество информации.

— Надо бы товарищей солдат-студентов нам за хорошую учебу наградить, Дмитрий Федорович. Как вы думаете?

— Да-да, конечно, товарищ Сталин. Вся эта информация была просто бесценной. Но тогда хочу еще особо отметить товарища Кравченко.

— Поясните, — вождь встал и начал неторопливо прогуливаться вдоль стола.

— Дело в том, что, начиная с две тысячи четвертого года, группа энтузиастов собрала огромную библиотеку научно-технической литературы, перенесенной на электронные носители информации. Товарищ Кравченко на своей рабочей ЭВМ собрал полный комплект данной библиотеки на момент переноса.

— Действительно? И насколько огромная?

— Десятки тысяч томов по технике и естественным наукам. И не просто собрал. У него образцовая библиотека с каталогами и классификаторами, и он сумел организовать работу с этой библиотекой с других ЭВМ рабочей группы и с обычных телетайпов. Именно по его предложению, для хранения, поиска и доведения до получателей информации было организовано известное вам бюро научно-технической информации. То есть я имею в виду как раз научного руководителя этого самого бюро.

— Звучит так, что товарищу Кравченко надо Сталинскую премию давать. И высокое звание Героя Социалистического труда, да?

— Да, товарищ Сталин. Именно так.

— Что ж, хорошо. Но давайте теперь о положении с фармацевтической промышленностью...

Несколько часов спустя, Устинов вышел из кабинета Сталина выжатый как лимон. Уйдя от «сути» к деталям и углубившись в подробности, вождь гонял наркома словно на

экзамене, расспрашивая и интересуясь абсолютно всеми достижениями и промахами новой промышленности. За эти часы Устинов успел достать все до единого документа и фотографии из своего объемного портфеля. Но, судя по всему, сталинский нарком экзамен своему начальнику сдал. По крайней мере, когда Дмитрий Федорович уходил из кабинета, Сталин выглядел довольным.

В принципе, было понятно, почему. Промышленность и наука уверенно двигаются вперед, причем со все возрастающей скоростью, а самое неприятное — положение с проектированием реактивных самолетов было, прямо сказать, не очень — вождь довольно легко принял, единственно поинтересовавшись, принимаются ли меры по исправлению ситуации и как обстоят дела с самолетами поршневыми?

Услышав положительные ответы по этим вопросам и просмотрев некоторые документы, напрягшийся было Сталин вновь расслабился и заулыбался.

Так что сегодня все прошло неплохо. Задумавшись, идущий по коридору Устинов едва не врезался в направляющегося в главный кабинет страны Берия.

— Лаврентий Павлович, добрый день.

Нарком внутренних дел остановился и протянул Устинову руку.

— И вам здравствуйте, Дмитрий Федорович. Вы с совещания?

— Да. Отчитывался товарищу Сталину о состоянии дел.

— Надеюсь, все хорошо? — Берия внимательно смотрел на Устинова из под очков. Вопрос он задал не из праздного любопытства. Если все плохо, то Сталин может быть не в настроении и отчитываться самому Берии будет гораздо сложнее. Но это вряд ли. Глава НКВД регулярно получал сведения о состоянии дел в новой промышленности, и там вроде как все было очень даже ничего.

— Да-да, хорошо, более чем. Надеюсь и у Вас?

— Тоже неплохо, Дмитрий Федорович. Я полагаю, мы с Вами увидимся послезавтра, на большом совещании?

— Да, конечно, Лаврентий Павлович. До свидания.

— Всего хорошего.

Берия еще некоторое время постоял, глядя в след Устинову. После чего развернулся и решительным шагом отправился в кабинет к Самому. У него с курируемым проектом все было далеко не так хорошо, как у наркома новой промышленности. А этому самому проекту — атомному — Сталин придавал весьма большое значение.

22 марта 1942 года Где-то в Подмосковье

Илья Петрович Кравченко нервно расхаживал по кабинету, яростно размахивая руками и отказываясь соглашаться со своим... скажем так, помощником — приставленным к нему человеком от НКВД.

— Олег Вячеславович! Проблема случившейся контрреволюции не только в том, что страну продала ее верхушка! Союз был предан большинством населения, понимаете? И не нашлось ни одной, достаточно большой группы людей, чтобы выйти на его защиту! Вот в чем основная проблема!

— Ну, судя по той информации, что у нас есть, недобитые троцкисты, бухаринцы и прочие враги народа за сорок лет после смерти товарища Сталина умудрились полностью испохабить идеалы коммунизма. И то, что у вас там было — это даже социализмом можно назвать лишь с некоторой натяжкой, — офицер покачал головой. — Даже я, совсем не эксперт в вопросах марксизма вижу, что все, что можно было делать не так — у вас делалось не так. Вместо сокращения товарного производства — необходимость чего была прекрасно показана в прекрасном труде товарища Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» — его пытались расширять. Уничтожение приусадебных хозяйств колхозников, прочие уродские реформы. Если честно, то меня гложет мысль, что это Хрущев работал на

англичан.

— А он разве не работал? — Кравченко, интересовавшийся политикой, но не имеющий достаточного количества свободного времени, слышал краем уха про расстрел «кукурузника» за шпионаж.

— Он на фашистов работал. И двадцатый съезд, — при произнесении этого словосочетания майор скривился, — это подтверждает. Такая ненависть к Иосифу Виссарионовичу, столько лжи и грязи вылитой на лучшего руководителя в истории России — это точно не просто так.

— Не поспорить. Хотя вот и у нас это дело любили. Ублюдки, — Илья буквально выплюнул слово, начав заводится. — Была у нас там такая телепередача, эдакий конкурс для масс. Называлась «Имя России». Я тогда еще в университете учился. Так вот, смысл проекта был в том, чтобы выбрать человека, сделавшего для России больше всех, ее символ. И знаете что? Едва начали конкурс, как естественно, с огромным отрывом в голосовании, начал побеждать Иосиф Виссарионович Сталин. Эдакий неприятный сюрпризец, — Кравченко хохотнул. — Но, как только рост голосов за товарища Сталина стал превосходить все мыслимые и «допустимые», — Илья продемонстрировал жест «кавычки», — пределы, то тут же по ящику было объявлено, что это голосование липовое и что «рейтинг» Сталина накручивается нанятыми коммунистами «хакерами», да полубезумными старушками, по которым Гагский трибунал плачет. Уроды, — майор, собиравшийся уже остановить разошедшегося ученого и уже привставший, сел обратно, увидев выражение лица своего подопечного.

— И вот, чтобы показать, что Сталин вовсе не пользуется никаким авторитетом и популярностью в России, а всё это происки недобитых коммунистов, за дело взялись «честнейшие» демократы, — проходящий в этот момент мимо доски для дартса, Илья с силой воткнул дротик в мишень, — и правдолюбы. Были у нас такие вот «граждане» с одного прозападного радио. Продавшиеся с потрохами либералы, — Кравченко выглядел так, словно его сейчас вырвет. — Так вот, они сдуру и устроили «альтернативное голосование», — снова воздушные кавычки, — с целью узнать Правду о том, кто всё же достоин быть «Именем России». Причем сделали так, чтобы проголосовать дважды было практически невозможно. Или, по крайней мере, очень и очень затруднительно.

— И? — энкавэдэшник заинтересовался.

— Абсолютное лидерство — у товарища Сталина. Потом там были Пушкин и Ленин. Ну а дальше уже Высоцкий — был у нас такой поэт и певец, и остальные. Победивший в «настоящем» проекте Невский не вошел даже в десятку.

— Интересно. И какой была реакция?

— Да никакой. По-тихому прикрыли голосование, чтобы не раздражать западных хозяев.

— А основной проект?

— Там Сталин стал третьим. При этом как они только ни пытались втапывать его имя в грязь — ничего не вышло. Не забыл тогда еще русский народ, кому обязан своим выживанием в горниле Великой Отечественной и кто не дал уничтожить его атомными бомбами. Да и на глазах происходило совсем не то, что по зомбоящику утверждали. Десятки лет разваливали то, что Сталин построил, а до конца развалить так и не смогли. Вот жаль только, что народ понял это только тогда, когда было уже поздно, — Илья неожиданно сгорбился и, усевшись в кресло, грустно произнес:

— Я, когда прочитал эти самые упомянутые вами «Замечания» Сталина, наконец, понял, как все это должно было работать, почти увидел, как все это могло быть. И настоящий социализм и коммунизм. Похерить такую идею ради шмотья и жвачки, — молодой ученый покачал головой. — Я потом все труды Иосифа Виссарионовича прочитал и окончательно понял, что он — это лучшее, что случилось с Россией.

Знаете, что ответил журналюга, ведущий этот самый проект «Имя России» когда его спросили, почему же при «зломном тиране Сталине» — последние слова Илья произнес явно

саркастически, — несмотря на голод тридцатых и самую страшную в истории войну население увеличилось, а при «демократии» и «свободе» сокращалось невероятными темпами?

Майор отрицательно помотал головой.

— «Люди же приезжают и уезжают». Представляете? «Приезжают и уезжают»! А то, что народ спивался, умирал в ДТП и от инфарктов, от болезней без лекарств и медицинской помощи — это так, фигня. Не имеет значения.

— Однако, — офицер сохранял внешнее спокойствие, хотя в глазах то и дело мелькала ярость, — и как это прокомментировали?

— Да никак. Любимый метод — проехать мимо быстренько. Как, помню, был в шоке, когда узнал, что во время Великой Депрессии в США от голода погибло, по разным оценкам, от пяти до восьми миллионов человек. Спросил как-то у своего американского коллеги — был в Нью-Йорке в командировке. И знаете что? Он понятия об этом не имел!! Точнее как, он заявил, цитирую: «У нас в Америке были демократия и права человека, поэтому все это совершенно невозможно». Прямо как в анекдоте: «Я имею право. Имеете. Я могу! Не можете», — Кравченко зло усмехнулся. — Зато про голод на Украине правительство США уж очень любило повспоминать. Забывая про Поволжье и Казахстан. Козлы. Ладно, что-то мы отвлеклись. О чем мы там говорили?

— О причинах успеха контрреволюции. Я все же с вами не соглашусь, Илья Петрович. Главным фактором здесь стало предательство пробравшихся в партию подонков. И то, что это просачивание началось уже вскоре после смерти товарища Сталина. И лично я горжусь тем, что системе удавалось оставаться устойчивой в течение сорока лет, несмотря на активнейшие попытки ее уничтожения. Это о чем-то говорит. И то, что такие люди, как вы, еще оставались уже даже после развала великого государства — это лишь только плюс созданной конструкции. Надо только ее несколько доработать. Чтобы не допускать людей, подобных Хрущеву, к власти.

— Звучит, конечно, хорошо. Вот только как доработать?

— А это, товарищ Кравченко, одно из многих важных дел, которыми мы будем с вами заниматься...

22 марта 1942 года

Расположение советских войск рядом с городом Сигет, Румыния

Капитан Васильев смотрел на прибывшее в его роту пополнение и недовольно хмурился. Молодые лица, обстрелянных практически нет. Всего три человека бывали в бою. Остальные — молодежь, прошедшая курс молодого бойца.

Совсем не равнозначная замена его погибшим орлам. Вот только выбора все равно нет. Что дают, то и бери.

Перетасовав взводы, чтобы в каждом отделении было хотя бы по одному — два опытных бойца, Васильев отправился к штабу. Неторопливо шагая, он вдруг заметил в руках одного из солдат гитару. На душе сразу стало еще поганей. Сразу вспомнилось, как на его глазах погиб молодой кудрявый парнишка, так хорошо певший песни Антонова. Раненый Прохор Соловьев бросился под танк со связкой гранат. Даже хоронить было нечего.

Бои становились все ожесточенней, но Леониду пока везло оставаться в живых. Сильно везло. В последний раз от его роты осталось хорошо, если полтора взвода. Правда последняя пара дней выдалась удивительно тихой, что не могло не радовать.

Как назло, солдат с гитарой начал напевать какую-то песню. С окончательно испорченным настроением, Васильев зашел в штаб.

— Товарищи командиры, можете садиться, — привычно начал зашедший в комнату полковник Гнатюк, окинув тяжелым взглядом окружающих. Леонид сел на облезлый табурет. — Согласно данным разведки, немец собирается ударить вот здесь и вот здесь, — Гнатюк ткнул ручкой в карту.

Вообще-то это были совсем не немцы, а сборная Румынии и Венгрии, но кого волнуют такие мелочи?

— А что у нас здесь? Здесь у нас мы! Поэтому, нас ждет очередной жаркий денек. Язык, притащенный одной из РДГ, утверждает, что наступление начнется послезавтра. Но не удивлюсь, если эта скотина врет. Или просто не знает всей картины. Так что к обороне мы должны быть готовы сегодня. Я надеюсь, все это понимают? — офицеры согласно кивали.

— Хорошо. Значит план такой. Леонтьев и Васильев занимают позиции на вот этом холмике. Колевский прикрывает слева. Батальон Шимазина — справа. Сам распределишь, какая рота где, — Гнатюк посмотрел на комбата. Тот кивнул.

Васильев слушал продолжающееся совещание с какой-то отстраненностью. Дождавшись его окончания, он отправился к своей роте. Некоторое время спустя, сидел в своем блиндаже, перечитывая письмо от сестры. Та писала, что у них в Рязани все хорошо. Спрашивала, как он тут, не ранило ли его. А Леонид почему-то никак не мог отогнать из мыслей образ бросающегося под немецкий танк солдата с окровавленной головой.

Ровно двенадцать часов спустя капитан стрелял по венграм, лезущим со всех сторон. Правдами и неправдами раздобыв несколько запасных дисков к ППШ, Васильев был сейчас очень рад, что потратил на это столько времени и сил.

Начавшийся с артиллерийской подготовки бой то затихал, то разгорался с новой силой вот уже несколько часов. Позиции переходили из рук в руки по несколько раз каждые полчаса.

— Капитан, спра... — услышав резко оборвавшийся крик, Васильев упал. Развернувшись, он понял, почему крик оборвался. Кричавший солдат был насажен на штык. Сделавший это венгр уже пробирался по траншее дальше. За ним в траншею прыгало еще что-то около десятка солдат. Леонид чертыхнулся и, вскинув автомат, нажал на курок. Прозвучал щелчок и ничего больше. Последующие несколько нажатий привели к тому же результату. Выстрела не произошло. Матюгнувшись, капитан, пополз по траншее к трупам красноармейца, держащего в мертвых руках подсумок с гранатами. Своим капитан использовал еще в начале боя.

Аккуратно достав две гранаты, Васильев выглянул за поворот траншеи. Прямоком в его сторону направлялось несколько солдат. Одну за другой бросив в их сторону «лимонки» и дождавшись взрывов, Леонид подобрал винтовку, и со штыком наперевес кинулся к месту прорыва. Один из солдат еще шевелился. Проткнув его штыком, капитан подобрал еще пару гранат. Осторожно приподнявшись, капитан увидел пробирающихся ко второй линии обороны венгерских солдат. Тщательно прицелившись, он выстрелил в ближайшего к себе противника, после чего упал на дно и приготовил гранату. Васильев уже собирался метнуть ее в венгров, когда к нему прилетела граната — точная копия той, что он держал в руках.

Время словно остановилось.

«Не успею», — капитану казалось, что он наклоняется к гранате невероятно медленно. Схватившись за ручку, он швырнул ее из траншеи. Взрыв произошел почти сразу же, убив набегающих солдат. Но капитан этого уже не видел. Последнее, что он помнил, был близкий взрыв гранаты. Потом сильный удар по голове, и наступила тьма. Сознание милосердно покинуло Леонида.

23 марта 1942 года, утро Москва, Кремль

— Итак, наша дальняя авиация готова к удару?

— Да, товарищ Сталин, — главком ВВС Новиков ответил уверенно.

— И как вы оцениваете возможную эффективность данной операции? — акцент вождя проявился несколько сильнее, чем обычно.

— Очень высоко. И с точки зрения нанесения материального ущерба, и с точки зрения морального воздействия, как на врага, так и на наши войска.

— Но мы все же рискуем таким большим количеством самолетов, — любовь Сталина к летчикам была общеизвестна.

— Ночных истребителей у Люфтваффе практически нет. А те, что есть, защищают Берлин. И, благодаря этому, большое количество самолетов является положительным фактором. К тому же эффект от такого массированного применения стратегической авиации будет гораздо большим, чем если ее применять разрозненно.

— Хорошо. Осталось выбрать из двух целей, да? — Новиков кивнул.

— Да, товарищ Сталин.

— Тогда, я полагаю, это будет вот это, — Сталин показал на карте. Новиков кивнул. — Подготовить приказ нашим доблестным авиаторам.

23 марта 1942 года, поздний вечер

Ночью с разных аэродромов начали подниматься многочисленные бомбардировщики Ил-4. Восемь месяцев чудовищного напряжения на авиастроительных заводах и не менее серьезных усилий по подготовке летчиков сделали этот вылет возможным. Ровно триста сорок девять самолетов держали курс на Пенемюнде. Каждый из них нес несколько бомб. Как фугасных, так и зажигательных — с фосфором и напалмом. Это будет воистину адская ночь для обитателей главного полигона Третьего Рейха.

Майор Сергей Терентьев уверенно вел свой самолет сквозь тяжелые дождевые облака. Благодаря новому оборудованию, это было не так уж и сложно. Как оно работало, Сергей так и не понял. Инструктировавший летчиков военинженер быстро пробарабанил что-то про очень короткие волны, зато долго и тщательно тренировал под приглядом особиста обращаться с самоликвидаторами, встроенными во все блоки. Главное — теперь пилот и штурман могли видеть и в темноте, и сквозь тучи соседние самолеты в строю и очертания рек и озер на земле. Так что майор был уверен — через два часа восемь крупнокалиберных бомб, дремлющих за его спиной в бомбоотсеке, обрушатся точно на немецкие головы.

Все члены экипажа были напряжены. Их Пе-8 был одним из двадцати своих братьев, несущих новый тип бомб. Что это за тип — а это были боеприпасы объемного взрыва — майор представлял себе довольно смутно, все, что он знал — что их очень сложно делать, и что их пока очень мало. И что они значительно мощнее обычных.

Недалеко от цели идущие строем «Пешки» и «Ильюшины» обогнали еще одну большую группу тяжелых самолетов. Три сотни старых добрых ТБ-3 должны были сбросить свой бомбовой груз по целям, обозначенным первыми волнами.

Огромная армада шла на максимальной высоте и пока, судя по всему, замечена не была.

Адольф Штехер стоял в карауле. Его клонило в сон, но он мужественно держался. Потому как все знали: если заснешь на посту, а тебя поймают — отправят на фронт. А там идет такая мясорубка, выжить в которой представляется маловероятным исходом. Поэтому — не спать!

Но ничего не помогало. Выпитый перед дежурством шнапс сказался на солдате Вермахта не слишком хорошим образом — Адольф уже начал дремать, когда ночную тишину разорвал вой сирен воздушной тревоги. Это помогло — желание поспать мгновенно исчезло. Штехер начал вглядываться в небо, по которому уже сновали лучи зенитных прожекторов. Естественно, советские самолеты он не увидел. Но жуткий звук падающих бомб узнал. И залег в небольшую ямку у дороги. На всякий случай, а то мало ли.

Последующий кошмар запомнился тезке Гитлера на всю оставшуюся жизнь. Даже много лет спустя, он часто просыпался в холодном поту, видя во сне кошмарные картины Пенемюнде.

Первая волна самолетов сбросила вперемешку зажигательные и фугасные бомбы. Вторая волна — фугасные и объемного взрыва. Третья — снова зажигательные и фугасные.

Чудовищные взрывы и огромные пожары сливались в нечто, весьма похожее на филиал ада. И хотя «Огненного шторма» не получилось, ракетного центра Третьего Рейха больше не существовало.

24 марта 1942 года «Орлиное гнездо», Германия

— Мой фюрер, это было абсолютно невозможно предсказать! Канарис не сообщал нам о наличии у Советов такого количества тяжелых бомбардировщиков! — Геринг со злостью посмотрел на адмирала.

— Я не виноват, что вы не способны обеспечить воздушную защиту Германии! — Канарис не собирался вот так просто брать на себя ответственность за уничтожение одной из главных надежд фюрера. После неудачи летней кампании тому показалось, что исправить ситуацию могут ракеты.

— Они атаковали более чем тысячью бомбардировщиков! — рейхсмаршал конечно знал, что их было значительно меньше, но так это звучало гораздо убедительнее.

— Молчать! — Гитлер вскочил из глубокого кресла, откуда он наблюдал за перепалкой одних из самых могущественных людей Германии.

— Ваша некомпетентность, адмирал, начинает казаться мне все более вероятной. Сначала вы проглядели наличие у русских великолепных танков, теперь это. Но вы, Герман, тоже хороши. Проглядеть нападение тысячи самолетов — это надо умудриться. И я надеюсь, что подобного больше не повторится. Кстати, как себя чувствует фон Браун?

Канарис и Геринг переглянулись. Сообщить Гитлеру о смерти ведущего конструктора никто еще не решился.

— Исходя из вашего молчания не очень хорошо. Он ранен? И насколько тяжело? Отвечайте, черт вас возьми!

— Мне жаль, мой фюрер, но боюсь что доктор Браун погиб, — первым решился все же Геринг.

— Чтооооо???!!! Он что, не спустился в бункер? — лицо Гитлера начало краснеть.

— Спустился, мой фюрер. Но это не помогло — русские применили особо мощные бомбы и...

— Так у них теперь еще и бомбы «особо мощные» появились?! Канарис, чем, черт возьми, вы занимаетесь? Я что, завтра узнаю, что оказывается у русских в тылу еще и армия с новейшим невиданным оружием есть? Да? И еще что-нибудь? Адмирал, вы идиот?

Гитлер понятия не имел, что попал в яблочко. И был настолько прав насчет армии с новейшим оружием у СССР. Слегка ошибся насчет сроков своего об этом узнавания, но в целом...

Так что Канариса, судя по всему, ожидало то же самое, что и в первичном варианте истории... разве что пораньше. Виселиц в Третьем Рейхе хватало.

24 марта 1942 года Москва, Кремль

— Таким образом, товарищ Сталин, ракетный центр под Пенемюнде, а так же сам Пенемюнде, фактически уничтожены, — докладывал стоявший навытяжку Новиков. — Кроме того, судя по всему, такой массированный налет нашей авиации оказался сюрпризом для немецкой обороны. Вероятно, именно этим можно объяснить фактическое отсутствие противодействия нашим силам.

— Какие у нас потэри, товарищ генерал? — Сталин привычно прохаживался вдоль стола, посматривая на главкома ВВС и сидящих рядом маршалов.

— Четырнадцать самолетов ТБ, девять Ил-4. Но до нашей территории смогли дотянуть все Илы, и четыре ТБ. Среди Пе-8 потерь нет.

— То есть небольшие, да?

— Относительно общего количества задействованных в операции самолетов — действительно небольшие.

— Это хорошо. Но вот как вы считаете, нам надо повторять подобные операции в дальнейшем? — вождь приостановился и внимательно посмотрел на генерала.

— Да, товарищ Сталин. Тем более что у нас есть довольно большое количество важных стратегических целей, атака которых серьезно затруднит положение фашистской Германии.

— Разрешите? — Шапошников попросил слова.

— Пожалуйста, Борис Михайлович, — лидер страны Советов кивком разрешил Новикову есть.

— Согласно имеющейся в нашем распоряжении информации, на данный момент в Германии действует всего один завод по производству дибромэтана. А без этого компонента, необходимого при производстве авиационного бензина, не полетит ни один немецкий самолет. Разведкой получено несколько возможных местонахождений данного производства. Уничтожив этот завод, мы нанесем серьезнейший удар по люфтваффе и немецкой промышленности, — Шапошников выразительно посмотрел на Сталина. Тот заинтересованно покивал головой.

— Так же, очень большой эффект могут принести масштабные бомбардировки транспортной и, в частности железнодорожной, сети Германии. Как показал опыт Особой армии, уничтожение подвижного состава серьезно сказывается на боеспособности войск.

— А наши летчики смогут попасть в такую цель, как паровоз? — Сталин стал выбивать трубку в пепельницу. — Потому что город — это одно. Тем более при таком количестве самолетов. А вот, скажем, железнодорожная станция — это совсем другое. Рисковать ценнейшими самолетами ради уничтожения пары-другой паровозов мне кажется нецелесообразным. По крайней мере, сейчас.

С лица Шапошникова исчезло довольное выражение. Вождь тем временем продолжал:

— Что же касается дибромэтана и аналогичных производств, то и их мы пока трогать не будем. Потому как даже если наши доблестные авиаторы добьются в этом успеха, то Гитлеру понадобится максимум месяц для того, чтобы восстановить производства. И не на одном заводе, — Сталин эмоционально махнул рукой. — А за месяц наша армия Берлин не возьмет. Но чуть попозже мы, навэрное, все-таки такое сделаем. А тогда уже Красная армия сможет нанести фашистам серьезный урон.

— Товарищ Сталин, нанесение вреда железнодорожным перевозкам фашистов серьезно поможет войскам! — маршал с надеждой посмотрел на задумчивого вождя.

— Борис Михайлович, мы еще обсудим этот вопрос...

25 марта 1942 года

Передовица газеты «Правда»

«Крах чудовищных замыслов фашистов — триумф Советской авиации»

В ночь с 23 на 24 марта, победоносная сталинская авиация подвергла разрушительной бомбардировке и уничтожила секретный полигон фашистов — Пенемюнде. Простой советский гражданин, каждый человек должен знать о человеконенавистнических экспериментах, которые ставили там прислужники Гитлера.

Осознавая скорый крах своей Империи Зла и понимая неотвратимость победы советского оружия, видя поражения своих войск, Гитлер перешагивает все более и более немислимые грани.

В этом страшном месте пытались создать неизлечимые болезни и чудовищное химическое оружие. В частности, там пытались создать новый вид гриппа. Хотя еще свежи в памяти людей мира воспоминания о страшной эпидемии так называемой «испанки», унесшей столь много жизней. А ведь нацистские прихвостни работали там и с

возбудителями чумы, холеры, оспы!

Но особое отвращение вызывают методы, какими злодеи пытались добиться своих целей. Они ставили свои чудовищные эксперименты прямо на людях! В том числе и на детях, малолетних узниках концлагеря, расположенного в двадцати километрах от Пенемюнде.

Помимо места отвратительных экспериментов, остров Узедом являлся излюбленным местом отдыха высокопоставленных гитлеровских палачей. Отдыхая на курортах городов Альбек, Бансен и предаваясь гнусным оргиям в отелях Герингсдорфа эти убийцы готовились к новым кровавым преступлениям. Именно здесь они смывали с себя кровь заключённых польских, чешских и французских концлагерей. Здесь они отдыхали от пыток, здесь забывали крики заживо сжигаемых людей и стоны и плач умирающих от страшных болезней детей. Именно там, в окрестностях горы Штекельберг в извращенных умах этих представителей «высшей расы» зрели планы по искоренению неарийских народов и уничтожению нашей любимой Родины. Отделённые польскими землями, они думали, что территория Германии неуязвима. И самодовольный бахвал Геринг обнадеживал в этом главных эсэсовских мясников.

Но кровавые псы Гиммлера просчитались. Благодаря отважным рабочим и ученым Германии и Польши, сочувствующим нашей Родине, благодаря нашей доблестной разведке, Верховное Главнокомандование вовремя узнало об отвратительных планах нацистов. Решение пришло почти сразу: этот рассадник зла должен быть уничтожен!

Летчики, получая приказы, горячо приветствовали подобное решение. Ведомые волей нашего великого вождя, непобедимые сталинские соколы заставили фашистских вурдалаков захлебнуться в их собственной крови.

Поздней ночью сотни советских бомбардировщиков устроили зарвавшимся курортникам и надеждам нацизма огненную преисподнюю. Высшим гитлеровским молодчикам теперь не понадобятся ни пляжи, ни санатории, ни жизненное пространство. Большинство из этих ублюдков рода человеческого получили прошлой ночью достойную кару.

Не суждено сбыться надеждам нацистов, не суждено им спасти свою шкуру от справедливого возмездия! И их попытки спастись лишь сильнее укрепляют решимость всего советского народа, вставшего единым строем на борьбу со злом.

Да здравствует товарищ Сталин, слава бесстрашным советским лётчикам, смерть гитлеровским нелюдям! Враг будет повержен! Мы победим!

2 апреля 1942 года Лондон, Вестминстерский дворец

— Таким образом, господин премьер, это фактически вся информация, что у нас есть, — глава МИ-6 удрученно развел руками.

Черчилль задумчиво рассматривал принесенные Мензисом фотографии. Затем встал из-за стола и подошел к бару. Наливая в бокал коньяк, он произнес:

— А вы уверены, что это не очередная шутка русских? А то Сталин тот еще хитрец. Вполне может подсунуть нам фальшивку и посмеиваться, глядя, как мы тратим ресурсы черт знает на что.

— Изначально мы получили эту информацию от нашей немецкой резидентуры. И лишь потом достали подтверждение от советской. Но сами понимаете, наша работа сейчас невероятно сложна. Даже эти фотографии можно считать большой удачей, — главный английский шпион достал из портфеля несколько листов бумаги. — Технические характеристики И-400АД нам пока известны частично. Это, — Мензис потряс листками, — по большей части лишь выводы, сделанные несколькими экспертами на основе фотографий и того, что у нас есть.

— АД? — Черчилль уже вернулся за стол.

— Антигравитационный двигатель.

— Мда. Русские, как всегда, не отличаются оригинальностью в названиях. Но я не совсем понимаю, неужели эти штуки настолько опасны? — фотографии «глайдеров смерти» гоа'улдов из «Звездных врат», с превеликим трудом подсунутые немцам, англичанам и американцам советской разведкой, может и не выглядели особо зловеще. Если бы не немножко информации, также слитой разведкам фашистов и потенциальных друзей.

— Согласно выводам наших экспертов, эти машины могут стать серьезной угрозой. Когда русские закончат — то это будет действительно прорывом. У них есть множество преимуществ перед поршневыми и разрабатываемыми сейчас нами реактивными самолетами.

— Это какие, например? — британский премьер вновь взял в руки одну из фотографий.

— Значительная скорость и способность зависать на одном месте, высокая маневренность. Высокая... — глава МИ-6 замялся и полез в бумаги, — тяговооруженность. Хорошо хотя бы то, что у русских пока серьезнейшие проблемы с доработкой машины. По большому слову, они только в начале пути и у нас есть отличный шанс их догнать. Тем более что стоимость даже одной машины сейчас астрономическая — примерно как у десятка тяжелых бомбардировщиков, если не выше.

— А вы точно уверены, что это реальный проект? — Черчилль нахмурился, став похожим на недовольного бульдога.

— Мы связались по этому вопросу с американцами. Эйнштейн говорит, что он работает в данный момент над теорией, способной объяснить принципы работы этого двигателя. Единственное, что его потрясло, так это то, что у русских уже есть действующий образец. Он сказал, что и не представлял себе подобного прорыва.

— И как им это удалось?

— Вроде как получили эффект антигравитации совершенно случайно. Какое-то побочное следствие при другом исследовании. Но сами понимаете, сейчас более подробную информацию получить невероятно сложно — русские засекретили все так, что нам нужно считать огромной удачей то, что мы узнали хотя бы это, — главный британский шпион пожал плечами.

— Черт, — английский премьер удрученно рассматривал фотографии. — И везет же большевикам. Что у нас еще есть про этот проект?

— Согласно добытой информации, прототип способен передвигаться со скоростью до пятисот миль в час. И еще. Немцы считают эту штуку серьезной угрозой. Гитлер, когда получил отчет, сразу после истерики приказал начать работать над немецким аналогом. Так что наши летчики вполне могут встретиться с похожими машинами в воздухе.

— Хм. Ладно, надо будет обдумать вариант нашего ответа этим уродцам. Если только Германия не падет раньше, чем сможет запустить в производство хоть что-нибудь похожее. А что американцы?

— Идея подобной машины им понравилась. Они тоже запускают проект. Но пока просто как серию исследовательских работ.

Премьер Великобритании встал из-за стола и вновь отправился к бару. По пути остановился и, обернувшись к Мензису, сказал:

— Ладно. А пока, Стюарт, расскажи, что у нас с Африкой.

4 апреля 1942 года Москва, Кремль

— Так что, товарищ Сталин, они все клюнули на наживку, — Берия улыбнулся.

— Мэня вот мучает вопрос, Лаврэнтий, — привычно прохаживающийся вдоль стола вождь приостановился, смахнув пылинку с зеленого абажура ровно горящей лампы, — а что если у них получится? Возьмут, да и в самом деле придумают такую штуку.

— Ну, тогда они серьезно помогут нашим исследованиям. У нас в каждой

исследовательской группе будут свои люди. В американском проекте уже даже есть, хотя группа еще только формируется. А если у кого и есть шансы — то это именно у США, — глава НКВД пожал плечами абсолютно так же, как и Мензис в другом кабинете пару дней назад.

— Это хорошо. Отличную идею мы им подкинули, да?.

— Да, Иосиф Виссарионович. Мы добились даже дополнительных успехов. Англичане урезают финансирование проекта «Тьюб Эллой». А американцы — соответственно проекта «Манхэттен». Это их серьезно затормозит.

— А что с нашей бомбой, Лаврентий? — Сталину не требовалось уточнять, какую именно бомбу он имеет ввиду.

Берия полез в портфель:

— Продвигаемся. Сейчас я вам, Иосиф Виссарионович, отдам отчет...

5 апреля 1942 года Москва, Кремль

— Ну что, товарищи, готовы мы нанести удар по нэмцам? — вождь набивал трубку, поглядывая на своих полководцев.

— Подготовка к наступлению закончена, товарищ Сталин, — сегодня вместо Шапошникова докладывать поднялся Василевский. — Генерал Жуков уже отбыл на фронт непосредственно руководить наступлением.

— Товарищ Сталин генералу Жукову доверяет. И знает, что Георгий Константинович сделает все, что потребует. Вот только товарищ Жуков не всесилен. Войска готовы? — вождь страны Советов подошел и в упор посмотрел на Василевского.

— Да, товарищ Сталин. Боеприпасы, топливо, ремонтные мощности — все согласно плану, — генерал отвечал уверенно и глаз не отвел. Лидер СССР хмыкнул и произнес:

— Это хорошо. Давайте тогда еще раз пройдемся по этим планам, чтобы потом вопросов не возникало.

Кивнув, Василевский подошел к карте.

— Первым этапом будет уничтожение производства дибромэтана бомбардировками. Так как благодаря разведке осталось всего лишь два вероятных места дислокации этого завода, то с этой задачей авиация должна справиться за одну ночь. Для гарантии успеха будет применена большая часть из произведенных на данный момент боеприпасов объемного взрыва.

Одновременно, в ночь на десятое апреля войска второго и третьего Украинских фронтов начнут наступление в Румынии, с целью овладеть Бухарестом и окончательно вывести королевство из войны.

Сталин внимательно смотрел за перемещениями указки Василевского по карте.

— Утром десятого числа из-под Варшавы в наступление перейдут Первая и Вторая Гвардейские танковые армии Первого Белорусского фронта. Их целью будет взятие города Познань. Одновременно, Особая армия при поддержке Второй Ударной и Третьей армий Второго Белорусского фронта нанесет удар из Ортельсбурга в направлении на Мариенбург, с целью отрезать группу армий «Север» и части армий группы «Центр» и запереть их в Кёнигсберге. Наступление войск Третьего Белорусского и Прибалтийского фронтов не позволит Вермахту перебросить дополнительные силы на наиболее угрожаемые направления.

Мы сделали все возможное, чтобы немецкие генералы не узнали направления основных ударов. Мы также нанесем множество вспомогательных ударов, в частности, в направлении Бреславля. На авиацию также возложены серьезные задачи.

— Товарищ Новиков, наши доблестные летчики смогут захватить превосходство в воздухе, да?

Главком ВВС уверенно кивнул.

— После уничтожения завода по производству дибромэтана в Германии минимум на месяц прекратится производство авиационного топлива. Также наша авиация нанесет массированные бомбовые удары по аэродромам Люфтваффе и топливозапасникам. И будет продолжать их наносить каждую ночь. Конечно, у немцев есть запасы и всех нам не уничтожить, но без постоянного пополнения надолго их не хватит. По нашим расчетам, через две, максимум три недели у нас будет абсолютное превосходство в воздухе.

— Ви уверены в этих расчетах, товарищ Новиков? — негромко спросил Сталин.

Вопрос был задан таким тоном, что присутствующим показалось, что в главном кабинете страны температура упала как минимум на несколько градусов. Всем стало понятно, что ошибись сейчас Новиков — головы ему не сносить.

Но тому отступать было некуда — отказываться от своих слов главком не собирался.

— Да, товарищ Сталин. Участвующие в наступлении авиадивизии укомплектованы лучшими нашими летчиками и самолетами. Комплекс применяемых мер должен нанести серьезнейший удар Люфтваффе. А я уверен, что личный состав не подведет народ и партию, — несколько высокопарно закончил Новиков.

— Хорошо. Перейдем к другой части операции. Товарищ Василевский, продолжайте...

11 апреля 1942 года

Капитан Васильев, как и солдаты его батальона, дожидался окончания артобстрела, укрываясь в перекрытой «щели».

«Комбат, ну надо же», — Леонид грустно усмехнулся. На взгляд офицера, его повышение было связано больше не с личными заслугами, а скорее со стремительным сокращением количества командиров на данном участке фронта.

Да и батальон — одно название, по количеству людей едва наберется две роты. В лучшем случае. И то одну из них Васильев получил буквально несколько дней назад — это были сибиряки-добровольцы.

Где-то рядом громыхнул взрыв, и внезапно все стихло. Советские солдаты стремительно занимали свои позиции в окопах и траншеях.

Васильев, сжимая в руках верный ППП, с тревогой всматривался в постепенно рассеивающийся дым. С дальнего конца поля уже слышалось урчание танковых моторов и лязг гусениц.

Появившись из-за линии румынских окопов, немецкий танк остановился и, поведя стволом, плюнул огнем в сторону обороняющихся. Столб земли вырос относительно неподалеку от Леонида, заставив его еще сильнее вжаться в грязь.

К фашистскому танку тем временем присоединилось еще четверо собратьев, также обстрелявших с короткой остановки позиции красноармейцев. Васильев напряженно ожидал появления еще большего количества изделий танковой промышленности Рейха. На его счастье, помимо этих пяти «четверок», танков у немцев больше не было.

Но и этого вполне могло хватить остаткам батальона Красной Армии, готовящегося к отражению очередного контрудара фашистских войск.

Фигурки румынских солдат, бегущих за танками, уже были отчетливо видны даже и невооруженным глазом. Короткими очередями застрочил пулемет. Откуда-то слева щелкнул выстрел винтовки и почти сразу же — еще один. Две из множества бегущих фигурок упали. Васильев повернул голову, выискивая удачливого стрелка. Ну конечно же, сержант Охлопков.

Этот якут был одним из лучших стрелков, известных Васильеву, и на данный момент имел на личном счету полторы сотни фашистов. И сейчас стремительно его увеличивал, метко стреляя из своей СВТ с оптическим прицелом.

Продвижение вражеской пехоты замедлилось, но не остановилось. Румынские солдаты прижимались к танкам, пытаясь укрыться за их бронированными телами.

Видя приближающиеся «панцеры» немцев, Васильев пожалел, что не проявил большей

настойчивости в выпрашивании у комполка противотанковых орудий.

— Придется обойтись гранатометами, — высказал он мысль вслух и пояснил, видя недоумевающее лицо лежащего рядом солдата:

— Будем их ручными эрэсами долбить. РПГ называются, — и показал на лежащую рядом трубу. Васильев ни разу еще не пользовался этой штукой в бою, получив несколько от комполка буквально накануне, и потому не слишком доверял сему произведению военной промышленности Союза, представлявшего собою кальку с РПГ-2. «Эрэсомет», как назвал кто-то эту трубу, был использован капитаном лишь однажды — при тренировке в стрельбе, когда какой-то головастик показывал ему, как целиться и куда нажимать.

— Охлопков! — Леонид не зря приметил якута. Он был одним из тех, кто наблюдал за тренировкой Васильева и хотя бы знал, как стрелять из нового оружия.

— Я!

— Бери эти три РПГ, одну отдашь Березкину, еще одну — Пароеву. Ваши цели — крайние справа танки. Цельтесь наверняка, а то промажете еще.

— Так точно, товарищ капитан.

— Исполняй.

Танки и шустро передвигающаяся за ними пехота тем временем приблизились еще на сотню метров.

Капитан, увидев, что вражеские солдаты явно готовятся к рывку, громко проорал:

— Батальон! По пехоте — огонь!

Левее и правее раздались повторяющие крики сержантов — кроме Леонида других командиров в батальоне не осталось.

К грохоту крупняка, молотившего все более длинными очередями, добавился рокот очередей РПД и щелчки винтовок. А еще минуту спустя — и громыхание ППС и ПППШ.

Васильев выпустил автомат из рук и, оставив его болтаться на ремне, взял РПГ. Сменил позицию, сдвинувшись на несколько метров левее, чтобы пальнуть в борт приближающейся «четверке». Тщательно прицелился и, уже выжимая спуск, поскользнулся.

Граната, выбросив пламя и с громким хлопком сорвавшись с конца трубы, влетела одному из немецких танков вместо борта в каток, напрочь оторвав его вместе со здоровенным куском гусеницы.

И хотя такое повреждение и обездвижило Т-4, это не мешало ему продолжать стрелять в сторону красноармейцев. Еще пара немецких танков немедленно развернули башни в сторону новой угрозы, огнем пулеметов пытаясь помешать капитану прицелиться.

Чертыхнувшись и сменив позицию, Леонид подобрал вторую трубу, услужливо подтянутую солдатом. Бедняге не повезло — едва тот отполз на свою прежнюю позицию, как перед ней взорвался немецкий снаряд. И все бы ничего, но именно в этот момент паренек приподнял голову над бруствером. Усыпанная грязью каска лишь слегка затормозила осколок, прошедший сквозь череп бедняги насквозь и вынеся его содержимое на стенки траншеи.

Васильев на секунду прикрыл глаза. Кошмарное зрелище никуда не ушло. Волевым усилием заставив себя сосредоточиться, Леонид вскинул РПГ на плечо и приготовился к пуску. Именно в это момент напрямик в борт одного из танков, неосторожно подставившихся правому флангу обороны батальона, влетела граната, пущенная Охлопковым.

Результат превзошел все ожидания — судя по всему, сдетонировал боекомплект, поскольку немецкий танк буквально разорвало, а его башню отбросило на несколько метров.

Васильев, что-то радостно проревев, пальнул в следующую «четверку» и опять не попал. Ну, то есть попасть-то он попал, вот только результатом оказался еще один обездвиженный, но не уничтоженный танк.

Оставшиеся панцеры ломанулись вперед, видимо надеясь проскочить опасную зону и не дать русским бронебойщикам нормально прицелиться. Одновременно вперед побежали и жавшиеся до этого к земле румыны, стремительно сокращая расстояние до траншей и окопов

красноармейцев.

— Гранаты к бою!! — заорал Васильев во всю мощь своих легких.

Но его солдаты и сами поняли, что надо делать, и к моменту отдачи приказа уже бросали «лимонки» навстречу набегавшим цепям фашистов.

Каждому из оставшихся невредимыми немецких танков досталось по выстрелу из РПГ. Однако Березкин промазал, и лишь выстрел Пароева записал на счет батальона еще один взорванный танк.

Последний танк был уже в паре десятков метров от передней линии траншей, когда в него полетели бутылки с зажигательной смесью. Бросали явно вслепую, поскольку из четырех брошенных «зажигалок» в цель попала лишь одна.

Но этого вполне хватило — танк запылал, и из него посыпался немецкий экипаж. Одного из них короткой очередью сразу же подстрелил Васильев. Брошенная кем-то Ф-1 закончила с остальными.

Атака фашистов явно начала захлебываться — пехота отпустила танки слишком далеко от себя и последние метры до траншей преодолевала под безостановочным огнем красноармейцев.

Однако они все же добежали. Васильев, длинной очередью свалив то ли двоих, то ли троих и швырнув гранату, сцепился в рукопашной с румынским солдатом, с дикими глазами бросившимся на Леонида. Увернувшись от неуклюжего тычка штыком, капитан с силой врезал прикладом ППШ в лицо паренька. Тот, коротко всхлипнув, упал. Васильев ударом сапога в висок отправил румына к праотцам.

В нескольких метрах от него солдат в форме королевской армии боролся с солдатом в форме армии Красной. Приподняв автомат, Леонид одиночным выстрелом закончил эту борьбу.

Рядовой благодарно посмотрел в сторону командира, как вдруг его глаза расширились. Мгновенно среагировав, капитан грохнулся на землю. Спрыгнувший в траншею позади него румын промазал и сейчас судорожно передергивал затвор винтовки. Верный ППШ не подвел Васильева и на этот раз — недлинная очередь оборвала жизнь еще одного врага.

Капитан осмотрелся. Румыны уже начали отход — один из обездвиженных танков получил свою гранату от кого-то из советских бойцов и уже пылал. Ко второму подползало сразу несколько человек. Вот приподнялся один из них — Васильев с удивлением узнал в нем Федора Охлопкова — и швырнул в танк гранату. Глухой звук внутреннего взрыва — и бронетехники у наступающих (или теперь уже правильное сказать отступающих) румын не осталось.

Звуки боя постепенно вытеснялись стонами раненых. Единственный фельдшер батальона сбивался с ног, пытаясь помочь всем сразу. Васильев, отправив ему в помощь несколько солдат и реорганизовав оборону, устало опустился на землю и закрыл глаза. Еще один день кровопролитных боев подходил к концу...

2021 год **Военная база «Уно», Бразилия**

Насвистывающий развеселую песенку генерал Жозе Альверде направлялся к штабу. Последняя партия новейших танков, закончившая перевооружение его части, вызывала у него улыбку. Теперь его дивизия — лучшая в Бразилии. И вообще на всем континенте.

Он помнил, как его дед, бывший одним из создателей танка «Озорио» ругался, когда вместо него правительство решило закупать немецкие «Леопарды». Это уже тогда расстраивало маленького Жозе. Но сейчас руководство наконец-то приняло правильное решение. Бразильская армия будет вооружена «Озорио-2». А не дурацкими «Леопардами» и «Абрамсами».

И это хорошо, а то Венесуэла и Боливия, поддерживаемые Россией, в очередной раз играют мускулами, да и Колумбия, опирающаяся на американцев от них не отстает.

Аргентинцы, опять же, борзеют.

И куда деваться Бразилии? Быть нейтральной! Президентэ тысячу раз прав.

«И вообще — жизнь налаживается! Сынок вот приехал, студент лучшего университета Рио», — ветеран Войны Фавельского Восстания довольно покачал головой.

Поднявшись на недавно окрашенное белое крыльцо своего штаба, генерал Альверде остановился закурить. Внезапно его внимание привлекла ослепительно белая точка на небосводе.

«Спутник что ли падает?» — мысль Жозе даже ему самому показалась не слишком убедительной. Точка стремительно расширялась, заливая сиянием ночное небо.

«Что за...» — яркая вспышка оборвала мысль генерала. Кромешная тьма, длившаяся несколько секунд, сменилась сумерками.

12 апреля 1942 года

Москва, Кремль

В разгар совещания распахнулась дверь. Показывавший что-то Сталину на карте Василевский недовольно поднял голову. Вошедший Поскребышев стремительными шагами пересек кабинет и что-то тихо сказал вождю. Недовольное выражение на лице Василевского сменилось удивлением. Сталин что-то уточнил. Его секретарь ответил, пожав плечами.

Члены ГКО и генералы начали взволнованно переглядываться.

Сталин задумчиво подошел к окну. Постояв минуту, он повернулся. Шепот мгновенно стих.

— Товарищи, тут интэрэсная информация поступила. Бразилия и Уругвай только что объявили войну Аргэнтине.

13 апреля 1942 года

Бразилия, Рио-де-Жанейро

Стоящий у окна роскошного кабинета президент Альверде наслаждался прекрасной сигарой, скрученной вручную. Не менее он наслаждался, просматривая отчеты о действиях против Аргентины. Половина его дивизии, являвшейся основной ударной силой Бразильской армии, успешно громила слабо сопротивляющиеся аргентинские войска. Многочисленные кавалерийские дивизии также действовали весьма неплохо.

Нет, ну как же ему повезло! Жозе улыбнулся. А ведь всего лишь несколько лет назад (или нужно говорить вперед?) он так завидовал одному венесуэльскому полковнику, успешно захватившему власть в своей стране. А теперь и ему, старому доброму Альверде, улыбнулась удача.

Генерал вспомнил потрясение первых дней, сменившееся вполне очевидными целями. Солдаты были ему верны и ничуть не возражали против некоторого повышения своего статуса. Подготовка к захвату власти была проведена всего-то за пару месяцев. И пока на других континентах кипели войны, его база, торчавшая посреди джунглей, превратилась в центр переворота.

И вот уже в начале сентября в Рио был провозглашен «Новый курс» и «Великая Бразилия». Ну и новый президент попутно.

Убив целую кучу времени и сил на реформирование армии и подготовку вторжения в Аргентину, сейчас президент Альверде пожинал плоды своего труда.

— Президентэ? — вошедший адъютант поставил на стол поднос с кофе, и положил рядом несколько листов бумаги.

— Да, Хуан, — Жозе оторвался от своих мыслей и отвернулся от окна.

— Здесь проект вашей речи, — лейтенант показал на листы бумаги. — Вы просили подготовить ее к моменту взятия Буэнос-Айреса.

— Но мне не докладывали о взятии города? — Альверде удивленно посмотрел на

адъютанта.

— Еще нет, президентэ. Но, согласно последним донесениям, это случится совсем скоро. Наша морская пехота уже взяла побережье и прибрежные районы, а воздушный десант захватил правительственный квартал. Отдельные очаги сопротивления будут подавлены в течение двух-трех суток.

— Превосходно. Подготовьте мое выступление по радио.

— Слушаюсь, мой генерал, — лейтенант Хуан Рейнальдо отдал честь и вышел из кабинета.

Президент Альверде, насвистывая любимую песенку, взял чашку кофе и, усевшись в кожаное кресло, принялся изучать проект речи, изредка делая пометки...

15 апреля 1942 года

Москва, Кремль

— Получается, что в тот раз сентябрьский пэрэворот был, но этой войны нэ было, да? — Сталин, разговаривавший с генералом Ледниковым, оторванным от работы в Генштабе, как всегда расхаживал по кабинету.

— Войны не было, это точно. А вот насчет переворота... Все, что мы смогли вспомнить — это то, что во второй половине двадцатого века Бразилией какое-то время правила военная хунта. Но когда она пришла к власти, при каких обстоятельствах, кто там был запевалой — это нам неведомо, — Ледников пожал плечами и развел руками, всем своим видом показывая свое бессилие в данном историческом вопросе.

— А интэрэсующиеся историей люди из Особой армии?

— Товарищ Сталин, ну так они историей в основном нашей интересовались, а не Латинской Америки. Удачей можно считать даже то, что про хунту вспомнили.

— Значит, наши малэнькие успехи уже более чем серьезно влияют на измэнэние мировой истории, — вождь подошел к глобусу и принялся задумчиво рассматривать Южную Америку. — Хорошо. Будэм налаживать взаимодействие с президентом Альверде.

— Товарищ Сталин. Я бы все же не исключал попадание в прошлое еще одной группы людей. Мы-то не знаем, как здесь очутились, — генерал снова пожал плечами.

— Это товарищ Сталин учтет. И товарищи из соответствующих органов займутся этим вопросом. Я полагаю, товарищ Ледников, что у вас много дэл еще сэгодня, да? — вождь явственно дал понять генералу, что прием закончен.

— Еще один вопрос. Ребята мои на фронт просят, говорят, что не вмогуту им в тылу сидеть...

— Это, Лаврентий Георгиевич, конечно хорошо, что у вас такие сознатэльные солдаты. Но пока мы и без них справляэмся, а рисковать без особой нэобходимости попаданиэм в руки врага любой информации о ваших людях товарищ Сталин не хочет. Но мы найдем им примэнэние, ви нэ волнуйтэсь...

— Спасибо, товарищ Сталин.

— До свидания, товарищ Ледников...

17 апреля 1942 года

Старший лейтенант Стольнин, один из немногих действующих на фронте солдат из будущего, отдыхал. Отдыхал он путем принятия некоторого количества спиртного внутрь. Нет, он не был алкоголиком или еще чего-нибудь в этом роде, нет. Просто именно так он снимал стресс после возвращения с очередной диверсантской миссии и появления вместо мыслей о работе воспоминаний о семье.

Жена и двое детишек постоянно стояли перед глазами. Помогало только одно — опасность, в эти моменты Василий на время забывал о них, думая о своих подопечных и о выполнении задания. И хотя теперь он уже как-то свыкся с мыслью, что никогда их больше

не увидит, но все равно думать о них было чертовски больно.

Вот и в этот раз, после возвращения с очередного выхода и дня отдыха, болезненные воспоминания полезли в голову. Старлей достал фляжку с дефицитным коньяком и, сделав пару глотков, достал фотографию, на которой его смеющаяся жена держала на руках их второго ребенка, а старшенький, вытянувшись в струнку, серьезно смотрел в камеру.

Стольнину захотелось выть. К двум глоткам добавился третий, но на этом лейтенант остановился и, убрав фляжку, вышел из комнаты, направившись в штаб.

Поднявшись в искомом здании на второй этаж, старший лейтенант отправился в кабинет местного координатора усилий диверсантов на здешнем участке фронта — полковника Твардова. Советское командование, весьма впечатленное результатами деятельности малых мобильных групп, забрасывало такие в тыл фашистам целыми десятками, а то и сотнями.

Он уже подходил к кабинету, когда его дверь распахнулась, и оттуда стремительно вышел майор Антонов. На его лице застыла злость. Отдав честь, Стольнин с интересом посмотрел на, пожалуй, лучшего из числа известных старлею диверсантов.

Владимир, со злостью врезав по стене, слегка успокоился. Видя несколько недоуменный взгляд Василия, объяснил:

— Ты представляешь, не пускают на операции. Вообще — как отрезало. Герой, блин. Да еще и «мы-же-не-можем-рисковать-подобным-символом» поэт, — и привалившийся к потрескавшейся штукатурке стены майор горестно покачал головой.

Выглянувший в этот момент из кабинета Твардов, увидев Стольнина, довольно усмехнулся:

— Стольнин! Ты мне как раз и нужен. Давай сюда, — и добавил, обращаясь к Антонову:

— А вы, товарищ майор, не расстраивайтесь. Партия вам дело найдет.

Что-то неразборчиво бурча, Владимир удалился. Прошедший в кабинет полковника Василий понадеялся, что сейчас ему выдадут очередное задание — сидеть без дела он не мог.

— Так, товарищ старший лейтенант. А для вас у меня радостная весть — вас отзывают с фронта и отправляют в Москву, — мордатый полковник с улыбкой посмотрел на Василия, полагая, что это действительно отличная новость. Тем сильнее его удивила реакция диверсанта.

— Так точно, товарищ полковник. Но разве я не нужнее и полезнее здесь?

— Это, товарищ Стольнин, решать не вам, — из голоса Твардова мгновенно исчезла теплота.

— Конечно, товарищ полковник. Просто, ну какой от меня прок в тылу?

— Я скажу тебе, товарищ старший лейтенант, точно то же, что и майору Антонову. Партия вам дело найдет. А пока иди, собирайся, отъезд сегодня же.

— Так точно.

Отдав честь, Василий вышел от Твардова со странным чувством.

«Наверное тренировать молодняк буду, делиться, понимаешь, боевым опытом», — мысль показалась Стольнину логичной, но радости не прибавила.

Одетый в камуфляж светловолосый человек среднего роста понуро шел к казарме...

18 апреля 1942 года

Невероятно ожесточенные и кровопролитные бои, развернувшиеся на территориях Восточной Европы, дадут много пищи для режиссеров и сценаристов будущих лет. А пока миллионы людей убивали друг друга разнообразными способами и не думали останавливаться.

Гвардии старший лейтенант Никита Голенко, воевавший в составе Особой армии на новеньком танке ИС, не слишком задумывался о далеком будущем и геополитической

обстановке. Все, что его интересовало в данный конкретный момент — куда сныкался этот ублюдочный фриц на своей не менее ублюдочной «четверке». Он успел уже сжечь несколько тридцатьчетверок, действуя из засад. И вот опять, стрельнув черт знает откуда и едва не попав, фашист словно испарился.

Дуэль звена Голенко с неизвестным противником продолжалась уже довольно долго. Никита понятия не имел, что ему противостоит экипаж самого Курта Книспеля, одного из лучших танкистов Вермахта.

— Двенадцатый, я Орел-Два, как слышите? — голос в радиостанции принадлежал летчику, барражирующему сейчас над этим районом.

— Я двенадцатый, слышу вас хорошо.

— Танкеры, ваш друг в четырехстах метрах от вас, на два часа, как поняли? — в голосе пилота явно слышалась снисходительность.

— Четыреста метров на два часа, вас понял, — Никита, будучи максимально сосредоточенным, не стал реагировать на небольшое высокомерие летуна.

Развернувшийся к противнику лбом советский танк неторопливо стал объезжать невысокий холмик, за которым как раз и прятался противник.

«Сейчас, сейчас, еще чуток», — мысли гвардейского танкиста не отличались в этот момент оригинальностью.

Несмотря на постоянное ожидание появления вражеского танка, тот все равно успел выстрелить первым. Но броня «Иосифа Сталина» выдержала. Стодвадцатидвухмиллиметровая пушка рывкнула в ответ. Попадание! Башню четверки перекосило, сорвав с погона. Откинулся люк. Из танка с трудом вылез человек. Он явно был ранен.

БМП «Лаврентий Берия» с пехотой на броне, держащаяся в отдалении, стремительно подъехала к разбитому танку. Танкист особо и не сопротивлялся своему взятию в плен.

Путь на Мариенбург более ничто не преграждало. Особая Армия рвалась вперед, словно спущенная со сворки гончая...

18 апреля 1942 года, вечер Москва, Лубянка

— Насколько хорошо ваше знание португальского, товарищ старший лейтенант? — уставший Стольнин не ожидал такого вопроса, совсем не ожидал.

Узнав, что его путь лежит на Лубянку, Василий напрягся. Но, увидев в светлом кабинете, куда его привели, спокойного генерала Ледникова, снова расслабился. И тут такой неожиданный, мягко говоря, вопрос.

— Ну, э, я...

— Старший лейтенант, у нас есть пометка в вашем личном деле, что вы изучали португальский. Это так?

— Ну да. Но это еще в школе было, ну и в академии потом чуть-чуть. Просто я уже давно ничего не повторял, и язык подзабыл довольно капитально.

— Но знания у вас базовые есть. И это хорошо. С завтрашнего дня с вами будут усиленно заниматься специально назначенные товарищи, поднимать, так сказать, ваш уровень, — полковник уверенно кивнул головой.

Стольнин непонимающим взглядом посмотрел на Ледникова. Тот, с подбадривающей улыбкой, сказал:

— Я полагаю, Павел Сергеевич, нам надо бы объяснить старшему лейтенанту, что происходит.

— Конечно, товарищ генерал армии. Вы, товарищ Стольнин, получите особое задание в одной стране...

— В, мать ее, Бразилию поедешь, — перебил полковника Ледников.

— Я? Но зачем?

— Это, Стольнин, тебе еще расскажут. А пока — свободен. Иди, отдыхай. У тебя предстоит напряженная неделька. А то может и две. Так что шуруй.

— Так точно, товарищ генерал армии, — отдав честь, старший лейтенант вышел из кабинета, где его уже ждал офицер из НКВД. Знаком показав Василию, чтобы тот следовал за ним, энкавэдэшник отправился к выходу. Все еще удивленный Стольнин отправился вслед. Его ждала специальная база в Подмоскowie и недели усиленных тренировок...

19 апреля 1942 года Г. Дебрецен, Венгрия

— Саня, держись!! Держись, понял! Не смей помирать! — рядовой Алексей Тлиев с бессилием смотрел на раненого товарища, находящегося, казалось бы, так близко — всего-то десятка полтора метров. Вот только эти метры простреливались парой пулеметов и минимум десятком винтовок. Потому любая попытка высунуться из-за угла дома могла привести к фатальному знакомству с десятком-другим пуль.

Раненый солдат не добежал до спасительного угла всего пару метров и теперь лежал за мусорным контейнером, набитым камнями обрушившейся стены. Этот долбанный Т-образный перекресток стал серьезным препятствием для одной из рот батальона.

Васильев за последние месяцы видел такое уже не раз. Получив на днях звание майора, он совсем этому не радовался. Пройдя с боями половину Румынии, войска Третьего Украинского фронта буквально ворвались в Венгрию. Среди этих войск была и дивизия, в которой воевал Леонид.

Но сейчас его мысли были совсем не об этом. На этот раз надо все же попытаться спасти солдата.

— Охлопков! — майор знал, кого надо звать. Якут был одним из лучших бойцов батальона, если не лучшим.

— Я!

— Живо найдите мне пару покрышек. И еще чего-нибудь чадящего.

— Дымовой завесой будем улицу прикрывать?

— Да. Исполняй.

— Есть, — вскинув руку к голове, старший сержант умчался искать покрышки, прихватив с собою несколько солдат.

Вернулись они довольно быстро, прикатив с собой даже не две, а все четыре шины.

Охлопков аккуратно плеснул внутрь бензина. Тлиев и еще один солдат грузинского вида, фамилии которого Васильев не помнил, поднапрягшись, катнули шину на середину улицы, что вызвало еще один шквал выстрелов.

Васильев, поджигая самодельным факелом в виде тряпки, обмотанной вокруг кривой ветки, выломанной из рядом стоящего деревца, уже вторую покрышку, громко прокричал:

— Бергоев, держаться! Это приказ! — черт, ну почему у них нет хотя бы легкого танка?

Занявшиеся покрышки начали заполнять улицу черным дымом. Еще чуть-чуть — и можно будет рискнуть. отвратительная вонь горящей резины лишь подстегивала советских солдат. Тлиев весь подобрался, готовясь к рывку, когда контейнер с камнями взорвался — постаралась пушка, неизвестно каким образом попавшая в далекую цель. И приготовившийся бежать солдат, и раненый Бергоев умерли практически одновременно, став еще одними жертвами этой жестокой войны.

Десять минут спустя у перекрестка появились советские танки — звено КВ — быстро уничтожившие немецкий взвод.

Перемазанный кровью Васильев, закрыв глаза убитому осколком Тлиеву и вытащив из под камней мертвого Бергоева, подобрал их документы. Больших почестей павшим солдатам Леонид оказать не мог — городские бои только начались...

20 апреля 1942 года

Берлин, Штаб резерва сухопутных войск

— Господин генерал, для меня честь встретиться с вами, — сказал молодой человек в форме Вермахта, пожимая протянутую руку Людвигу Бека.

— Граф Штауфенберг, я тоже рад встрече с настоящим героем войны.

Воевавший на советско-германском фронте Клаус фон Штауфенберг получил, как ни странно, гораздо больше возможностей проявить себя, чем в первоначальном варианте истории. Отличившись в Варшавских боях, подполковник, получив похожее ранение (разве что потеряв не руку, а только пару пальцев) и будучи отправленным в тыл, занял все ту же должность начальника штаба армии резерва.

— Полковник, если вы сможете прибыть на небольшой ужин в моем доме, я буду этому действительно рад, — генерал Бек возлагал серьезные надежды на этого парня.

— С радостью приму ваше предложение, герр генерал-полковник.

Поговорив еще пару минут, вояки расстались, довольные друг другом.

«Штауфенберг может помочь нам с нашим планом. Он очень важен», — Бек уже начал придумывать, как использовать подполковника в попытке переворота...

21 апреля 1942 года

Майор Антонов, улыбаясь и насмивывая что-то неприятное, вышел из штаба. Жизнь налаживается! Вчера получил письмо от Насти, находящейся в порядках наступающей Особой Армии не так уж и далеко от майора, а сегодня, наконец, выбил разрешение на участие в операции.

Он будет командовать несколькими группами, чьей целью станет один из аэродромов Люфтваффе. Именно оттуда попробуют смыться генералы окруженных частей Вермахта. Не все конечно. Но и тех, что будут пытаться — вполне достаточно командованию.

Еще пару часов спустя двадцать человек внимательно слушали своего командира.

— Значит так. С сутью задания всем все понятно, так? — Владимир внимательно посмотрел на своих спецов. — Вопросы?

— Что с оружием? Вроде говорили, что с новым пойдем? — спросил старший лейтенант Береза, приглаживая влажные еще после душа волосы.

— Ага. Ну, это для них новое. «Калашы», РПГ — правда, только вторые, — пулеметы те же, ПД, которые ПК. СВТэшки с оптикой еще будут.

— Когда выходим? — вечно хмурый Абдулов выглядел сегодня еще более недовольным.

— Завтра в десять вечера. Еще вопросы?

Вопросов более не последовало. Распустив отряд готовиться к завтрашнему выходу, Владимир уселся писать Анастасии ответ. С каждым разом у него получалось все лучше — первые письма походили скорее на большие эсэмэски. Самое трудное было не ставить смайлики — в некоторых случаях они так и просились на бумагу.

22 апреля 1942 года

Атлантический океан, линкор «Южная Дакота»

— Я с вами полностью согласен, господин президент, — Черчилль кивнул Рузвельту и эмоционально взмахнул рукой.

Главы могущественнейших государств вели сверхсекретные переговоры на борту одного из лучших линейных кораблей планеты.

— Но нам жизненно необходимо как можно скорее открыть второй фронт, иначе через год Советы будут на берегах Английского канала. И у меня есть сомнения, что они на этом остановятся, — премьер-министр Великобритании сделал глоток из бокала с бренди.

— Однако, господин премьер, мы все еще не готовы!

— Если будем высаживаться летом, в июле или августе, то времени нам хватит вполне. Нужно еще учитывать, что немцы снимают все больше и больше дивизий из Франции и отправляют на Восток, где большевики делают из них фарш. К лету армия Вермахта в Западной Европе еще сильнее уменьшится — это очевидно.

— А как же Бразилия? — Рузвельт сделал маленький глоточек мартини.

— Ну, официально же они вроде как за нас. Этот Альверде заявляет, что напал на Аргентину лишь потому, что те собирались напасть на него, а также потому, что они являются пособниками нацистов. Да и Уругвай вошел в состав Бразилии почти без проблем.

— Я это знаю. И даже знаю, что нацисты и правда довольно-таки активно сотрудничали с правительством Аргентины. Но нападение — это маловероятно. Скорее всего, Альверде решил погреть руки на мировом пожаре. Что, в общем-то, весьма хорошо для нас, поскольку мы прекрасно знаем о том, что бывший президент Варгас склонялся к союзу с Гитлером, — Рузвельт всем своим видом давал понять, что ему это не нравится.

— Этот президент Альверде — непонятная фигура. Возник неясно откуда, захватил власть. Наши агенты никак не могут достоверно выяснить причины столь значительных успехов бразильской армии. Даже информация была, что генерал якобы сверхчеловек и прочая чертовщина, — Рузвельт недовольно постукивал по столу.

Черчилль удрученно покачал головой и отстраненно произнес:

— Одна слабая армия разбила другую такую же. Пока что я не вижу причин для волнений. К тому же, посол Бразилии уверил меня, что никакие интересы граждан Великобритании ущемлены не будут. Полагаю, посол в вашей стране сообщил вам то же самое? — дождавшись утвердительного кивка Рузвельта, Черчилль продолжил. — Более того, этот генерал предлагает нам ресурсы в обмен на станки. Следует учесть, что сейчас у нас попросту нет сил заниматься еще и Южной Америкой, господин президент.

— Проблема в том, господин премьер, что если Альверде захватит всю Южную Америку, то у нас будут серьезнейшие проблемы с контролем подобного образования. Мы вырастим еще одного Гитлера — и черт его знает, как оно пойдет. Этот генерал уже присоединил Уругвай и заставил капитулировать Аргентину — и теперь на континенте ему не сможет противостоять никто.

Учтем, что его «Великая Бразилия» обладает весьма неплохой промышленностью. Даже автоматическое оружие выпускает.

— Да, мы достали образцы этих автоматических винтовок. Неплохо, но не скажу, что запредельно. Тем более что у них нет ни конкурентоспособной авиации, ни флота. Когда мы закончим с Гитлером и японцами, мы в случае необходимости легко размажем Альверде. Нам даже не надо будет устраивать войну. Подкупим какого-нибудь генерала посговорчивее и устроим переворот. Согласитесь, господин президент, что сейчас нам нет резона устраивать себе проблемы еще и в этой части света. Советы гораздо более опасный противник.

Рузвельт задумчиво посмотрел на карту, борясь с сомнениями. Черчилль продолжил убеждать главу американского государства:

— После финской войны мы все считали Красную Армию колоссом на глиняных ногах. И Гитлер тоже. А теперь можем видеть, как сильно ошибались. Сталин исключительно хорошо усвоил уроки Зимней войны. Его нужно остановить, пока не стало слишком поздно.

— Я все же не уверен насчет Бразилии, господин премьер. И мы еще вернемся к этому вопросу. Но вы правы, Советы становятся серьезной угрозой. Давайте пока внимательнее рассмотрим проблемы открытия второго фронта...

23 апреля 1942 года
Москва, Кремль

— Значит, «Советы становятся серьезной угрозой». Какой нехороший человек, да? —

оторвавшись от донесения разведки, Сталин улыбнулся.

— Открытие второго фронта — это, конечно, хорошо. Это сэкономит нам жизни солдат. Другое дело, что господа Рузвельт и Черчилль хотят прекратить поставки по ленд-лизу. А это уже совсем неправильно. Вот скажи мне, Вячеслав, как дела у японцев?

Молотов пожал плечами и, поправив очки, сказал:

— Да все так же, Коба. Воюют потихоньку. Гитлер требует против нас второй фронт на Дальнем Востоке открыть, но они же не идиоты. Им и американцев с лихвой хватает. В общем, им точно не до нас.

— Может, слегка поможем, как думаешь? От генерала Ледникова нам известно, что американцы читают все японские шифровки. Надо бы нам аккуратно им об этом сообщить. Чтобы Рузвельту жизнь медом не казалась.

— Хорошая идея. Но если о ней узнают Союзники?

— Не узнают. К тому же, как видишь, они собираются нарушить свои обязательства. Нэхорошо.

Захват маленького аэродрома прошел как по маслу. Ночное десантирование — точно нечто новое для нынешних вояк. Аккуратно снятые часовые, короткий рывок — и группа Антонова полностью контролирует персонал и пилотов. Единственно, один из летчиков схватился, было, за оружие, но, получив пулю между глаз, мгновенно успокоился. Послужив прекрасным примером для всех остальных.

Теперь оставалось лишь дожидаться прибытия на аэродром одного из немецких генералов...

Генерал-oberст Линдеман, командующий Восемнадцатой армией Вермахта не слишком хотел лететь в Берлин на доклад Гитлеру. Не хотел он этого по многим причинам, одной из которых было его несогласие с решением фюрера об отступлении. Или, точнее, об его отсутствии. Даже идиоту было понятно, что как только русские возьмут Мариенбург — а это произойдет со дня на день — группа «Север» обречена.

Внезапно небольшая колонна остановилась.

— Герр генерал, — обратился адъютант к ехавшему в штабном «Хорьхе» Георгу через несколько минут, когда немецкий военачальник уже собирался вылезти из машины.

— Да, Дитрих, что-то случилось?

— Видимо, нам придется проследовать на другой аэродром.

— Почему?

— На том, куда мы направлялись, на связь не выходит спецпост, уже два раза пропустили, — адъютант пожал плечами. После нескольких случаев нападения советских диверсантов на аэродромы там ввели специальную команду, время от времени должную выходить на связь и сообщать, что все в порядке.

— Может, аппаратура неисправна?

— Возможно, герр генерал, но, наверное, лучше перестраховаться?

Линдеман задумался. С одной стороны, до другого аэродрома добираться почти на час дольше. Да и самолет пока приготовят — как минимум еще полчаса пройдет. В лучшем случае.

С другой стороны, если аэродром захвачен — что вполне возможно, русские уже демонстрировали подобное, он поедет напрямик в ловушку.

На миг промелькнула мысль о сдаче в плен, но генерал сразу же ее прогнал.

— Герр генерал?

— Да, Дитрих, пожалуй, мы все же поедем на другой аэродром. Сообщи остальным. И еще, пусть отправят туда солдат, пусть проверят, что происходит.

— Есть! — вскинув руку, адъютант удалился.

— Наблюдаю множественные цели, объект отсутствует. Повторяю, множественные цели, числом около роты, объект отсутствует, — тихо прошелестел голос Березы в уюки-

токи.

Чего бы это значило? Разведка сообщала, что охрана генерала будет не так уж и велика. Антонов недовольно нахмурился.

«Может это ловушка или отвлекающий маневр? На аэродроме оборону держать исключительно неудобно. Хотят выманить нас? Но как немчура про нас узнала?» — мысли Антонова разбегались словно тараканы.

«Продолжать операцию или не рисковать и отложить? Вопрос на засыпку...» — недостаток времени заставил Владимира принять компромиссное решение.

— Абдулов, Лебедь — валите из самолета. Остальные — отходим. Только наблюдение, повторяю: только наблюдение.

Сам майор менять свою удобную позицию не стал. С невысокого холмика, на котором он находился, прекрасно просматривался въезд на аэродром. СВТ с оптикой и аккуратно наклеенной на нее маскировкой внимательно смотрела из куста на относительно недалеко расположенный шлагбаум.

Несколько минут спустя Береза доложил, что колонна немецких солдат остановилась рядом с аэродромом.

Франц Аненбауэр был напряжен. Отсутствие в будке у въезда солдата вызывало серьезные опасения.

«Черт возьми, а вдруг и вправду русские диверсанты захватили аэродром? Но тогда их здесь уже, скорее всего, нет... почему же у меня такое чувство, словно нас ждут серьезные неприятности?» — непрошенные мысли лезли в голову ротному командиру Вермахта, мешая сосредоточиться.

Приказав своим солдатам рассеяться и быть настороже, офицер передернул затвор своего МП-38. Осторожнодвигающиеся с винтовками наперевес немцы медленно продвигались вперед, на территорию аэродрома, понятия не имея, что за их перемещениями внимательно глядят три пулемета и аналогичное количество снайперских винтовок.

Полчаса спустя немецкие солдаты уже заканчивали обыск аэродрома. Тот был пуст, и диверсантов не наблюдалось, что было хорошим знаком. Осталось проверить лишь пару строений.

Подходя к небольшому зданию, исполняющему роль жилого помещения для пилотов, уже не так напряженный Франц услышал, как из него раздается нечто весьма похожее на мычание.

Дав знак одному из своих стрелков, чтобы тот аккуратно приоткрыл дверь, Аненбауэр на всякий случай отошел подальше — он воевал как в Минске, так и в Варшаве, что автоматом означало встречу с отвратительными методами минирования, в том числе и дверных проходов.

Дверь распахнулась как-то слишком легко, но, к удивлению немецкого офицера, взрыва не последовало. Подождав несколько секунд, чтоб уж наверняка, Франц показал открывавшему дверь солдату на проем. Тот очень осторожно зашел внутрь.

— Здесь наши! — от раздавшегося крика ожидающий в любую секунду пакость Аненбауэр вздрогнул, едва не нажав на спусковой крючок.

Все так же осторожно, Франц заглянул внутрь здания. Увиденная картина его... скажем так, удивила. Несколько десятков человек, связанных и с заткнутыми ртами, стояли вдоль стен и активно мычали, явно пытаясь что-то сказать. Немецкий солдат, первым увидевший эту картину, до сих пор стоял в ступоре, явно не понимая, что происходит.

А вот Франц мгновенно осознал, что диверсанты где-то здесь, раз у них не хватило времени даже на то, чтобы перестрелять летчиков и технический персонал. Приказав стрелку немедленно начать развязывать людей, офицер ломанулся к выходу.

Выскочив из здания, лейтенант Аненбауэр собирался приказать всем залечь, но забыл про ступеньку и, спотыкнувшись, грохнулся на землю.

А еще секундой позже здание, вокруг которого собралось человек сорок, с

чудовищным грохотом взорвалось.

Наблюдающий за немцами Антонов напряженно ожидал, когда они, наконец, дойдут до здания-приманки с пленными.

Минут через двадцать-тридцать после проникновения на аэродром, немцы достигли нужного здания. Владимир поймал в прицел голову немецкого офицера, но стрелять не стал, дожидаясь, когда вокруг здания соберется побольше людей.

Вот солдат открывает дверь и чуть переждав («Опытный», — усмехнувшись подумал Антонов) заходит внутрь. Вот немецкий офицер присоединяется к своему подчиненному.

Владимир напрягся и коротко выдохнул в рацию:

— Работаем после меня, — и, едва в дверном проеме показалась фигура лейтенанта Аненбауэра, нажал на курок.

И не попал — споткнувшийся и упавший немец умудрился избежать попадания пули.

Впрочем, это мало ему помогло — вокруг здания и на аэродроме было заложено множество фугасов, сделанных из авиабомб, взятых тут же.

И через секунду после выстрела Антонова сержант Вороненко отправил по проводам сигнал на подрыв.

Два десятка разнокалиберных фугасов рванули так, что половину роты противника разом сдуло в небытие. Оставшиеся залегли и приготовились отстреливаться.

Спокойно прицелившись, выстрелом в голову Владимир уложил радиста. Перенес огонь на будку у шлагбаума, в которой спрятался еще один немец. Сделав несколько выстрелов, майор поменял цель, начав отстреливать особо активных солдат.

На фоне грохотания трех пулеметов, не дававших фашистам поднять голову, и раскатов коротких очередей «калашей», одинокие выстрелы эсвэтов были почти не слышны. Антонов, Береза и Сергиенко расстреливали фрицев словно в тире.

Несколько минут спустя все было кончено.

25 апреля 1942 года Москва, Лубянка

— Наши товарищи в Бразилии смогли переправить вот эти фотографии, Лаврентий Георгиевич, — Берия указал Ледникову на папку, лежащую на столе. Заинтересованный генерал достал из нее несколько снимков. Запечатленные на них винтовки сразу же привели к вполне однозначному выводу. Но Ледников на всякий случай все же уточнил:

— Этим оружием пользуется бразильская армия?

Берия кивнул. Генерал, хмыкнув, сел, не выпуская фотографий из рук.

— Ну, тогда я вполне однозначно могу сказать, что президент Альверде, мать его, из будущего. Ну, или точнее, что кто-то там точно оттуда, — и добавил, показывая на снимки, — это винтовка FN FAL, послевоенного производства. Бельгийская, если мне память не изменяет. Много у кого на вооружении была, у бразильцев тоже.

— До первой четверти двадцать первого века?

— Нет, конечно. Но это не означает, что эти винтовки не могли находиться на каком-нибудь складе в консервации, — генерал Ледников даже не предполагал, насколько он прав. — Тем более что они и для производства не так, чтоб уж очень сильно сложны — по большому счету это развитие конструкции СВТ. Можно даже сказать, что это она и есть, только в другом ложе и с переделанным газовым регулятором. Ну и патрон другой, конечно же.

— Интересно. И мы сможем их производить? — Берия, поправив очки, внимательно посмотрел на генерала.

— А смысл? «Калашников» ничем не хуже, и даже лучше во всех отношениях, — Ледников поднялся с жалобно скрипящего по его весом стула и начал прохаживаться по кабинету.

— Меня вот интересует, Лаврентий Павлович, что насчет подготавливаемой

спецгруппы?

— А что с ней? Все остается в силе. Слегка поменяем цели посещения этой жаркой страны — да и все. Но, я полагаю, нам пора заканчивать и ехать в Кремль. Надо сообщить товарищу Сталину о том, что в Бразилии практически наверняка пришельцы из будущего.

— Я же и раньше говорил, что это совсем не исключено? — Ледников нахмурился. Берия, дружески улыбнувшись, сказал:

— Одно дело, Лаврентий Георгиевич, «не исключено», и совсем другое дело «практически наверняка», согласитесь.

— Вы правы, Лаврентий Павлович, вы правы.

26 апреля 1942 года Бразилия, Рио-де-Жанейро

— Таким образом, господа министры, мы закончили с Аргентиной. Она теперь полностью и абсолютно наша, — президент Альверде похлопал по карте, словно подтверждая свои слова. — Я полагаю, народ ликует?

— Конечно, господин президент. Более того, народ жаждет новых побед, — отвечающий за внутренние дела и до переворота бывший лишь одним из замов прежнего министра Рамон Мария Альварес, отлично вписался в команду генерала.

— О, этого мы им предоставим более чем достаточно. Но пока мы не будем спешить. Нам надо сформировать еще пяток дивизий, перебросить часть войск обратно, интегрировать промышленный потенциал бывшей Аргентины в нашу экономику. И окончательно закончить ассимиляцию Уругвая. То есть дел хватает, — Альверде широко улыбнулся и полез в коробку за сигарой. Достав искомое, и потратив некоторое время на ее раскуривание, президент устроился в любимом кресле и добавил:

— И пока мы будем заниматься этим, несомненно, важным делом, господа генералы начнут разрабатывать план вторжения в следующую страну. И сейчас нам предстоит решить, что за государство это будет.

— Я предлагаю Боливию, — генерал Жозе Гаспар, соратник и друг Альверде еще со времен их совместной учебы и бывший к моменту попадания в прошлое полковником, подошел к висящей на стене карте.

— Позвольте, — попросил слова генерал Машкареньяш де Морасш, в старом варианте истории командовавший Бразильским Экспедиционным корпусом в Италии. Подойдя к карте, он добавил:

— Боливия обладает богатыми запасами минеральных ресурсов. У нас их пока более чем достаточно, но запасы никогда не будут лишними. Кроме того, Боливия серьезно ослаблена войной в Чако, поэтому не должна стать хоть сколько-нибудь серьезной проблемой для наших войск.

— Пожалуй, я соглашусь с вами, господа генералы. Но вопрос удара по Чили тоже следует рассмотреть. Как и по Венесуэле. Особенно по Венесуэле — у них полно нефти, стратегически необходимого нам ресурса. Так что думайте, господа, думайте. А я буду придумывать объяснения для всего остального мира, зачем нам захватывать в придачу к Аргентине и Уругваю еще и эти страны. Все свободны.

26 апреля 1942 года Москва, Кремль

В главном кабинете страны самого прогрессивного строя вот уже который час шло совещание. В основном говорили Шапошников, Василевский и Тимошенко, да еще Сталин иногда что-то спрашивал.

— Нанесем удар из Кошице на Врутки, а оттуда — на Ледице и разом заставим немцев отступить, — Шапошников, ожесточенно спорящий с Тимошенко по поводу направления

главного удара в Венгрии, несильно стукнул кулаком по столу с картой.

— Да с чего им отступать, Борис Михайлович? Они же Восьмой и Первой армиями из-под Мишкольца и Первой Танковой из-под Истебно врежут нам по флангам — и я совсем не уверен, что наши части смогут отбить такой удар в достаточные сроки.

— Именно поэтому я и предлагаю дополнить план нанесением удара по Мишкольцу силами Второго Украинского фронта. А также начать наступление из-под Кракова в направлении Истебно, — вступил в разговор Василевский. — Мы же уже рассматривали подобную возможность. Это не позволит Вермахту перебросить достаточное число соединений для фланговых ударов. И немцам ничего не останется, кроме как отступить — иначе мы окружим две их армии, — Василевский посмотрел на Сталина, словно приглашая его сделать свои выводы и решить затянувшийся спор.

Иосиф Виссарионович, задумчиво рассматривал карту, явно что-то решая для себя. Наконец, он произнес:

— Ми, товарищи, поступим следующим образом. Товарищ Тимошенко предпочитает действовать здесь очень осторожно и это хорошо. Но в случае успеха плана товарищей Василевского и Шапошникова мы достигаем очень большого успеха, фактически вышвыривая фашистов из Словакии. Поэтому мы совместим осторожность со смелостью. Сначала наши войска достигнут удобных для наступления позиций, а потом мы нанесем удар на Врутки. Я полагаю, такой вариант устроит нас всех, правда?

Маршалы согласно закивали. Сталин, улыбнувшись, отправился к столу с пепельницей и принялся выбивать в нее трубку. Приостановившись в этом увлекательном занятии, он поднял голову и произнес:

— Вот и хорошо. Давайте рассмотрим возможные препятствия нашим войскам. А затем посмотрим, что там с группой армий «Сэвэр»

28 апреля 1942 года Г. Дебрецен, Венгрия

— Товарищ майор, не подскажете, где я могу найти майора Васильева? — обратился к небритому усталому человеку, сидящему на ступенях разрушенного здания, посыльный из штаба полка.

— Это я и есть, боец.

— Вас в штаб вызывают, говорят, что срочно, товарищ майор.

Леонид поднялся и, отряхнув штаны, кивнул посыльному:

— Ну води уж тогда, товарищ красноармеец.

Десять минут спустя майор Васильев присутствовал на совещании, где присутствовали все комбаты их полка.

— Значится так, товарищи командиры, — полковник Гнатюк неторопливо отпил чая из дымящейся металлической кружки и продолжил:

— У меня есть две новости, хорошая и плохая. И начну я с плохой. Мы опять идем на острие атаки. И целью нашего похода на сей раз является замечательная речка, именуемая Тисой. Выйти нам на нее надо к юго-востоку от города Мишкольц, вот здесь, — Гнатюк ткнул в карту. — Противостоять нам будут части Восьмой Армии Вермахта.

Теперь хорошая новость — нам в усиление придадут аж целную танковую роту, — полковник покачал головой. И вздохнув, добавил, — разведка говорит, против нас мало частей, сами прекрасно справимся. И роты нам хватит.

В любом случае, нам будет легче, чем парням из Третьего Украинского. Тем Будапешт брать, а немцы точно его отдавать просто так не будут.

29 апреля 1942 года Бразилия, Рио-де-Жанейро

Сидящий в лучшем кресле своего роскошного кабинета Жозе Альверде пытался понять, что происходит. Занимаясь со времен своего появления в прошлом в основном укреплением своей личной власти, а затем реформированием промышленности и армии, он не слишком обращал внимание на международные дела. Напал Гитлер на СССР? Ну и напал. Где он там, чего он там — Альверде в тот момент не интересовало. Японцы вовремя на США напали? Вовремя. Так чего о них думать. Ось проиграет, Союзники выиграют. Ничего сложного. И пока вертится мировая заваруха, его любимая Бразилия может значительно упрочить свое положение. Хотя за прошедшее время генерал пару раз слышал краем уха про победы СССР и прочие диссонирующие с подсознанием вещи, но не придавал этому особого значения, полагая это лишь неизвестными ему эпизодами той войны.

Но теперь, после победы Бразилии над самым опасным противником на континенте генерал начал активно интересоваться, чего там, в мире, происходит, как у кого дела. И с удивлением узнал, что немцы уже выбиты с территории СССР, причем далеко, и, похоже, что надолго. А это точно должно было произойти значительно позже — он помнил операцию «Багратион», одну из лучших наступательных операций в истории, да и его прадед в сорок четвертом воевал в Италии в составе Бразильского Экспедиционного Корпуса. А если все будет идти, как идет — то до сорок четвертого война точно не дотянет.

Их появление что-то изменило в колесах истории? Но где Бразилия, и где Советский Союз...

Внезапная мысль пронзила генерала словно молния. А что... что если в прошлое попал еще кто-нибудь?

30 апреля 1942 года Берлин. Рейхсканцелярия

— Нет, вы уж доложите всем нам, Канарис, как вы проспали встречу Рузвельта и Черчилля? Объясните нам, почему я узнаю об их встрече от Риббентропа, а не от вас. Опять прошляпили! — Гитлер нервно расхаживал по кабинету, теребя в руках очередной носовой платок.

— И вот интересно мне, что они там решали, а? Может, второй фронт открыть хотят? А я еще, видит Бог, сколько времени назад говорил, что война на два фронта может разрушительно воздействовать на положение Рейха! Или, быть может, вы считаете, что одних русских нам недостаточно?! — фюрер начал заводится. — Тодт! Вы мне еще осенью говорили про тяжёлые танки! Где?! Что значит, хотели показать? И что помешало?

— Эшелон с прототипами был разбомблен авиацией русских.

— Почему не было воздушного прикрытия? Чем, черт возьми, занимается Люфтваффе?! Геринг, как это понимать?!

— Мой фюрер, до сих пор не восстановлено производство дибромэтана, без которого мы не можем производить авиационное топливо. А запасов уже не хватает, вот и экономим...

— Экономите на обороноспособности? Нам жизненно необходимы тяжелые танки! Жизненно! Восстановите уже это производство, мне не важно как!

— Но...

— Никаких но! Я, что, должен, что ли, вникать во все тонкости? А вы, Тодт, займитесь производством этих новых танков! Выпускайте как можно больше! Хватит их испытывать, у нас на это нет времени!

— Но, мой фюрер, мы не сможем одновременно выпускать достаточное количество тяжелых танков и средних, — министр вооружений попытался вразумить Гитлера.

— На нас вся Европа работает! Хотя теперь, как видим, это уже не совсем так. Почему так долго тянули?!

— Так ведь не было образцов, достойных серийного выпуска.

— А почему у Сталина они были? Сколько воюем, а сейчас узнаем, что образцов не

было?! Хватит мне лгать! Немедленно ставьте их в производство! Теперь вы, Кейтель. Докладывайте.

— Обстановка критическая, мой фюрер. Русские практически полностью захватили Польшу, стягивают котел вокруг Кёнигсберга. Сейчас нависла угроза и над Данцигом. После падения Мариенбурга мы остановили их у Черска, но долго удерживать его не сможем.

Румыния также фактически у них под контролем. Михай со дня на день выйдет из войны. Но это уже не слишком важно, поскольку большевики уже в Венгрии, где сейчас идут ожесточенные бои. Отмечается стягивание сил для удара в направлении на Врутки и на Мишкольц. Кроме того, Советы начали наступление из-под Кракова на Истебно. Боюсь, сразу две наши армии находятся под угрозой окружения. Предлагаю оставить их нынешние позиции, отступив на линию Истебно — Врутки — Гудинин.

— Как отступить?! — взвился Гитлер. — Кейтель, вы в своем уме?! Мы же фактически теряем Венгрию и здоровенный кусок протектората Богемии и Моравии! А нам как никогда нужна промышленность последнего!

— Но, мой фюрер, в противном случае мы можем потерять до ста пятидесяти тысяч солдат!

— Сталин никогда не додумается до такой операции, а его тупоголовые командиры и комиссары, командующие дивизиями, — тем более! И даже если додумается — все равно не сможет ее осуществить. Поэтому, Кейтель, из района Мишкольца готовьте контрнаступление в направлении на Дебрецен, понятно? Или вам пора в отпуск?

— Понятно, мой фюрер.

1 мая 1942 года Окрестности города Браунсберг

Гвардии старший лейтенант Никита Голенко начала этого боя ждал спокойно, без нервов. Что, в общем-то, и не удивительно после пережитых боев. Однако тупое сидение в засаде и ожидание боя вот уже в течение часа начинало раздражать. Сегодня с утра сводный отряд из батальона тяжелых танков и батальона «тридцатьчетвёрок» обогнал отступающих к Кёнигсбергу немцев и затаился в засаде на одной из дорог.

Вдруг ожила рация, коротко прошипев знакомым голосом:

— Зубр-Один, я Орел-Два, прием!

Практически сразу послышался голос комбата:

— Я Зубр-Один, слышу вас, прием.

— Вижу колонну бронетехники противника... до батальона танков и бронетранспортеров! Повторяю, бронетехника противни... на встречном кур... удаление до двух киломе... я — ... прием.

— Понял вас, Орел-Два. По нашей дороге? Прием!

— Да, удал... двух километров, прошли перекресток, прием.

— Понял, Орел-два. Что окрестности? Прием.

— ...нор... Два. Прием.

— Не понял, я — Зубр-Один, Орлу-Два, повтори! Прием!

— Окр... льно... нет... повторяю, с флангов никого... рием.

— Понял, Орел-Два. Спасибо! Прием! — закончил общение с наблюдателем комбат.

И через несколько секунд добавил:

— Я Зубр-Один, всем. Полная готовность.

Голенко весь подобрался и быстро перепроверил готовность своего взвода.

Последние минуты ожидания тянулись дольше, чем весь предыдущий час. И вот, наконец, появилось охранение колонны — обычные несколько мотоциклов, известных любому любителю послевоенного кино.

Однако рация зашипела лишь после того, как из-за поворота выползла уже значительная часть всей колонны.

— Я Зубр-один, всем! Огонь через пять секунд!

— Четыре... три... два... один... — отсчитывающий последние секунды Никита вздохнул и на выдохе коротко рявкнул:

— Огонь!

Глухо ухнула пушка, чей снаряд прошел броню «тройки» насквозь. С фатальными для экипажа последствиями. Буквально полсекунды спустя в пылающий танк влетел еще один гостинец — все-таки цели рота разобрать не успела.

— Бронебойный!

— Готово!

Голенко прицелился правее и всадил мощнейший снаряд в очередную жертву, после чего, еще немного переместив башню, начал наводить орудие на следующую машину. Но, за мгновение до выстрела лейтенанта, красующийся в его оптике танк сполна получил от кого-то из «ИСов». Сдетонировавший боекомплект разорвал «немца» на куски, отшвырнув длинноствольную танковую пушку далеко в поле. Последний из выживших фашистских танков, скрываемый встающими вокруг него фонтанами земли и дыма от рвущихся снарядов русских гигантов пытался отступить и даже почти преуспел, получив свое уже скрываясь за поворотом.

Больше отсюда целей не было видно. Головную часть колонны уничтожили секунд за тридцать-сорок, а остальные танки и бронетехника были скрыты за поворотом. Снова зашипела рация:

— Зубр, я Орел-Два, прие...

— Чего тебе? Прием!

— Задние еще не поняли, в чем де... Колон... уплотняется. Прием.

— Зубр-Один, я Зубр-Два, фланговую атаку, прием? — в эфир вылез бывший комиссар Шульга.

— Сам разберусь! Орел-Два, смотри за флангом! Прием!

— Понял ...рием!

— Я Зубр-Один, Дубу. Играй, повторяю — играй!

— Я Дуб, принял, — в ход пошли ждущие своего часа «тридцатьчетверки».

«ИСы», форсируя моторы, помчались вперед. Перед вылетающими из-за поворота советскими танками открылось во всей красе скопище фашистской бронетехники. Немецкие броневики и танки активно лезли на поле, спешно пытаясь развернуться в подобие боевого строя. Едва увидев советские машины, вся эта орда открыла встречный огонь.

Бумкнувший по броне снаряд тряхнул железного коня лейтенанта, из-за чего Голенко едва не откусил себе язык, но командовать подчиненными не прекратил, отметив про себя, что бойцы неплохо держатся и даже попадают, даром, что это один из их первых боев.

По броне звякнуло еще пару раз. Никита начал уже волноваться — попадут еще в гусеницу или каток — когда огонь открыли «тридцатьчетверки».

И немецким танкистам сразу стало не до драки с наступающим батальоном «Сталиных». Появления советских танков в своем тылу эсэсовцы из «Мертвой головы» совершенно не ожидали и закономерно скатились в панику, после чего ни о каком сопротивлении речь далее уже не шла — воины СС развернулись все как один и обратились в бегство.

Гнаться на тяжелых «ИСах» за немцами, удирающими по шоссе, было бы идиотизмом и в планы комбата не входило. Поэтому Третий Отдельный танковый полк Особой Армии быстро добил бронетранспортеры и застрявшие и заглохшие «панцеры», после чего, пройдя насквозь поле битвы, заставленное дымящейся техникой, встал. Ехавшая следом на БМП пехота уже прочесывала дорогу и окрестные поля, выискивая раненных и прячущихся немецких солдат. Очередной день войны только начинался...

**2 мая 1942 года
Москва, Кремль**

— Пока что нашим войскам не удастся взять Мишколец, товарищ Сталин. Немцы нанесли там контрудар, отбросив наши войска обратно к Тисе. Дальше они не продвинулись, но наступление на Врутки похоже придется приостановить, — Василевский развел руками, словно оправдываясь.

— Это нэхорошо, товарищи маршалы, — Сталин недовольно покачал головой. — Какой у нас рэзэрвный план?

— Вернуться к изначальному плану товарища Тимошенко, — ответил поднявшийся Шапошников. — Следуя ему, мы, может, и не уничтожим разом две армии Вермахта, но потихоньку вытесним противника в Чехию, — и, секунду помявшись, маршал добавил:

— Есть и еще один план, товарищ Сталин. Но он несколько рискованный.

— Давайте послушаем, Борис Михайлович. Вернуться к плану товарища Тимошенко мы всегда успеем.

— Идея в том, чтобы высадить на вскрытый разведкой полевой аэродром между Банско-Бистрицей и городком Лученец — рядом с Зволеном — две воздушно-десантные бригады. После чего нанести ими удар по расходящимся направлениям — одной бригадой собственно на Банско-Бистрицу, а второй — на Крупину. Одновременно с этим изменить направление удара Первой Гвардейской Армии — вместо города Врутки будем наступать на Брезно и далее на Банско-Бистрицу, для соединения с десантниками...

— Как-то у Вас, Борис Михайлович, все больно легко выходит, — заметил Сталин. — Хотя даже десантирование двух бригад в условиях противодействия нэмцев — уже исключительно трудная задача.

— Собственно, именно поэтому десантирование будет производиться ночью.

После подобного заявления в кабинете мгновенно стало очень-очень тихо. Отходящий к окну Сталин приостановился и, повернувшись и помахав неизменной трубкой, с удивлением спросил:

— Что вы имеете ввиду, товарищ Шапошников? У нас две бригады будет прыгать ночью?

— Нет, товарищ Сталин. Замысел предусматривает транспортировку личного состава посадочным способом. Диверсионные группы захватывают аэродром и подсвечивают его для наших самолетов. Ну а они уже спокойно приземляются и высаживают солдат.

— Интэрэсная мысль, Борис Михайлович. Ми все должны ее обсудить и внимательно рассмотреть, ведь так, товарищи? — и, не дожидаясь одобрительного гула, вождь пригласил Шапошникова поближе к карте.

8 мая 1942 года **Полевой аэродром, местечко Зволен, Чехословакия**

Выдернутые с разных фронтов лучшие разведывательно-диверсионные группы, осторожно собирались вокруг нацистского аэродрома. Снайперы уже заняли свои позиции, группы прикрытия — тоже, а штурмовые отряды только-только выходили на предназначенные им планом места.

Непосредственно командующий операцией майор Антонов занял свою позицию уже с час назад, внимательно высматривая в прицел полюбившейся АВС перемещающихся часовых.

Коротко шепнула рация:

— Пятый, — вот и еще одна штурмовая группа на месте. Осталось еще три.

Накануне прошел дождик и от мокрой земли тянет сыростью. Но Владимир не шевелится, хотя его крайне сложно заметить в полуночной тьме.

Еще три слова. Каждое — номер готовой группы. И атака.

Старший сержант Сергиенко не рискнул подбираться с ножом к немецкому часовому. Лужи, оставшиеся после вчерашнего дождя, могли захлупать под ногами в любой момент.

Поэтому в ход пошел «Наган» с глушителем. Хлопок — и часовой оседает в грязь. Аналогичную операцию проводят еще несколько человек.

На территорию аэродрома прошли без шума. Короткий рывок — и штурмовые группы у назначенных зданий. А потом, уже не скрываясь, одновременно вломились в казармы, на КП и склады. Короткие очереди, грохот переворачиваемой мебели — и вновь тишина.

В темпе обыскав аэродром, штурмовая группа начала установку осветителей, взятых у групп прикрытия, постепенно, по одной, подтягивающихся к летному полю.

Антонов, передав сигнал за линию фронта, слегка расслабился, не теряя, впрочем, бдительности.

И меньше, чем через три часа на взлетную полосу стали садиться первые ТБ-3 и «Дугласы», несущие в себе солдат двух бригад ВДВ.

Самолетами также были переброшены минометы и 45-миллиметровые противотанковые пушки. И даже несколько легких бронеавтомобилей — в качестве «последнего аргумента».

Десантники, уже два часа спустя захватив Зволен, оседлали трассу между Банско-Бистрицей и Крупиной и повели наступление в двух направлениях. 214-я бригада ударила на север, к Бистрице и Брезно, в то время как воины 201-й бригады по этой же дороге двинулись в другую сторону. И те, и другие по пути уничтожали как встреченные обозы, так и мелкие группы немцев.

Неподалеку от Крупины солдаты отдельной разведроты перерезали недавно выстроенную немцами железную дорогу, по которой из Остравы снабжались части Вермахта, воюющие в Венгрии. Едва это произошло, как один из дозорных сообщил о приближении поезда. В темпе подорвав часть колеи, десантники приготовились к встрече дорогих гостей. Подкативший буквально сразу паровоз оказался настоящим подарком.

Когда с немногочисленными обороняющимися было покончено, майор Аленский с удивлением узнал, что захваченный его бойцами эшелон вез к фронту боеприпасы.

О том, что недостаток именно этих самых снарядов и патронов в критический момент привел к сдаче немецкими войсками Будапешта, майор так и не узнал.

9 мая 1942 года Бразилия, Рио-де-Жанейро

Президент Альверде был в задумчивости. Внимательное изучение всей доступной информации приводило к однозначному выводу — у СССР тоже имеются пришельцы из будущего. Причем пришельцы не хилые — раз так накатили Гудериану и К.

Был, правда и еще один вариант: они попали в прошлое не своего мира, а параллельного. Этот вариант был удобнее. Но интуитивно генерал понимал, что вероятнее всего произошло именно первое.

И теперь во всей красе перед президентом Бразилии стоял извечный русский вопрос: что делать?

О положении своей страны генерал иллюзий не имел, реалистично оценивая возможности освоения новых технологий. Захват Аргентины и Уругвая, конечно же, серьезно увеличил промышленный потенциал Великой Бразилии, но в сравнении с потенциалом США или других промышленных монстров он выглядел, мягко говоря, слабовато. Даже с новыми технологиями.

Стране были нужны станки. Американцы согласились поставлять некоторое их количество, в обмен на каучук и другие важные ресурсы. Но этого было недостаточно. Абсолютно и совершенно недостаточно.

Альверде с некоторой дрожью вспомнил, какого труда стоило организовать производство не самых сложных образцов бронетехники — самоходок, весьма сильно напоминавших немецкие «Хетцеры» — и винтовок. На нечто большее он, несомненно, замахивался, но очень-очень медленно и аккуратно.

Попробовать поторговаться с русскими? Не очень удачная мысль. Если Советы еще не догадались о присутствии в Бразилии иновременных пришельцев при наличии своих таких же, то вскоре догадаются. И вряд ли захотят растить себе противника.

К США генерал тоже не питал особо теплых чувств, прекрасно понимая, что те им попросту попользуются и кинут при первой же возможности.

Кто у нас остается? Япония? Им уже явно не до Бразилии. И, хотя они вроде как успешно сопротивляются американцам, но чем все кончится — прекрасно известно.

Германия? Те тоже уже не жильцы. Стоп. Не жильцы? Именно! Пока есть возможность, можно аккуратно договориться с немцами. Тогда, в прошлом варианте, они здорово помогли Аргентине, особенно с военной промышленностью. Те даже свой реактивный самолет умудрились сделать. Так может предложить им убежище и воспользоваться немецкими научным и промышленным потенциалом и опытом?

С другой стороны, если это всплывет, все может закончиться еще хуже. Тот еще вопросец...

10 мая 1942 года

Городок Крупина, Чехословакия

— Жопа к нам приходит, жопа к нам приходит, жопа к нам приходит, полная жопааа, — дурацкая переделка мелодии из рекламного ролика про Кока-Колу и Новый год с самого утра крутилась в голове Антонова, выводя его этим из себя.

Учитывая, что атаки одной из отступающих пехотных дивизий немцев, пытающихся прорвать кольцо окружения, также продолжались с самого утра, поводов для радости было как-то маловато.

— Гоги, а ты можешь доказать теорему Пифагора? — услышал Владимир разговор нескольких солдат, отдыхающих в недолгом перерыве между боями. Несмотря на то, что эту подколку молодого грузина он уже знал, майор все равно продолжил слушать.

— Канэчно, могу. Правда, — парнишка никак не мог понять, что тут смешного?

— Ну докажи?

— Она правильная, — безапелляционное заявление грузина вызывало улыбку.

— Почему?

— Мамоу клянусь!

Послышался смех. Антонов усмехнулся. Несмотря на молодость и некоторый недостаток знаний грузин был неплохим солдатом. Не то что те, на Второй Грузинской.

Полезшие в голову воспоминания о прежней жизни прервал рванувший неподалеку снаряд. Свист осколков как-то не оставлял места для ностальгии. Очередная атака немцев только начиналась.

12 мая 1942 года

Окрестности города Кёнигсберг, Восточная Пруссия

— Голенко! — обернувшийся танкист увидел направлявшегося к нему майора Колобанова. Уже подходя к замершему танкисту, комбат бросил:

— Никита, отбой своим парням дашь. Сегодня в атаку не пойдем.

— Так точно, товарищ майор. А почему не пойдем-то?

— Да черт его знает. Вроде как Гитлер город неприступной твердыней объявил. Вот, наверное, командование и хочет его так взять, чтоб весь мир увидел, что с «неприступными твердынями» бывает.

— Нет таких крепостей, которых не могут взять большевики! — присоединился к разговору политрук Шульга. Никита терпеть не мог этого сорокалетнего мужика. Сам не знал почему.

— Вот-вот, Петр Матвеевич. Врежем немчуре так, чтоб они не то, что костей, пепла не

собрали. Как под Минском! — майор Колобанов и Шульга хохотнули, вспоминая бой их тогда еще роты, в котором они сожгли полсотни фашистских танков. Зиновий Колобанов именно после этого Героя получил. Шутка ли — двадцать два танка за один бой!

— Я с Говорковым говорил. Им еще боеприпасов довели. Так что еще пару деньков расхреначивать Кёнигсберг артиллерией будут.

Чего Шульга не знал, так это того, что несколько последних ночей в район Кёнигсберга доставляли многочисленные РСЗО, в том числе и оснащенные новехонькими трехсотмиллиметровыми снарядами. «Андрюши» вместе с «Катюшами» должны были в очередной раз продемонстрировать всему миру бессмысленность сопротивления Красной Армии.

Советское командование не намеревалось класть десятки, а то и сотни тысяч солдат в лобовых атаках на превращенный в крепость, опоясанный рубежами долговременной обороны и забитый ненамеренными сдаваться частями Вермахта, город.

13 мая 1942 года Кёнигсберг, Восточная Пруссия

«Ну, вот и еще один день начался. Как же достало это утомительное ожидание ночных обстрелов», — Йохан Таль передернул плечами. Ночная прохлада заползала под шинель, не давая уснуть.

«Город окружен. Нам крышка. Но этот дебильный фон Ляш слушает Гитлера распахнув рот. Идиот. Не зря папа говорил, что с русскими лучше не связываться. И Бисмарк то же самое говорил. Вот уж кто точно был великим человеком, не то, что этот бесноватый урод. Дерьмо! Ну почему мы все так верили этому шизоиду!», — мысли немецкого солдата явно не отличались восторженностью.

«Может попробовать сбежать? Наверняка ведь все, что говорят — пропаганда и ничего больше. Черт, а вдруг правда? Ну хоть на сколько-то? И меня ведь в Сибирь отправят... а там жутко холодно и страшные медведи. У них даже в европейской части такие морозы, что вообще кошмар. А что же тогда в Сибири? Может даже и хорошо, что нас выпнули из Белоруссии. А то мы до Москвы точно не дошли бы — поперемерзли бы все по дороге. Всей долбанной армией», — мысль Талья была прервана грохотом разрывов.

«Ну вот, опять началось. И зачем устраивают эту свистопляску? Ведь постреляют час-другой, твари. И чего они добьются? Пока в крепости сидит фон Ляш — город вы не получите», — думал немец, заползая в укрытие. На всякий случай.

Удобно устроившись на предварительно захваченном покрывале, Йохан даже закурил. Затянувшись пару раз, он с недовольством посмотрел на полупустую пачку.

«Черт, надо еще сильнее экономить. Скоро кончатся», — солдат уже неделю курил только в караулах, чтобы не делиться сигаретами с менее запасливыми сослуживцами.

Грохот бьющей по городу артиллерии нарастал. Это было необычно. Советская артиллерия на той неделе обстреливала город с регулярным темпом, словно никуда не торопилась.

Йохан напрягся. Что-то было не так. А потом среди рева рвущихся снарядов он различил знакомый свист.

— ??!!!! Дерьмо!! Это же полный... — немец орал во все горло все ругательства, которые знал, попеременно смешивая их то с богохульствами, то с молитвами.

Жуткий вой ракет, подкрепленный взрывами снарядов крупнокалиберной артиллерии, сводил с ума. Бросив винтовку, Таль скрючился на земле, обхватив голову руками. А страшный грохот не прекращался, становясь все громче и громче.

В ужасную какофонию тем временем вплетались новые, незнакомые звуки — сташестидесятимиллиметровые минометы и трехсотмиллиметровые «Андрюши» в боях еще не применялись.

На глазах Йохана в один из домов влетел снаряд, мигом превративший каменное

здание в груды щебня.

Появившиеся над городом бомбардировщики, сбросившие термобарические бомбы вперемешку с напалмовыми, не были даже замечены.

Красивый старый город, перепахиваемый вглубь и вширь всеми видами оружия, созданного советскими конструкторами, прекращал свое существование. Красная армия давала настоящий ответ за Минск и другие уничтоженные нацистами города, сталью и огнем показывая, что ждет сопротивляющихся.

16 мая 1942 года Передовица газеты «Правда» «Падение Кёнигсберга. На очереди Берлин!»

Вчера ночью закончились последние бои в одном из могучих бастионов нацистов — Кёнигсберге. Доблестные советские войска, ведомые замечательными командирами и приказами нашего любимого вождя, товарища Сталина, сломали последние остатки сопротивления в «неприступной твердыне», снова продемонстрировав народам Европы и мира неотвратимость победы великого и могучего Советского Союза!

На протяжении многих столетий Восточная Пруссия была рассадником самого жуткого варварства. Прусские короли короновались не в своей столице — Берлине, а именно в нем, павшем вчера бастионе — Кёнигсберге. Прусские алчные юнкеры, эти потомки кровавых псов-рыцарей, олицетворяющие все самые темные стороны германской истории — насилие, ложь, непомерное высокомерие, служили главным оплотом германской реакции и милитаризма. Их политика была политикой хищников без традиций, не признававших ничьих прав и никаких обязательств. Они участвовали во всех войнах в Европе, стремились нагнать как можно больше добычи. Они сыграли роковую роль в кровавых планах Гитлера. Восточная Пруссия, протянувшаяся далеко на восток, была для них цитаделью, бастионом, выдвинутым вперед плацдармом для разбойничьих набегов на нашу любимую Родину.

Гитлер убеждал весь мир и немецкий народ, что Кёнигсберг не может пасть. В который раз советские солдаты, летчики и моряки показали, что кровавый выродок, правящий Германией — лжец. Бойцы Красной Армии шли по пятам врага и той самой земле, по которой около двухсот лет назад, в Семилетнюю войну, победоносно шли на столицу Восточной Пруссии — Кёнигсберг — русские полки, шли так, словно это было недавно! За двести лет здесь не смог простыть след русских войск. Красноармейцам казалось, что впереди во тьме ночи дымят костры русских бивуаков. Потомки шествовали по стопам предков.

И не посрамили их! Во время штурма Кёнигсберга было написано множество полных ярких примеров мужества и отваги страниц истории Красной Армии, под предводительством великого Сталина приведшей в исполнение приговор истории над прусскими милитаристами!

Гнусному режиму Рейха осталось недолго. Уже скоро Красная Армия победоносным маршем пройдет по улицам Берлина. Уже скоро Советский народ будет праздновать Победу над самым страшным врагом в истории человечества! Ведомые волей товарища Сталина и учением великого Ленина, мы справимся с величайшей задачей построения коммунизма! И, как доказывает падение Кёнигсберга, перед нами нет непреодолимых препятствий и «неприступных твердынь»! Никто и ничто не сможет остановить единый Советский народ!

Кёнигсберг пал. На очереди Берлин!

17 мая 1942 года Город Мишкольц, Венгрия

— Эй, Лёнь! Леонид! Майор Васильев, мать вашу! — наконец услышавший сквозь рокот танковых моторов крики майора Шимазина, Леонид обернулся.

— Товарищ майор?

— Ты чего, оглох что ли? Чуть горло не сорвал, пока докричался.

— Надо было подойти и спокойно сказать, а не вопить с другого конца города, — недовольно буркнул уставший Васильев.

— Да ладно, я ж так, показать тебе чего хотел. Топай, давай, за мной, — и, приглашающе махнув рукой, Шимазин зашагал туда, откуда появился.

— Эй, Терентий, а чего там такого? Важное что или как? Мне еще с танкерами договариваться насчет совместных действий.

— Забей на танкеров. Нашему полку две роты «суворочек» выделили.

— Скорее уж «сучек», — бросил один из танкистов, прислушивавшихся к разговору.

— Ну, это кому как, — мягко заметил Васильев, наспорившийся с танкистами насчет методов взаимодействия и не желавший спорить теперь еще и на эту тему.

— И чего они нам их выделили? — поинтересовался Леонид, идя вслед за Шимазиным. — Я в том смысле, что нам-то чего напрягаться? Сегодня выделили, завтра заберут...

— А ты не слышал что ли? Нашу дивизию скоро в тыл отправят. Последняя операция — и назад. Пополнение получать и технику. Нас «мотострелками» делать будут.

— Ты-то откуда знаешь? — укорил комбата Васильев.

— Да мой шурин сейчас в такой дивизии воюет под Кёнигсбергом. А начинал также в обычной стрелковой.

— И ты решил, что нас будут переформировывать? С чего?

— А зачем еще нам «сушки» прикреплять? И говорить при этом что-то типа: «Привыкайте. Будете теперь богато воевать»? Я это сам от комдива слышал.

— Да мож шутовал генерал?

— Родимцев в таких вещах не шуткует. Да еще и при Малиновском.

— Где самоходки-то? Ты ж говорил они в пяти минутах? А мы уже точно больше десятка топаем?

— Да пришли уже. Вечно ты, Васильев, всем недовольный.

— Не недовольный, а неудовлетворенный, — Леонид улыбнулся. Шимазин, покосившись на выражение лица Васильева, задумчиво добавил:

— Ага. Точно. Бабу тебе нужно. Но тебе ж у нас абы кто не нужен, так ведь? Тебе звезду Голливуда подавай, — и, едва сдерживая рвущийся наружу смех, Терентий с самым серьезным видом погрозил майору пальцем.

— Я вам, товарищ майор, когда-нибудь голову оторву, вот честное слово.

— Ну, бравого майора Шимазина для подобной экзекуции еще догнать надо, а он всегда быстрее некоего Васильева бегал, — и оба рассмеялись.

Капитан, командовавший одной из рот самоходов долго не мог понять, над чем хохочут эти два усталых человека.

Простая реакция на грязь и кровь войны.

18 мая 1942 года Город Мишкольц, Венгрия

— В целом, задачи и цели понятны? — полковник Гнатюк, с неизменной кружкой в руке, внимательно смотрел на командиров батальонов.

— Да чего тут понимать. Топаем во втором эшелоне после танкистов. Занимаем позиции и ждем немчуру. Как какие серьезные проблемы — зовем «сухарей», — майор Ляпичкин пожал плечами.

— Вы, товарищи командиры, все же не забывайте — командарм Малиновский лично со мной говорил. Просил удержать контрудар. Мы — лучший полк в дивизии генерала

Родимцева. И должны это доказать! — Гнатюк одним глотком допил чай и с силой стукнул кружкой по облезлому столу. — Вы уже знаете, что это — наша последняя операция как стрелковой дивизии. После нее — в тыл. Отдохнем, получим пополнение и технику. Так что лучше бы нам не опростоволоситься.

— Товарищ полковник, справимся мы, я уверен. Не подведем, — Шимазин оптимистично улыбнулся.

— Надеюсь, товарищи, надеюсь, — полковник вздохнул. — Ладно, все свободны. Идите, ставьте задачи ротным. Выходим через три часа.

19 мая 1942 года

Васильев устало опустился на землю. Сил у него больше не оставалось. Шимазин сидел так уже несколько минут, в перерывах между затяжками продолжавший выговариваться старому другу:

— Не, ну ты представляешь, Лень, эта сука про Женевскую конвенцию кричала? Эсэсовский урод. Когда они наши деревни в Белоруссии и на Украине сжигали целиком, вместе со всеми жителями, они про конвенции не вспоминали. Или когда расстреливали наших политработников. Как там? «Евреи и комиссары два шага из строя». Твари.

— Эсэсман — он и есть эсэсман. Чего с него возьмешь. Зато танкист нормальным оказался. Честный солдат.

— Это который «сухарей» ненавидит?

— Ага. Только ненавидел. Его при третьей контратаке кончило. Он, кстати, «сухарь» «ратш-бумом» называл.

— Чего? — переспросил Васильева Шимазин.

— «Ратш-бумом», — повторил майор, небрежно ткнув рукой в темноту, изредка разрываемую далекими вспышками.

— Пускай привыкают, — Терентий передернул плечами, — у нас их все больше и больше с каждым днем, — и он коротко и нервно хохотнул.

Где-то вдалеке прогремела серия взрывов.

— Немецкие легкие самоходки, — Шимазин выбросил сигарету и, встав, начал разминать шею. — Недалеко. Так что скоро опять наша очередь лезть в бой.

— Когда Малиновский ударит уже?

— Ночью мы должны нащупать слабые точки, а Малиновский контратаковать будет утром.

Немного помолчав, майор добавил:

— И хотя это логично, мне как-то надоедает быть постоянной морковкой перед немцами. А то кто знает, что они придумают в следующую секунду.

— Хуже, чем в Варшаве, скорее всего не будет. Это уж наверняка, — поднявшийся на ноги Васильев хлопнул друга по плечу. — Ты-то чего здесь остался? Тебя ж зацепило, Терентий. Сидел бы уже в госпитале при штабе.

— Обижаешь Лень. Здесь, конечно, не гостиница, а грязный окоп в мокром лесу. Но я сам должен командовать своими парнями. Не первый раз, в конце концов. В финскую бывало и не такое. Я обстрелянный солдат, товарищ майор, а не какой-нибудь мальчишка. Обидно только, что командарм, наверное, где-нибудь в другом месте по немчуре врежет, а мы не увидим и не услышим.

— Да ладно, не парься, — Васильев хмыкнул. — Если Малиновский устроит, наконец, свой любимый «Большой Бум», то все прекрасно слышно будет.

— Слушай. Вот мы уже давно вместе служим. А ты вообще сколько в армии?

— С тридцать восьмого, — сказал Леонид после некоторого молчания. — Я даже на Халкин-Голе повоевал. Но Испанию я не застал. Хотя хотелось тогда туда отправиться.

— А чего не поехал?

— Молодой был, в училище еще учился. Командир толковый был, слышал, как мы с

друзьями это обсуждаем, по ушам надавал, типа «вам учиться и учиться еще, не фигу всякой дурью маяться». Хороший был мужик.

— Был?

— Еще в финскую в землю лег.

— Вон оно как.

Два командира помолчали, тревожно вслушиваясь в предрассветную тьму.

— Товарищ майор, — прервал их молчание появившийся, словно из ниоткуда, якут.

— Да, Федор, — Васильев кивнул, разрешая говорить.

— К роще немецкие танки идут. Много.

— Много — это сколько?

— Темно, товарищ майор, трудно посчитать. Но где-то тридцать-сорок.

— Не фигу ж себе. Видать не понравилось им, чего мы с их эсэсманами сделали.

— Товарищ майор, — прервал Шимазина Охлопков. — Я точно не уверен, но это какие-то новые танки.

— В смысле?

— Здоровые. Как КВ, а то и больше. Я таких раньше не видел.

Два комбата обеспокоено переглянулись.

— Терентий, посмотри чего там за танки и вообще че-как, а я людей организую? — Шимазин согласно кивнул.

— Давай, веди меня, товарищ Охлопков. Разберись тут, Леня, — и майор, пригибаясь, побежал за якутом.

Раздав указания расчетам четырех сорокапятимиллиметровых противотанковых орудий и нескольким бронебойщикам с РПГ, Васильев стал ждать возвращения Шимазина.

Тот вернулся достаточно быстро, и, грохнувшись в окоп рядом с Леонидом, быстро произнес:

— Плохо, Леня. Очень плохо. Охлопков прав — это новые танки. Явно ничего хорошего. Прут как на параде, не боятся ничего.

— Далеко?

— Километрах в трех пока. Но мимо нас точно не пройдут. Часть прет напрямик к нашему замечательному леску, — Шимазин обвел рукой вокруг головы.

— Пехтура есть?

— Сидят на броне. Танковый десант, черт бы их побрал. Одна надежда — если рацию починят наши герои, и мы сможем летунов вызвать.

— Вряд ли те успеют, даже если сейчас их вызывать будем. Но давай посмотрим этот вариант, — уже вскочивший Васильев повернулся к Охлопкову и добавил:

— Федя, очень надо. Если какой урод из танка свою башку высунет — снимешь его, хорошо?

— Так точно, товарищ командир, сниму, — кивнувший сержант вновь исчез.

Меньше чем через пару минут Васильев разговаривал с радистами, отчаянно пытающимися с помощью починенной кое-как рации вызвать штаб.

— ...Глаз... ва...прие... — среди неразборчивого шипения послышалась перебиваемая помехами речь.

— Я десятый, вызываю Глаз-1, прием!

— Я... слы...ошо... риет...

— Я десятый, срочно нужна помощь авиации, атакован батальоном тяжелых танков, повторяю, срочно нужна помощь, атакован батальоном тяжелых танков с поддержкой пехоты, прием!

— ...зиция? Пов...ряю, уточните свою...

Васильев уточнил, с трудом удерживаясь от использования мата.

— Помощь скоро будет, постарайтесь продержаться, помощь уже идет. Повторяю, держаться! — неожиданно четко прозвучало из приемника.

— За что, за хрен что ли держаться? — буркнул злой Шимазин.

Вдалеке щелкнул выстрел. Затем — еще один. И еще.

— Охлопков работу на свою голову нашел? — Шимазин посмотрел на Васильева. Тот пожал плечами.

— Хороший боец. Один из лучших у меня. Я его к Красному Знамени представил. Будет его третьей серьезной висюлькой.

— А чего у него еще есть?

— Красная Звезда и еще одно Знамя, как у меня. Скоро, чувствую, он у меня на Героя потянет. Фрицев отстреливает десятками. Снайпер.

— Повезло тебе с ним, — Шимазин покачал головой. — Мож отдашь?

— Ага, счас. Да он и не пойдет, Терентий. У него в моем батальоне брат погиб, еще зимой, в Варшаве. Вот Охлопков чего-то вроде клятвы дал. «Дойду до Берлина». И после мелкого ранения снова ко мне вернулся. Братья в моей тогда еще роте лучшим пулеметным расчетом были. Их вместе и накрыло. Только Федору повезло — его краем зацепило. А его брата... — Васильев замолчал. Шимазин понимающе кивнул. Вздохнув, Леонид продолжил:

— Я, когда его из под обвалившейся стенки вытаскивал, думал, что Федор все, не жилец. Весь в крови, мозгами обрызганный. Я не сразу понял, что это по большей части не его. Вижу, дышит с трудом, ну, думаю, надо его успокоить что ли. И приговаривал что-то вроде «Все хорошо будет. До Берлина дойдешь, за брата отомстишь». Сам не понимал, что несу, — Васильев снял с пояса фляжку и, отпив содержимого, продолжил:

— А тот, когда очнулся и в себя пришел, решил, что только со мной до Берлина дойдет. И как с цепи сорвался. Немцев стал косить как в тире. Так что не пойдет он, Терентий к тебе. И я не отдам.

— Да ладно, это я так. Думал, может... — начавшего объясняться Шимазина прервал прозвучавший на опушке взрыв. Немцам потребовалось всего несколько минут, что бы понять, откуда прозвучал выстрел.

Появившийся спустя еще полминуты Охлопков, смущенно улыбаясь, доложил:

— Товарищ майор, я какого-то фрица, высунувшегося из танка, застрелил, как вы и приказывали. А потом решил, что раз уж начал, то можно еще по пехоте на броне пострелять. Человек пять снял.

— Молодец, Федор. Я так понимаю, у нас сейчас гости будут, так что держи РПГ, — Васильев протянул якуту трубу гранатомета. Тот закинув винтовку за спину, аккуратно принял подарок для немцев.

— Вот, еще пару снарядов держи, и дуй на позицию. И это. Бить танки в борт. В лоб может и не взять.

— Так точно, товарищ майор.

Посмотрев вслед убежавшему якуту, Васильев повернулся к Шимазину и, горько усмехнувшись, произнес:

— А до отпуска всего ничего оставалось, а?

— Не бойсь, Леня, прорвемся. Тебе еще звезду Голливуда в жены надо найти. Так что помирать нам еще рано.

Васильев улыбнулся и, поудобнее перехватив свой ППС, приготовил свисток.

Иван Васильев, пилотирующий новехонький Су-8, получил новое целеуказание буквально через пять минут после вылета. На логичный вопрос, чего происходит, командир эскадрильи в несколько грубой форме посоветовал не задавать глупых вопросов. Потом, правда, добавил, что там полк пехоты погибает и им срочно нужна помощь. Про то, что спасти Иван будет своего однофамильца, комэск ничего не сказал.

Восемь самолетов после этого сообщения вдруг стали казаться какими-то медленными. Выжимая из них все что можно, летчики спешили к месту сражения.

Леонид тем временем расстрелял последний магазин своего автомата, и даже не надеялся на выживание. Новые танки немцев оказались удивительно хороши.

Противотанковые орудия смогли подбить только несколько, да и то только потому, что были хорошо замаскированы и дождались, когда фашисты подъедут поближе.

РПГ справлялись неплохо — на их счету было еще несколько танков — но их было чертовски мало.

Три СУ-76 смогли подбить только один танк, и то не до конца — его явно можно было отремонтировать.

Появление авиации было воспринято майором без особого энтузиазма — эрэсов он на самолетах не увидел, а что могут пушки — разве что еще пару-другую танков сожгут. Ну и пехоты чуток положат.

Увидев на фоне восходящего Солнца заходящий на цель самолет, Леонид вдруг сообразил, что тот какой-то незнакомый. Не «горбатый» точно. И не Пе-2 тоже...

Иван вывел самолет на цель просто идеально. «Ну, счас вы у меня отхватите, уроды», — злорадная мысль, промелькнувшая в сознании, никоим образом не нарушила концентрацию.

Четыре сорокапятимиллиметровые пушки заработали с такой силой, что самолет неслабо дернулся. Хотя, вполне возможно, это было не из-за пушек, а из-за двух крупнокалиберных пулеметов необычной четырехствольной конструкции...

Летающий необычный самолет вдруг окутался пламенем — и танк-цель взорвался, а пехота, прячущаяся за броней, разом полегла. Остальные самолеты также на секунду-другую окутывались пламенем, уничтожая пехоту и калеча танки.

— У них там что, по двадцать пулеметов, что ли, стоит? — пробормотал один из сержантов.

Неожиданно с очередного заходящего на цель самолета сорвалось несколько молний эрэсов — судя по всему, Васильев в темноте их попросту не заметил...

21 мая 1942 года Москва, Кремль

— Таким образом, контрудар Малиновского имел успех. Немецкие войска дезорганизованы и начинают сдаваться. Идея с десантом в тыл оказалась удачной, — закончил доклад Шапошников. Внимательно слушавший Сталин поднялся из кресла и подойдя к карте, спросил:

— У вас все, Борис Михайлович?

Тот кивнул и отправился к своему стулу. Слова попросил Василевский.

— Товарищ Сталин, следует особо отметить дивизию генерала Родимцева. Именно благодаря тому, что его бойцы устояли перед немецким контрударом, Малиновский сумел перегруппировать силы и нанести удар во фланг наступающим. Потери дивизии Родимцева в личном составе превысили шестьдесят процентов. Сам генерал... сам генерал ранен, — Василевский выпалил все это на одном дыхании, сбившись уже под конец.

Вождь помолчал. Затем, после нескольких выпущенных колец дыма, произнес:

— Товарищ Сталин про подвиги советских бойцов знает. В том числе, и про дивизию товарища Родимцева. Один из его полков фактически больше не существует, да?

— Да. Личного состава на две роты не наберется.

— И это именно они захватили новые немецкие танки, да?

— Один танк. Генералом к Герою представлено сразу трое — два майора, командиры батальонов Шимазин и Васильев, а также старший сержант Охлопков. И еще несколько человек к Красному Знамени и Красной Звезде.

— Посмотрим, товарищи. Но звучит так, что эти награды бойцы заслужили...

22 мая 1942 года

Москва, Кремль

— Здравствуйте, товарищ Кравченко, — поднявшись навстречу вошедшему в кабинет ученому из будущего, лидер СССР протянул руку.

— Добрый вечер, товарищ Сталин. Для меня огромная честь встретиться с Вами, — длинный и худой, как каланча, Илья Петрович пожал протянутую руку вождя. Глаза молодого человека просто светились от счастья.

— Как вы прекрасно понимаете, у товарища Сталина много дел. И он очень хотел бы знать, для чего вам потребовалась такая срочная встреча? — вождь сел обратно в кресло и показал ученому на стул, приглашая того присоединиться.

— Понимаете, товарищ Сталин, то, что я обнаружил в имеющемся архиве специальных материалов, — вождь понимающе кивнул, — не просто важно. Это архиважно! — от волнения ученый даже вскочил и, схватив портфель, вытащил из него листок. После чего, размахивая им, словно знаменем, выпалил:

— По сравнению с этим — даже атомная бомба не выглядит такой уж серьезной штукой.

Взгляд главы СССР мгновенно изменился, став из расслабленно-изучающего предельно серьезным и сосредоточенным.

— И что же это такое, Илья Петрович?

— Целая серия материалов по нанотехнологиям. И особенно — по созданию атомно-силового микроскопа!!!

Вождь взглянул на сидевшего неподалеку Берия. Тот пожал плечами. Видя некоторое недопонимание, Кравченко добавил:

— А атомно-силовой микроскоп — прямой путь к нанотехнологиям. Со всеми вытекающими. До нахождения этих материалов создание АСМ состоялось бы в лучшем случае году в семидесятом. Теперь мы сможем сделать его лет на десять-пятнадцать раньше. А то и на все двадцать.

— И насколько эта отрасль техники важна? — негромкий вопрос Берии прервал поток слов ученого. Тот кивнул и снова полез в глубины портфеля.

— Вот, я тут принес статью от девятнадцатого года... две тысячи девятнадцатого. Это обзор того, что удалось сделать в этой отрасли за тридцать три года с открытия АСМ, — Илья Петрович протянул Сталину бумаги.

Тот, быстренько пробежавшись глазами по статье, замедлился лишь на страницах «Нано и ВПК» и «Наномедицина». После чего поднял голову и улыбнулся взлохмаченному ученому.

— Ви большой молодец, товарищ Кравченко, — вождь поднялся и отдал обзор Берии. Тот углубился в чтение. Хозяин кабинета тем временем продолжил:

— Я полагаю, что о наличии этих материалов не знает никто, кроме нас?

— Да, товарищ Сталин, только я, Вы и товарищ Берия.

— Вот пусть это пока так и останется. А когда наша наука закончит с покорением ядерных сил, то мы обратим особое внимание на нанотехнологии, — вождь ободряюще кивнул Кравченко.

Еще некоторое время поговорив с ученым, Сталин отпустил того отдыхать. После чего повернулся к закончившему чтение главе НКВД и спросил:

— Лаврентий, расскажи-ка мне поподробнее про товарища ученого.

— Молод. На момент попадания сюда ему было тридцать четыре года. Сейчас, соответственно тридцать пять. Умен — не зря в тридцать четыре возглавлял на одном из предприятий ВПК целое направление. Из важных особенностей — был вашим ярым... эээ... поклонником, несмотря на то, что, как вы уже знаете, тогдашнее правительство не особо вас жаловало.

— Ярым поклонником? — Сталин насмешливо наклонил голову.

— Начиная еще с учебы в университете. Может, и со школы, но про это у нас данных

нет. Один из его коллег оттуда, — Берия показал пальцев вверх, — заявил, цитирую: «Кравченко — сталинист. Почти фанатик». Так что он у нас надежный товарищ.

— Это хорошо. Если то, что пишут здесь, — вождь показал на статью, — про перспективы, правда, то эти самые нанотехнологии сделают СССР единственной сверхдержавой. Навсегда...

23 мая 1942 года Бреславль, Польша

— Ты не сумлевайся. После залпа тех штуковин тебе укрепления надо будет просто занять, — краснощекий полковник ободряюще похлопал говорившего с ним майора по плечу.

— Про Кёнигсберг так тоже говорили. А сколько там народа полегло?

— Под Кёнигсбергом «буренок» не было, — офицер помрачнел.

— А почему «буренки», кстати?

— Черт его знает. Как всегда, кто-то придумал — и приклеилось.

— Ладно. Но ты уверен, что они настолько эффективны? — рано поседевший майор с сомнением поглядел в сторону расположения недавно прибывших штурмовых гвардейских реактивных минометов из РВГК.

— Я их в деле видел. Под Минском. Они там полк нацистов спалили к чертовой матери.

— Ну-ну. Ладно, пошел я, солдат обрадую. Достал их уже этот немчурский укрепрайон...

Прибывшие на фронт потомки «Буратино» должны были поставить точку в длительном противостоянии под Бреславлем, вылившемся уже не в один десяток тысяч солдатских жизней. «Шверпункт» обороны немцев не пускал советские войска вперед.

Подтянув войска, Верховное командование надеялось неожиданным ударом уничтожить эту занозу, мешающую продвижению Красной армии...

«Вторая Мировая Война в солдатских воспоминаниях, с комментариями. Избранное. Том 1». Военное издательство МО СССР, 1985 г.

«Когда в нашем расположении появился комбат, Семен Петрович Тырновецкий, с кислым выражением на лице, то мы сразу смекнули, что сегодня-завтра опять идти в атаку. Это не радовало, поскольку Бреславльский укрепрайон был крепким орешком и множество наших товарищей уже погибли в попытках его взять. Но мы понимали, что сделать это необходимо, иначе дальнейшее продвижение наших войск становилось невозможным.

Командир, сообщая нам приказ, выглядел расстроенным. Он понимал, что очередная попытка взятия такой крепости обернется множеством смертей его солдат. Тогда ни он, ни мы не могли еще предполагать, как все обернется, потому-то и смотрел он на нас с сожалением, хотя и пытался это скрыть. За эту заботу в отношении своих солдат мы его и любили. Песня «Комбат», написанная Владимиром Антоновым и ставшая, как и многие другие его песни, особо популярной, — это как раз про Семена Петровича. «Ты сердце не прятал за спины ребят» — это фраза относилась к нему на все сто процентов. Тогда, в сорок втором, нам, молодым еще пацанам, он казался стариком, видевшим и знающим все. Поэтому, когда он сказал, что нам помогут гвардейские реактивные минометы, прибывшие из РВГК и после этого будет полегче, то мы ему поверили. Мы тогда не знали еще, на что способны «буренки». И потому готовились идти в бой, ничем не отличающийся от многих других...»

Приведенные воспоминания о битве за Бреславль показывают, что даже советские

солдаты не представляли силу нового оружия Красной Армии. Именно эта секретность была одной из главных причин успеха операции, обусловившей успех весенней кампании в Польше. Ласковое фронтовое прозвище тяжелого гвардейского штурмового реактивного миномета — «Буренка» — лишний раз демонстрирует любовь простых солдат к могучему оружию Победы...

Следует также отметить, что в этих воспоминаниях, как и во многих других, упоминаются песни генерала Антонова. Это лишний раз доказывает, что уже тогда взятая партией линия на развитие в человеке самых разных сторон личности была верна. Генерал, как исключительно талантливый человек, один из создателей современных войск специального назначения, был также и прекрасным поэтом — одним из многих, чьи способности раскрылись полностью в тяжелые военные годы, где борьба духа была не менее важна, чем битва умов и силы.

Песни военных и послевоенных лет до сих пор пользуются огромной популярностью, причем не только среди старшего поколения, но и среди молодежи, и являются одним из связующих звеньев между поколениями советских людей, став воистину народными.

24 мая 1942 года

Ровно в четыре часа утра несколько сотен БМ-8-24 и «Буренки» нанесли удар по трехкилометровому участку обороны немцев. К ним присоединилось также сотни орудий и несколько эскадрилий бомбардировщиков, сбросивших напалмовые бомбы вперемежку с боеприпасами объемного взрыва. В обороне нацистов образовалась дыра, куда устремились советские войска, начавшие эту дыру активно расширять. Применяемые Красной Армией крупнокалиберные минометы явились неприятным сюрпризом для немцев. Не более неприятным, однако, чем применение минометов штурмовых и новейших самоходок...

25 мая 1942 года Бразилия, Рио-де-Жанейро

Жизнь, бьющая ключом. Буйство красок и море улыбок. Именно таким рисуется в головах множества людей город-мечта, сердце Бразилии — Рио-де-Жанейро. Город контрастов, в котором величие и роскошь граничат с нищетой, а буйство дикой природы с величественными пейзажами великолепной архитектуры. Город темпераментных веселых людей. Город, в котором не место будням. Но только не для двух одетых в военную форму людей, сидящих в роскошном кабинете президентского дворца.

— Друг мой, ты уверен?

— Да. Захват Венесуэлы возможен, но эти надоедливые послы, Ноэл и Джефферсон, ясно дали понять, что дальнейших завоеваний ни Англия, ни США не потерпят и вмешаются, — Альверде раздраженно махнул рукой.

— Они неплохо объяснили, что не видят нас участвующими в послевоенном переустройстве мира, — продолжил президент рассказ о встрече с послами новоназначенному министру обороны, генералу Гаспару. — Очевидно, что эти уроды заранее совместно разработали стратегию переговоров и в нарушение протокола на два часа затянули встречу, сведя ее к угрозам и требованию о немедленном объявлении Бразилией войны Японии.

— Но у них сейчас недостаточно сил, чтобы нападать еще и на нас. Им нужно срочно высаживаться в Европе, пока Советы не оказались на берегах Ла-Манша, да и японцы, опять же, — генерал Гаспар с удивлением посмотрел на старого друга.

— А потом? Когда они закончат? Мы все еще не будем способны им сопротивляться. Да даже если бы были — это встанет нам слишком дорого. Да и зачем? Обойдемся и без Венесуэлы. У нас и своих ресурсов достаточно. Тем более что мы знаем, где они имеются, — Альверде раскурил сигару и подошел к окну своего кабинета.

— А если они сцепятся со Сталиным?

— Если они вмешаются, Советы остановятся на мысе Рат. Но нам нельзя рисковать. Видимо ты забываешь, как развивалась история в нашем мире.

— Ты же знаешь, я никогда не был в истории особенно силен, — Гаспар постучал себе по голове.

— Тогда, позволю кое-что напомнить. Экономические связи Бразилии с США были традиционно сильны, однако в тридцатые годы сильно увеличилось сотрудничество с Германией, и перед правительством моего предшественника Варгаса стояла действительно нелегкая проблема.

— Какая?

— США склонялись на сторону Великобритании, а эти две страны оставались и остаются главными экономическими партнерами Бразилии. С другой стороны, Германия выступала в роли противовеса засилью США в западном полушарии. Таким образом, на стороне США и Британии встали олигархи, опасавшиеся за свои экономические интересы в случае конфронтации с США, а за поддержку нацистов выступили военные. Сейчас, кстати, место Германии будет занято Советами, это однозначно.

Варгас некоторое время лавировал между двумя сторонами, в сорок первом он даже отправил Гитлеру поздравительную телеграмму в честь дня рождения. При этом, в сороковом, опасаясь, что после предполагаемого падения Британии немцы переведут военные действия в западное полушарие, США предложили разместить свои военные базы на побережье Бразилии с общим контингентом в сотню тысяч человек. И прочие факты в таком же духе.

— Да, но теперь-то история развивается по другому сценарию...

— И заметь, развивается нам на пользу. Вопрос о размещении военных баз в Бразилии вообще не стоит. Полностью прекращено строительство взлетных полос для американских ВВС в пунктах Ресифи, Белен, Натал, Форталеза, Масейо и Сальвадор. Опять же, в нашей истории в бразильских водах действовал Четвертый флот США под командованием адмирала Ингрэма и базировался он в нашем порту Ресифи. А в сентябре сорок второго Вашингтон заставил Варгаса передать в распоряжение Ингрэма бразильский флот и авиацию. Однако полный разгром японским 4-м флотом американской эскадры в битве в Коралловом море вынудил Вашингтон принять решение о перебазировании 4-го флота США в Тихий океан.

— Точно! — возбужденный министр обороны вскочил с кресла. — Ведь в нашей истории, все было наоборот: именно 4-й японский флот был разгромлен!

— Ага. И битва в Коралловом море стала предтечей, поворотной точкой в войне на Тихом океане возле острова Мидуэй, которая должна будет состояться в начале июня этого года. Убежден, что и при Мидуэе американцы вновь потерпят тяжелейшее поражение. Не сомневаюсь, что без вмешательства советских пришельцев не обошлось.

Также как и в том, что Сталин не допустит наличия ядерного оружия у кого бы то ни было кроме Советов.

— Жозе, а что ты решил насчет сотрудничества с немцами, янки и русскими?

— По итогам этой войны немцев и англичан Советы просто вычеркнут из числа мировых лидеров. С американцами и японцами русские выступят в качестве третьего льва. Сотрудничество будем развивать с Советами, но не сразу — Америка все еще слишком сильна. Кроме того, нам нужны инвестиции и технологии. Думаю, что скоро в очереди к нам будут стоять Круппы, Тиссены — им уже необходимо вывозить капиталы, технологии, ученых, чтобы те не достались Советам. В нашей истории капиталы в основном выводились в США и Аргентину, но теперь все пойдет по-другому. Думается мне, что именно об этом пойдет разговор на завтрашней встрече с эмиссаром Бормана. Ну а вслед за немцами потянутся французы и британцы. А пока и с американцами, и с англичанами, да со всеми, будем изображать дружелюбие, — ответил бразильский президент, продолжая задумчиво глядеть в окно. Потом, отвернувшись от прекрасных видов Рио, Альверде произнес:

— А мы будем строить экономику. Всеми силами. Судя по всему, у русских не получилось все полностью так, как планировалось...

— В смысле? Ты думаешь, русские спланировали это самое попадание в прошлое?

— Черт его знает. Но выглядит все именно так. А мы тут только потому, что у них там чего-то не так сработало. А может это и не они совсем... В любом случае, мы не представляем собою прямой угрозы для них. А США — представляют. Русские это прекрасно понимают. Даже осознавая, что у нас есть информация из будущего, они не воспримут нас действительно серьезно.

— Почему?

— Потому как в случае преднамеренного попадания в прошлое, количество их информации и технологий явно превосходит то небольшое, что оказалось у нас.

— Логично, — генерал Гаспар кивнул и налил себе еще чашечку кофе. — А если попадание не преднамеренно?

— То тогда им точно нет причин с нами конфликтовать — мы гораздо полезнее друг другу при сотрудничестве.

— А они нас не побоятся? Мы ведь потенциально — сверхкрупные игроки...

— В будущем, друг мой, в будущем. Сейчас мы никто и звать нас никак.

— Ну, я бы так не сказал, президентэ, — Гаспар несогласно покачал головой.

Альверде вернулся к окну. Потом, через минуту-другую молчания отрезал:

— Я все решил, Жозе. Сталин будет решать проблемы по одной. Сначала немцы и Европа, потом японцы и Азия, потом американцы и только потом мы. Сейчас ему выгоднее иметь нас в друзьях. Поскольку США так просто лидерство отдавать не будет.

Генерал Гаспар сделал последний глоток кофе и с громким звоном поставил чашку на стол.

— В том-то и дело, Жозе, что Сталин — не мы. И у него, судя по всему, целая толпа пришельцев из будущего. Знающих пришельцев, позволю себе заметить. А у нас? Наши парни — отличные солдаты, а по нынешним временам — так и вовсе. Но сколько у нас инженеров из нашего времени? Сколько у нас технологий, которые мы сможем воспроизвести? Мало. А у Сталина наверняка до черта. Зачем ему рисковать? Он же не знает, что есть у нас. Может он нас попросту перестреляет, после чего шансы Бразилии на почетное место в мировой иерархии испарятся. Кто, кроме нас, способен воспользоваться этой восьмидесятилетней форой? Наши офицеры? Они неплохи — но сравнивать их со Сталиным или Рузвельтом... ты понимаешь, — закончивший монолог Гаспар подошел к здоровенному глобусу в углу кабинета и несильно его крутанул.

Генерал Альверде положил окурочку сигары умирать в пепельницу — он считал дурным тоном гасить благородную сигару как простую сигарету, и, подойдя к мрачному другу, похлопал того по плечу:

— У нас нет выбора. Только усилить охрану. И проводить такую политику, при которой мы будем выгоднее живыми, чем мертвыми. Нам необходимо стать настолько сильными, чтобы война с нами для любого противника закончилась бы Пирровой победой. Мы должны провести реформы, создать средний класс, стать самодостаточной страной, — закончить изложение планов генерал Альверде не успел, прерванный звонком адъютанта Рейнальдо:

— Господин генерал, — раздалось в трубке, — позвольте вам напомнить, что через десять минут у Вас ужин с советским посланником, его машина уже подъезжает к дворцу.

— Отлично, действуйте по протоколу.

— Слушаюсь, господин генерал.

— Ну вот, старый друг, двух часов, украденных Нозлом и Джефферсоном, нам и не хватило.

— Жозе, а ты не боишься, что Рузвельт и Черчилль испугаются появления нашей дружбы с Советами и бросят на нас все силы?

— Нет, и нам в любом случае необходимо установить дружеские отношения со

Сталиным хотя бы для того, чтобы нас просто не убили в ближайшее время. В конце концов, русские еще долго не смогут представлять для нас военной угрозы, да и Сталин не вечен. Послезавтра у нас встреча с представителями Уолл-Стрит и Сити, на которой нам необходимо их убедить, что больше доходов, чем при нашем руководстве Бразилией, они не получают, — при соответствующих инвестициях, разумеется. В конце концов, дешевая рабочая сила всегда в цене, а для большинства бразильцев при нынешней нищете еще долгое время и эти копейки будут казаться состоянием.

— Да, но ведь дешевая рабочая сила не вечна...

— Это не страшно. Бразилия единственная, кроме России, страна, которая будет самодостаточной. В один прекрасный день американцы, англичане, немцы проснутся, но будет поздно — Бразилия станет Китаем нашего времени. Вот только при этом не совершим их ошибку.

— Какую?

— Мы будем максимально развивать внутренний рынок, чтобы в случае кризиса у нас не рухнула экономика. И нам не надо становиться первыми. Нам достаточно стать просто сильными. Вот так вот, мой друг, вот так.

Раздался мягкий стук, и зашедший адъютант доложил:

— Прибыл Посланник Союза Советских Социалистических Республик в Латинской Америке, господин Григорий Федорович Резанов.

После соблюдения протокольных формальностей генерал Альверде пригласил господина посланника в салон.

— Господин посланник, позвольте вам представить вице-президента и министра обороны Великой Бразилии генерала Жозе Гаспара, — сказал Альверде.

Пока посланник и генерал выражали друг другу взаимное уважение и радость знакомству, президент в очередной раз поблагодарил бога, что в соседней Колумбии пребывал советский посланник со знанием португальского языка, поскольку среди перемещенцев русского языка не знал никто. Привлекать людей со стороны было в высшей степени опасно, поскольку любой переводчик сразу осознает ценность носимой им информации и обеспечит себе безбедное существование в Британии или Штатах. Производить же регулярную ротацию переводчиков из числа русских эмигрантов мешало их минимальное количество.

— Господин посланник, — обратился генерал Альверде, дождавшись окончания взаимных расшаркиваний последнего с Гаспаром, — позвольте выразить восхищение героизмом советского народа, фактически в одиночку ведущего тяжелую борьбу за освобождение человечества от фашизма во имя установления мира и справедливости во всем мире. Также хочу выразить искреннее уважение великому политику и полководцу товарищу Сталину, под командованием которого была создана непобедимая Красная Армия, которая дала сокрушительный ответ гитлеровской агрессии.

— Благодарю вас, господин президент. Приятно слышать, что Великой Бразилией руководит лидер, по достоинству оценивший вклад советского народа в грядущей победе над фашизмом и реально оценивающий боеспособность Красной Армии.

— Позвольте пригласить вас к столу, — предложил Альверде, максимально источая любезность и уважение к Советскому посланнику, не теряя при этом достоинства главы государства.

Войдя в малую столовую, генерал, неожиданно для Резанова, оказал ему особое уважение, предоставив второе место во главе стола, расположенное напротив президентского кресла. Все указывало на то, что в директивах МИДа доставленных накануне спецкурьером, не было ошибки, и составлял их явно не сумасшедший, как показалось на первый взгляд. Начало обеда полностью укладывалось в один из сценариев, причем именно в тот, который казался самым невероятным. Степень важности, которую генерал Альверде придавал обеду, подчеркивало и то, что в знак уважения к гостю стол был сервирован великолепными русскими блюдами, приготовленными шеф-поваром единственного русского

ресторана, открытого российскими эмигрантами.

На правах хозяина обеда генерал Альверде предложил тост за победу Советского Союза над фашизмом и их пособниками во всем мире.

В ответ посланник Советского Союза предложил тост за процветание Великой Бразилии, после чего президент, воспользовавшись положением хозяина обеда, начал тщательно продуманный монолог:

— Господин Резанов, я, как глава государства, хочу заверить Советское правительство и лично товарища Сталина в желании установить мирные и дружественные отношения между нашими государствами, для чего я предлагаю в кратчайшие сроки установить дипломатические отношения между нашими государствами. Я понимаю, что Советское правительство интересуется, какой я намереваюсь проводить курс во внутренней и внешней политике. Так вот, хотя это возможно и прозвучит невероятно, я вижу будущее Великой Бразилии в качестве социалистического государства, построенного по образцу Советского Союза. Безусловно, как вы понимаете, что, по крайней мере, до конца войны мы не сможем озвучить эти планы, поскольку капиталистические страны слишком сильны, да и внутри страны мы пока еще не пользуемся абсолютной поддержкой народных масс. Так что мы будем действовать медленно, но планомерно, — с каждым следующим словом бразильского президента советский посланник становился все больше похожим на статую.

— Уже завтра мною будет предложена парламенту на рассмотрение новая Конституция, которая, смею вас заверить, будет принята парламентом, и провозглашающая демократические свободы, право трудящихся на восьмичасовой рабочий день, право на забастовку и коллективные договоры. Твердо определены права профсоюзов, объединенных в Федерацию профсоюзов. Кроме того, будет принят Трудовой кодекс.

К сожалению, как я уже упоминал, буржуазно-консервативные силы в союзе с генералитетом представляют собой серьезное препятствие на пути построения социализма в Бразилии. Поэтому, пока прогрессивные силы Бразилии не получают полной поддержки рабочих, крестьян и армии, я не смогу публично объявить о выборе социалистического пути развития и о введении демократических свобод, в частности, амнистии политзаключенных и легализации компартии. К слову, по имеющейся у меня информации лидер Коммунистической партии Бразилии Луис Карлос со своими сподвижниками в ближайшее время планирует совершить побег из тюрьмы и найти убежище на благоустроенной fazende.

— Благодарю вас, господин президент, за столь откровенное изложение ваших планов по построению социализма в Великой Бразилии, — произнес Резанов. Ему потребовался весь его дипломатический опыт, чтобы не выдать того потрясения, которое он испытывал в данный момент. — Уверен, что они найдут отклик и всецелую поддержку Советского руководства. Но позвольте поинтересоваться вашими планами развития экономики Бразилии.

— Как вы понимаете, Бразилия испытывает серьезную потребность в инвестициях для развития экономики и науки, а также в новейших технологиях. Мною принято решение о проведении экономической политики, которая будет заключаться в создании максимально благоприятных условий для иностранных монополий при контроле государства за их деятельностью. Также будет установлена монополия государства на природные богатства. И лишь когда, как говорил товарищ Ленин, капиталисты продадут нам веревку и построят собственную виселицу, мы их на ней и повесим.

— Уверен, что более лаконично свою позицию не смогли бы донести даже спартанцы, — прокомментировал советский посланник. — Поскольку наша встреча приняла настолько откровенный характер, то я думаю, что вы не будете делать тайну о ваших планах в области внешней политики.

— Безусловно, — ответил Альверде. — Собственно целью этого обеда и является мое желание донести Советскому правительству и особенно товарищу Сталину мою позицию по вопросам внутренней и внешней политики, главной целью которых является установление дружеских и желательно союзнических отношений с Советским Союзом. Я считаю долгом

бразильского народа принять участие в борьбе за освобождение человечества от фашизма. И я имею честь сообщить вам, что послезавтра Бразилия объявит войну Германии. В тот же день парламент официально предложит военную помощь Советскому Союзу в борьбе с фашизмом. Мы готовы отправить тридцатитысячный экспедиционный корпус под командованием генерала Дутра. Надеюсь, у Бразилии появятся национальные герои, такие как генералы Багратион и Петров Михаил Петрович. Не скрою, на днях Вашингтон потребовал выделить Бразильский экспедиционный корпус для высадки в Италии, намеченной на август этого года. Надеюсь, эта информация окажется полезной Советскому правительству.

— Безусловно, господин президент. Данная информация просто бесценна и будет как можно скорее доведена до сведения Советского руководства. В свою очередь, я могу сообщить, что, по некоторым данным, планируемое на июнь этого года генеральное сражение между японским и американским флотом в районе атолла Мидуэй закончится полным поражением последнего. Надеюсь, это облегчит вам выработку внешнеполитических решений.

Далее, в ходе обеда, беседа протекала в обсуждении последних сообщений британской и американской прессы. Однако в ходе, казалось бы, пустого разговора обе стороны, обдумывая услышанное, готовились к заключительной части встречи.

Наконец президент Альверде предложил перейти в курительный салон, где, садясь в кресло, предложил гостю почетное место — на диване по правую руку от себя, второе кресло занял генерал Гаспар. Адьютант Рейнальдо подал кофе и удалился. Бразильский президент предложил посланнику Резанову великолепную гаванскую сигару, которая была с удовольствием принята. Несколько минут все наслаждались отменным кофе и сигарами. Наконец Резанов произнес:

— Предлагаю, господин президент, подвести некоторые итоги нашей встречи.

Генерал одобрительно кивнул.

— Я имею честь сообщить товарищу Сталину, что новое прогрессивное руководство Великой Бразилии приняло решение взять курс на построение социализма. Но в силу уже названных вами причин, а также в существующей мировой обстановке официальное объявление о новом курсе страны планируется после завершения войны и решения внутривнутриполитических проблем?

— Совершенно верно, — прокомментировал посланника президент. Хочу выразить надежду, что Великая Бразилия станет самым надежным союзником Советского Союза.

— Очень хорошо, — продолжил Резанов. — С экономической программой развития Бразилии все ясно. Но вот хотелось бы уточнить некоторые внешнеполитические аспекты. По имеющейся информации советского МИДа некоторые финансовые круги в Британии и Америке оказались не готовы смириться с грядущим поражением Германии и установлением социализма в Европе. Эти силы уже сейчас вынашивают планы по агрессии против Советского государства. Каково ваше видение возможного развития ситуации?

— Что же — произнес Альверде, не спеша выпуская сигарный дым и наливая кофе, взяв таким образом паузу, готовясь принять самое важное в своей жизни решение. «Да поможет мне бог», — пронеслось в голове генерала. *Alea jacta est.* — Сразу же после установления дипломатических отношений между нашими странами генерал Гаспар будет готов немедленно отправиться в Москву для подписания договоров «О дружбе и сотрудничестве» и «О ненападении и взаимопомощи».

Генерал Гаспар при этих словах стал серым.

— Благодарю Вас за исчерпывающий ответ — сказал Резанов, поднявшись с дивана. — В свою очередь я имею честь сообщить вам, господин президент, что Советское правительство на ваше предложение об установлении дипломатических отношений приняло решение про установление дипломатических отношений на уровне посольств. Завтра в установленном порядке мною будет передана вся официальная документация. В качестве посла предложена моя кандидатура. Сразу же после того, как будет подписан агреман, я буду

готов немедленно приступить к обязанностям посла. А теперь позвольте мне откланяться. Мне необходимо немедленно проинформировать Советское правительство о результатах нашей встречи.

После отбытия Резанова генерал Гаспар не выдержал:

— Надеюсь, ты отдаешь отчет, какие ты взял на себя обязательства? Неужели не разумнее было занять выжидающую позицию? Ты уверен, что Советы способны победить Британию и Америку? Если о сегодняшних переговорах станет известно в Вашингтоне, то через неделю здесь будут авианосцы, которые не оставят от нашей армии последнего солдата, хотя, впрочем, как мне кажется, нас могут прикончить еще раньше. Клянусь, если бы я не знал тебя много лет, то подумал бы, что ты спятил!

— Дорогой друг, думаю, тебе не повредит немного виски, — спокойно произнес Альверде в ответ на горячий монолог друга. — Я не сошел с ума. Просто эти обязательства были единственным способом гарантировать нам безопасность со стороны Советов. Хотя бы на какое-то время. Начну по порядку. Во-первых, как ты заметил, объявить о построении социалистического государства в Бразилии я изначально собирался только после окончания мировой войны. Когда это было бы целесообразно в случае победы Союза. А в случае, если бы Америка заняла положение аналогичное в нашей истории, можно было бы вообще не объявлять.

Во-вторых, ты помнишь, в нашей истории в феврале сорок пятого президент Варгас отказался от диктаторских методов правления и объявил о введении демократических свобод. Далее в апреле была осуществлена амнистия политзаключенных, установлены дипломатические отношения с СССР. Введена многопартийная система. Легализована компартия, численность которой к сорок седьмому увеличилась с трех тысяч до ста пятидесяти тысяч человек. На президентских выборах в декабре сорок пятого ее кандидат получил десять процентов голосов. Так что мы только лишь чуть-чуть ускоряем естественный процесс и таким образом снимаем социальное напряжение. В результате — мы получим более широкую поддержку народных масс, что, в свою очередь, позволит нам начать уничтожение оппозиции.

— Действительно, у тебя это все звучит как-то попроще... Но я не совсем понял, что ты имел в виду, когда говорил о появлении в Бразилии национальных героев, таких как Багратион и Петров. Конечно, кто такой Багратион, я знаю, а вот кто такой Петров? — поинтересовался генерал Гаспар.

— Генерал Петров в реальной истории, командующий Пятидесятой армией героически погиб в октябре сорок первого в боях под Ржевом при выходе из окружения. Талантливейший генерал, между прочим. О нем мало кто слышал. Желая погубить талантливого конкурента, Жуков пожертвовал целой армией, не дав своевременного приказа про отступление. Попав в окружение, он не воспользовался присланным самолетом, сражался до конца и застрелился. Позже германское командование приказало похоронить его с воинскими почестями. Когда его перезахоронили, оказалось, что немцы не сняли с него даже золотые часы, — президент не спеша пригубил виски.

— Но я слишком отклонился от разговора. В данном случае я преследовал две цели: первая — показать, что мы отлично осведомлены о причинах поразительных успехов Красной Армии. Вторая причина — я просил Сталина оказать мне услугу. Ты знаешь, что в нашей истории генерал Дутра был полностью подконтрольным госдепу США, а главное, он, уже, будучи маршалом, опираясь на армию, стал лидером буржуазно-консервативных сил, которые недовольные реформами отстранили от власти Варгаса уже в сорок пятом. Таким образом, поскольку проблему генералитета необходимо решать в любом случае, почему бы не позволить им погибнуть героями.

— Мда. Старый друг, как вижу, у тебя все просчитано. Но все равно мне кажется, что ты все-таки поспешил с предложением о заключении военного договора с Советами, — Гаспар покачал головой.

— Признаюсь, я изначально совершенно не планировал предлагать русским подобное.

Но вспомни, еще пару часов назад мы обсуждали Битву в Коралловом море. И вероятный исход грядущего сражения при Мидуэ. И тут Резанов прямо сообщает о новом грядущем разгроме американского флота, подтверждая этим, что Советы, несомненно, повлияли и на исход сражения в Коралловом море.

— Честно говоря, я не совсем понимаю, зачем Советам надо было сообщать нам эту информацию, — задумчиво произнес генерал.

— Жозе, это фактически было не сообщение информации, а вопрос ребром. Очевидно, что Сталин уже располагает какой-то информацией о возможной войне с Британией и Америкой. И хочет точно знать, какую сторону мы примем. Заметь, Сталин настолько уверен в победе японского флота, что не побоялся открыто нам об этом сообщить. После разгрома американцы останутся без флота. Новые авианосные соединения будут создаваться не один год. И ничто не мешает японцам со своих авианосцев наносить удары по судостроительным заводам. Кроме того, необходимо помнить, что после капитуляции Германии в руки Советов попадет большая часть флота Рейха, особенно подводный флот. И, пожалуй, главным итогом всех этих событий будет неподписание в июле сорок четвертого Бреттон-Вудского соглашения. Соответственно не будут созданы Международный банк реконструкции и развития и Международный валютный фонд. Доллар не станет мировой резервной валютой наряду с золотом.

— Черт, а ведь ты и здесь оказался прав. Необходимо присоединиться к будущему победителю до победы, а не после и занять место за столом стран-победителей. Поскольку потом наши слова о намерениях будут всего лишь словами, — с вздохом произнес Гаспар, допив виски и положив в пепельницу умирать сигару.

На вечерний Рио, горящий сотнями огоньков, медленно спускалась ночь. Из окна президентского кабинета казалось, что огоньки — это россыпь алмазов и рубинов, разбросанных щедрой рукой по городу. Но двум людям внутри этого самого кабинета было совсем не до красот жемчужины Бразилии...

26 мая 1942 года Москва, Кремль

— То есть вы считаете, что Советский Союз должен уже сейчас вступить в конфронтацию с Союзниками? — расхаживающий по кабинету Сталин приостановился и внимательно посмотрел на генерала Ледникова.

— Ну, не прямо сейчас, товарищ Сталин. Но по итогам войны контроль над Евразией должен быть нами осуществляем в полной мере. И контроль этот нужен нам любой ценой — в том числе и путем конфронтации с США и их сателлитами, — генерал отпил кофе и посмотрел в прищуренные глаза самого могущественного человека на планете.

— Наш народ заслужил это право. Сколько раз мы спасали Европу? От Батыя, от Карла, от Наполеона, от Вильгельма, теперь от Гитлера... сколько можно? И на сей раз, Советский Союз должен поставить точку в этом вопросе, — Ледников с громким стуком поставил чашку на поднос. — Контроль над Евразией обезопасит Союз от нападения. Вторжение в таких условиях будет фактически невозможным. Кроме того, наш технологический отрыв, сейчас еще пока только появляющийся, за одно — два последующих десятилетия вырастет на порядки и станет уже непреодолимым.

— Ваши доводы разумны, Лаврентий Георгиевич, но вопрос в том, потянем ли мы войну с Союзниками? Мне кажется, Совэ́тское государство еще не в полной мере готово к подобному противостоянию, — вождь задумчиво посмотрел на стоящий в углу кабинета глобус.

— Соглашусь. Но нам и не требуется вступать в эту войну немедленно. Тем более что Гитлер войну уже проиграл и нашей задачей становится минимизация потерь, а не элементарное выживание, как было у нас, — Ледников помрачнел. И уже не с таким энтузиазмом продолжил:

— Особая Армия закончила перевооружение и блестяще продемонстрировала успешность новой стратегии, тактики и вооружения. Мы начали масштабные действия по формированию дивизий нового облика. В том числе и из выводящихся в тыл фронтовых частей. Наши солдаты нас не подведут, товарищ Сталин, я уверен. Тем более что они не подвели и тогда, когда все было гораздо, гораздо хуже.

— И какая стратегия должна быть, по-вашему, применена в отношении Японии?

— Надо полностью уверить их, что мы не собираемся атаковать. Информация о том, что американцы взломали их шифры, укрепила их мнение в этом вопросе. Отток наших дивизий на Западный фронт тоже не слабо повлиял на подобное мировоззрение. Кроме того, они уже начали некоторые действия по перебрасыванию своих войск из Манчжурии в Бирму. Англичанам приходится все сложнее на этом фронте, — Ледников злорадно ухмыльнулся. — А когда японцы окончательно завязнут в Индии, мы нанесем мощнейший удар по Маньчжурии. К тому моменту у нас будет достаточное качественное превосходство, чтобы раскатать наших желтолицых друзей в тонкий блин.

Вождь, внимательно слушавший генерала, хитро улыбнулся, и, покачив головой, спросил:

— А американцы, Лаврентий Георгиевич?

Ледников мгновенно подобрался, словно тигр, готовящийся к броску. Раздувшиеся ноздри еще больше дополнили сходство.

— Лучшим вариантом было бы их расчленение на множество мелких государств, может даже на отдельные штаты.

Генерал ненавидел американцев с детства. Ненавидел от всей души, хотя и вполне успешно это скрывал. И для ненависти у него был целый список причин. Начиная от общих претензий, вроде разваленного Союза, и заканчивая причинами личными. В девяносто девятом его старшего брата убило бомбой в Сербии. В двухтысячных жена Лаврентия Георгиевича ушла к богатому американцу. В семнадцатом в Крыму его солдат убивали в основном американским оружием.

Список можно было и продолжить. Но и этого вполне хватало.

— Как ви категоричны, Лаврэнтий Георгиевич. Прямо сразу и на отдельные Штаты, — хитро улыбающийся вождь покачал головой.

— Ну почему же сразу, товарищ Сталин. Сначала Европа и Азия. А касательно вторжения в США... Я тут как-то принимал участие в разработке занимательного плана с нашими китайскими и индийскими товарищами...

28 мая 1942 года СССР, Киев

Сходя с поезда, майор Антонов не думал увидеть знакомые лица в толпе встречающих. Получив приказ помочь с организацией обучения личного состава разведывательно-диверсионных групп дивизий нового облика, он отправился в Киев с некоторой надеждой на встречу с Анастасией, поскольку слышал, что Особая Армия вновь отводится в тыл для пополнения.

Выйдя из вагона и оглядевшись, Владимир неторопливо направился к выходу с перрона. Неожиданно, откуда-то справа в гудении толпы послышался знакомый смех. Резко развернувшись, майор едва не сбил с ног молодого, но, тем не менее, припорошенного сединой офицера.

— Простите, товарищ майор, — бросил Владимир, высматривая явно удаляющийся источник смеха.

— Тебе, майор, надо бы поаккуратнее, не находишь? — Васильев сегодня был не в настроении. У него хотели забрать Охлопкова, одного из немногих выживших в лесной бойне.

— Я спешу, — огрызнулся Антонов.

— Все спешат.

— Слушай, ты чего привязался? Я ж извинился?

Двигающиеся к выходу офицеры вяло переругивались. Владимир увидел, наконец, знакомую фигурку метрах в двадцати от себя, и мгновенно забыв про Васильева, не помня себя от радости, заорал:

— Настя! Настенька! Лазина! — и, не обращая уже внимания на продолжавшего чего-то говорить офицера, ломанулся сквозь толпу.

Анастасия, услышав, как ее зовут, недоуменно крутила головой, быстро, впрочем, приметив продирающегося к ней майора. Что, в общем-то, и не удивительно — здоровенный Антонов возвышался над окружающими как гора.

Увидев, куда именно спешил толкнувший его майор, Васильев разом успокоился и, слегка пожурив себя за то, что начал выплескивать раздражение на ни в чем не виноватого парня, неторопливо отправился дальше.

— Эй, майор! — прозвучавший окрик стал неожиданностью для Леонида.

— Да?

— Ты это, извини, что я тебя толкнул. Просто услышал знакомый голос, — громадный офицер, обнимавший молоденькую врачиху так, словно боялся ее в любую минуту потерять, смущенно улыбнулся.

— Да ничего, нормально все. Я и сам хорош. Просто злой сегодня — отличного бойца забрать хотят. Леонид Васильев, — так же извинившись, представился комбат и протянул руку.

— Владимир Антонов, — рукопожатие спецназовца оказалось дюже крепким.

— Анастасия Лазина, — в свою очередь назвалась врачиха.

— Очень приятно.

— Давай на ты? — предложил Владимир.

— Почему бы и нет... — согласился улыбнувшийся майор.

И уже теперь посмеивающиеся и перешучивающиеся молодые люди, опаленные войной, зашагали в направлении автобусной остановки.

29 мая 1942 года Москва, Кремль

— Ми с товарищами Ледниковым, Молотовым и Ворошиловым пообсуждали разные вопросы, касающиеся стратегии и целэй действий Советского государства. И вот к каким выводам пришли. Товарищ Ледников, — Сталин дал слово генералу. Поднявшись со стула и подобрав со стола указку, тот подошел к огромной карте мира, висящей на стене.

— Итак, последующие результаты войны являются наиболее реальными, и, в то же время, устраивающими Советский Союз. Это не значит, что мы не сможем достичь большего или у нас получится даже и это. Рассматриваемый вариант — необходимый нам для абсолютного превосходства минимум, — Молотов кивая в такт тяжелой и медленной речи генерала, что-то тихо сказал Сталину. Ледников, тем временем, продолжал:

— Нашим врагом, по окончании текущей войны, со всей очевидностью станет блок Союзников, фактически — Англия и Штаты, а также их сателлиты. И, исходя именно из этой предпосылки, Советское государство должно строить свою политику. Также необходимо учитывать фактор роста потребления энергоресурсов. Энергоресурсы — это оружие будущего. Уже сейчас мы видим огромные проблемы Вермахта, связанные с нехваткой горюче-смазочных материалов. А механизация армий будет лишь возрастать, — члены ГКО понимающе покивали головами, вспомнив из какого времени генерал родом.

— Для начала, наши цели в Европе. Европейцы должны потерять колонии и соответствующие рынки сбыта. Тогда устойчивость коммунистических правительств, которые там придут к власти после войны, будет значительно выше, за счет зависимости от нас. СССР должен непосредственно включить в свои территории, фактически аннексировав,

государства Восточной Европы. К ним мы относим следующие: Болгария, Румыния, Греция, Чехословакия, Восточная Пруссия, частично Польша. В отдельные государства могут быть выделены Австрия, Венгрия и Югославия, — генерал шумно вздохнул и отпил воды из стакана, стоящего на столике неподалеку от карты.

— Также в этом регионе нам нужна европейская часть Турции, и многовековая мечта русского народа — Босфор и Дарданеллы. Все эти действия создадут подушку безопасности для нашего государства, предохраняя от неожиданного и непосредственного вторжения Союзников, — при этих словах Тимошенко дернул головой, явно собираясь что-то сказать, но, наткнувшись на взгляд Сталина, промолчал.

— Теперь о Западной Европе. Если Союзники успеют высадиться во Франции, то ее мы не получим. Поэтому необходимо постараться сделать ее хотя бы нейтрально настроенным государством. На Голландию и Бельгию, с другой стороны, вполне можно рассчитывать, — за водящим указкой по карте Ледниковым наблюдало множество напряженно молчащих людей. Важность произносимых сейчас слов создавала в кабинете давящую атмосферу.

— Франко пока не решил, к кому примкнуть. Надавив на него, Советский Союз должен в итоге получить контроль над Гибралтарским проливом. В принципе, нас устроит даже совместный с Испанией контроль судоходства. Это относительно наших целей в Европе, — генерал замолчал. Поднявшийся из кресла Сталин негромко сказал:

— Но у нашего государства имеются интэрэсы нэ только в этом регионе. Поэтому ми также посчитали нужным сформулировать цэли Советского Союза и в Африке, и в азиатском регионе. И товарищ Ледников сейчас их нам также доложит, — резкое исчезновение акцента в речи вождя продемонстрировало присутствующим всю серьезность звучавших слов.

— Африка и Ближний Восток. Здесь нам необходимо получить контроль над Суэцким каналом, а также Ираном, Ираком и другими странами Персидского залива. В сочетании с собственными запасами нефти и газа, СССР будет контролировать большую часть энергоресурсов мира и основные транспортные потоки, — Микоян что-то тихо сказал Берии и Молотову, вызвав на их лицах некое подобие улыбок.

— Азия. Во-первых, Советский Союз должен получить Сахалин и Курильские острова. Маньчжурия также должна быть под нашим контролем, возможно даже включена в нашу территорию. В конце концов, мы КВЖД не для других строили.

В войну Японии и США мы же влезать пока не будем. Потери обеих сторон растут и, согласно расчетам аналитиков, этот рост продолжится. Экономически Япония слабее, причем значительно — но сдаваться не будет еще долго, истощая тем самым нашего основного противника — США.

— Но у нас же с американцами договор! — на реплику Тимошенко ответил сам Сталин:

— А согласно информации из ведомства товарища Голикова, они этот договор первые нарушат. Причем скоро. Так что, как и в случае с Гитлером, будут сами виноваты.

— Есть еще одно условие нашего доминирования. Мы должны быть монополистами в ядерных и ракетных технологиях.

— Вот только как этого добиться, — буркнул уже Молотов.

— Ядерным ударом по стране, пытающейся достичь паритета с нами в этих отраслях. Лет на двадцать-тридцать это удержит всех от попыток создания подобных технологий. А после наш отрыв во всех отраслях, не только военных, но и гражданских, достигнет необратимых величин. Догнать нас будет невозможно, и стать нашим врагом не захочет никто.

— Да вообще-то уже и сейчас никто не хочет, — усмехнулся вождь страны Советов, вызвав серию смешков. — Товарищи. Как видите, цели у нас более чем серьезные. Но выполнимые. Их достижение обеспечит процветание нашего народа и государства. Поэтому у нас нет права на ошибку. Совсем нет.

5 июня 1942 года

Великобритания, Лондон

Ранним солнечным утром мимо ворот внешнеполитического ведомства Соединенного Королевства прошел чиновник. Одетый в строгий костюм государственного служащего, высокий и худощавый молодой человек выглядел как типичный англичанин — сдержанный, деловой и чопорный. В его руках виднелась трость, и для полноты картины не хватало лишь цилиндра на голове. Рядом с виском виднелся шрам — подарок от идущей уже третий год войны.

Перейдя через дорогу, еще не заполненную машинами, и внимательно поглядывая по сторонам, он неспешно шествовал мимо правительственных зданий на Даунинг-стрит, направляясь в сторону финансового центра мира — суетливого лондонского Сити.

Остановившись у газетного киоска и приобретя пару газет, молодой человек осмотрелся и продолжил свой путь. А тем временем столица огромной империи просыпалась — улицы постепенно наполнялись людьми, машинами и шумом. Вскоре чиновник затерялся в толпе таких же, как он, служащих, сотрудников разбросанных по центру Лондона правительственных учреждений и ведомств, фирм и контор, банков и газет.

Исчезнув в человеческом море, он появился неподалеку от маленького ресторанчика в каком-то переулке. Людей здесь почти не было — островок покоя и тишины среди уличного хаоса и шума уже который месяц не знающего бомбардировок города.

Внешне сие заведение весьма походило на клуб по интересам. Такие существуют вроде бы для всех, да и вход сюда зачастую свободен, но все в округе знают, что тут собираются регбисты или летчики. Или еще кто-нибудь.

Зайдя внутрь, молодой человек выбрал себе столик в глубине полупустого зала, и, заказав яичницы с беконом, чашку чая и печенья, начал читать купленные газеты. Когда заказ был исполнен, он тихо поблагодарил официанта и, отложив газеты, принялся за еду.

Некоторое время спустя столики перед кафе, а также его небольшой внутренний зал уже были заполнены. Тихие разговоры и сигаретный дым струились по ресторанчику вместе с запахами хлеба и жареного бекона, создавая уютную атмосферу, за ширмой которой даже эксперт не распознал бы фальши. Если бы не увидел искусно скрытые пистолеты на каждом из сидящих. И «Томмиган» за стойкой бара. И два пулемета на втором этаже. И много чего еще.

Люди, знавшие, зачем на самом деле молодой человек проделал свой путь и мирно сидит сейчас в ресторане вместе с другими такими же, находились в скрытой под землей комнате, существовавшей здесь задолго до ресторана.

— Все надежно? Мы же впервые за очень и очень долгое время встречаемся в Лондоне...

— Об этом не волнуйтесь, господа. Место охраняется нашими сотрудниками. Хотя они, разумеется, понятия не имеют, что охраняют. Они просто находятся вокруг, блокируя территорию от посторонних. А подземный ход существует еще со времен короля Ричарда. Все очень надежно.

— Какого короля Ричарда?

— Львиное Сердце. Уверяю вас, о ходе знают единицы, и почти все они здесь. Все очень и очень надежно, я гарантирую.

— Хорошо. Тогда, пожалуй, можно и приступать. Прошу.

В полумраке, создаваемом покрытыми плотными и густыми абажурами лампами, означилось тихое движение. Несколько человек отодвигали стулья и садились за укрытый плотным зеленым сукном стол.

Вскоре снова стало тихо. Неожиданно чей-то властный голос достаточно громко произнес:

— Господа! Мы были вынуждены собраться по причине более чем чрезвычайного положения. Потому наша встреча проходит в условиях такой секретности. Вся, я подчеркиваю, вся мировая политическая и финансовая система находится под угрозой и не

будет преувеличением сказать, что наша ситуация донельзя опасно близка к катастрофе.

— Простите, что прерываю, — вкрадчиво и явно сдерживая тон, заговорил человек с противоположной стороны стола, — но не кажется ли вам, что катастрофа уже наступила? После того, что произошло и что происходит, трудно представить, что ситуация может быть исправлена.

— Именно поэтому нам необходимо действовать как во времена Крымской и Первой Мировой. Действовать всем вместе, иначе то, что происходит с Третьим Рейхом постигнет и нас.

— Неужели можно говорить о военной угрозе? Пока что данные наших разведок не позволяют полагать, что в ближайшее время Сталин начнет военную кампанию против нас. Тем более что он не закончил с Рейхом.

— Мы не должны дать ему закончить с Германией. Если помните, первоначальный план предполагал, что эта война высосет все соки из Советов и из Германии. Но, судя по всему, мы просчитались. Если Сталин победит сейчас и с нынешним уровнем потерь, то в результате войны он станет только сильнее. Значительно сильнее. И у нас возникнет практически неразрешимая проблема, поскольку мощь Советов будет только расти. И эта мощь не будет нам подконтрольна.

— Я еще добавлю, — заговорил еще один из сидящих в комнате. — При таких размерах и такой экономической мощи наш противник может начать даже не военную, а экономическую и идеологическую экспансию, против которой будет почти невозможно устоять. Экономики отдельных стран не смогут выдержать такой конкуренции. И без войны нам грозит очередной масштабный экономический кризис, чреватый социальными волнениями. И выходом в любом случае будет война. Самим своим существованием и благополучием это государство грозит гибелью нам.

Вновь настало молчание. Наконец раздался вопрос, который долго никто не решался задать.

— И что вы предлагаете?

— Именно это и нужно обсудить. Если вы полагаете, что у меня есть волшебное заклинание, которое разом все исправит — то знайте, что это не так. Но нам надо, я определенно могу сказать, следующее: нам нужно объединить усилия. Всем. В том числе и Германии. Только вместе мы сможем добиться каких-нибудь результатов. Забыть временные конфликты и объединиться в противостоянии общему врагу.

В комнате стало несколько шумно — слышались многочисленные вопросы и реплики:

— Проблематично...

— Любой другой путь приведет нас к катастрофе.

— Как мы объясним это людям?

— Спасением от азиатского варварства. Еще разок точно прокатит.

— Но, возможно, есть какие-то конкретные предложения?

— Да, какие, хотя бы в общих чертах, меры нам необходимо предпринять?

— У меня есть некоторые предложения. Соединив усилия наших держав, мы должны выступить единым фронтом. Нужно сделать так, чтобы они оказались в изоляции.

Кроме того, главная слабость России — в многонациональности, в разобщенности, в сепаратистских настроениях, которые лишь временно потухли в обстановке непрерывных побед на фронтах. Нам нужно разжечь взаимную ненависть среди советских народов, подогревать национализм украинцев, кавказцев, прибалтов... да всех подряд — вот что надо делать.

Военные акции будем проводить под лозунгом освобождения поработенных народов и принесения в Россию демократии. В сочетании с разжиганием межнациональных противоречий у нас есть шанс на победу. Лишь так возможно вернуть ситуацию к мировой стабильности и балансу сил, обеспечив нашим странам процветание и сохранение достойного места в мире.

Вновь наступило молчание, означавшее всеобщее согласие.

— Но как, как нам добиться военных побед? Если Сталин фактически в одиночку побеждает Гитлера?

— У нас огромное преимущество в тяжелых бомбардировщиках. Упирая на это превосходство, мы уничтожим основные промышленные центры большевиков.

— Довольно спорное заявление. Но давайте все же обсудим ситуацию более детально.

Собрание оживилось. Зашуршали папки, откуда-то появились блокноты, ручки и бумаги и вскоре негромкий гул голосов, спорящих, предлагающих и обсуждающих наполнил помещение до краев.

Так, глубоко под землей зарождался план Третьей Мировой войны...

30 июня 1942 года Москва, здание ЦК

— Запад постоянно попрекает нас словом «демократия». Но что это за зверь? Ведь решения всегда принимаются конкретными, — Сталин голосом выделил это слово, — людьми, а не какими-то абстрактными понятиями. То есть демократия в отношении системы всей государственной власти — ничто иное, как просто декорация, за которой находятся те, кто управляет ходом происходящего. И каждый день простой человек наблюдает меняющихся каждые несколько лет марионеток вместо действительно народных избранников. Марионеток, не несущих никакой ответственности за свои решения, — в зале раздался одобрительный гул, — потому как это не их решения.

А реальные правители, серые кардиналы, на протяжении многих поколений владеющие средствами производства, банками, те, которым принадлежат средства массовой информации, простому человеку не видны. И становится совершенно неважно, кто пришел к власти на следующие четыре года: республиканцы, демократы или кто-нибудь еще, потому как это в любом случае просто-напросто купленные и оплаченные артисты, куклы, за веревочки которых дергают настоящие, — снова повысил голос вождь, — кукловоды. И тот, кто нарушает заданный сценарий и попытается принимать самостоятельные решения, будет беспощадно убит. Достаточно вспомнить хоть того же Линкольна, которого можно уважать за отмену позорного рабства в «демократической» стране. И этим кукловодам наплевать на простой народ, их волнуют только лишь собственные благосостояние и власть, — в зале вновь раздалась хлопки, постепенно переросшие в овацию.

Подождав, пока зал утихнет, Сталин продолжил:

— Да и что за «свобода» дается западной «демократией»? Это свобода поболтать языком и ничего больше. Хочешь сказать? Давай, говори. Сказал? Молодец, можешь идти. Эта болтовня совершенно бесплатна и ни на что не влияет. В отличие от реальных денег, которыми обладают эти люди за ширмой. А попробуйте, сославшись на равенство, попросить у них кусочек власти и денег... Вот здесь вы и узнаете, какова цена всем этим разговорам про настоящую свободу, равенство и демократию. Не бывает и не может быть при капитализме действительных свобод для эксплуатируемых, хотя бы потому, что помещения, типографии, склады бумаги и прочее, необходимое для использования свобод, является привилегией эксплуататоров.

Отсутствие ответственности за сказанное и сделанное, — вот она, отличительная черта подобного строя. И они хотят, чтобы подобное развернулось у нас? — тихий зал ответил недовольным рокотом.

— Мы с вами наблюдали, что делала эта так называемая демократия у нас в стране во время правления Керенского. Болтала языком! Мы также видели, как экономический кризис продемонстрировал всю грабительскую сущность капитализма, все его наплевательское отношение к пролетариату. Американские фермеры жгли зерно, когда рабочие в городах умирали от голода! Капиталисты, эти богачи и разжиревшие на народе кровососы, заявляли, что «надо затянуть пояса». Но сами они что-то худеть отказались! — и снова ответом вождю

был согласный шум.

— Демократия при капитализме есть демократия капиталистическая, демократия эксплуататорского меньшинства, покоящаяся на ограничении прав эксплуатируемого большинства и направленная против этого большинства. И, видя растущее недовольство простого народа, эти люди стали искать решение, избавляющее их от необходимости что-то серьезно менять. Взрастив Гитлера и натравив его на наше государство, демонстрирующее социальную справедливость и возможность построения бесклассового общества, они надеялись нажиться на войне, сделать ее выходом из своих собственных проблем. Выходом, построенным из костей и крови советского народа. Но они просчитались. Не бывать этому! — в зале разразилась настоящая буря. Среди грома аплодисментов слышались выкрики «Слава товарищу Сталину», «Да здравствует Советский Союз» и подобные этим.

Иосиф Виссарионович, усмехаясь в усы, наблюдал за происходящим, раздумывая тем временем над словами Ледникова. Тот, сразу после объявления об исключении СССР из программы ленд-лиза заявил, что Союзники вполне могут перейти на сторону Гитлера. Конечно, пока в Англии у власти Черчилль, а в Германии — Гитлер, этого не произойдет. Но уберите одну переменную из уравнения, и оно мгновенно решится. Вопрос лишь в том, когда это произойдет. И кто все-таки станет «убранной частью».

Годовщину начала войны советские войска отметили разгромом еще одной группировки немецких войск — постаралась Особая Армия в полном составе (то бишь и с бригадами из далекого будущего). Разрезав немецкий фронт в районе Братиславы, Особая Армия позволила советским войскам окружить полтора десятка дивизий Вермахта и вторгнуться в Австрию. Наступление на юге тоже было удачным, хотя и не настолько. Но вторжение в Югославию состоялось. Именно после этого на стол Сталина легло донесение разведки.

План «Немыслимое», появившийся на три года раньше.

1 июля 1942 года Великобритания, Лондон

Под тем же самым рестораном, в той же самой комнате, те же самые люди, что и пару недель назад, собрались для решения все той же самой проблемы.

Уничтожение Советского Союза после очередных успехов Красной Армии и детального анализа имеющейся информации о ее состоянии более не выглядело простой задачей. Собравшиеся это прекрасно понимали.

— Господа, — раздавшийся в тихой комнате голос заставил вздрогнуть нескольких присутствующих. — Друзья. Как мы с вами осознали сегодня, немедленное военное противостояние против СССР невозможно. Наше преимущество в авиации не настолько велико, а имеющееся количество тяжелых бомбардировщиков совершенно недостаточно.

— Отдавать Германию русским нельзя! — с другой стороны стола вскочил невысокий человек и яростно грохнул кулаком по столу.

— У нас нет другого выхода. Нам нужно успеть занять Францию и Италию. На данный момент — это лучшее, на что мы можем рассчитывать в Европе без угрозы военной конфронтации с Советами.

— Я еще раз повторяю: если мы отдадим русским Германию — нам конец!! — невысокий спорщик сорвался на крик. — Если мы вступим в войну против Советов прямо сейчас, у нас есть хорошие шансы на победу. Если нет — Сталин станет настолько сильным, что даже вместе мы не сможем нанести ему поражение!

— И как вы планируете с ними воевать? Бомбардировщиков слишком мало!

— Мы уже это обсуждали! После поражения Германии и Японии мы используем Францию и Италию как плацдармы. А также Турцию. А затем, создав к тому моменту многотысячные воздушные армады, мы разнесем этот чертов Союз на куски! Даже после получения Германии они будут слабее, чем Америка и Британская империя! Тем более что

США согласны отложить вопрос развала колониальной системы на несколько лет.

— Это не вариант! Если русские победят Гитлера, то за эти несколько лет они успеют создать достаточно сильную противовоздушную оборону. И что тогда, а? Что тогда?

— Они не успеют. Крайний срок — это сорок пятый год.

— Немцы падут максимум в конце сорок третьего. У русских будет больше года. Не находите это несколько... большим промежутком времени? — высокий тощий господин в смокинге и галстуке присоединился к спорщикам, небрежным щелчком отправив в пепельницу угасающую сигару.

— А у нас есть еще больше времени.

— А Япония? Вы уверены, что мы разгромим ее к сорок пятому?

— Не имеет значения. В сорок пятом она не будет уже в состоянии повлиять на обстановку в Европе. Еще раз повторяю — все уже обсуждалось, зачем нам еще раз приводить те же самые аргументы? Тем более что нам еще необходимо обсудить способы давления на Турцию, провести учет сил и средств, рассмотреть экономические вопросы.

— Ладно. Я согласен, — покачав головой, невысокий спорщик сел.

— Аналогично, — кивнул высокий господин.

Послышались одобрительные реплики. Смена Второй Мировой войны Третьей стала неизбежна.

2 июля 1942 года Где-то в СССР

С трудом добравшись до конца дистанции майор Васильев остановился через несколько метров после финишной черты и, постояв минуту и немного отдышавшись, рухнул на траву. Раненная в памятном лесном бою нога снова отвратительно заныла. Бежавшему вместе с ним Охлопкову было заметно легче — якут умудрялся понимать хриплые команды своего комбата, громко передавая их остальной части колонны.

Желания вставать майор не испытывал. Длиннющий забег, включавший в себя штурм укрепленной позиции, форсирование небольшой речки и прочие занимательные развлечения вытянул из участников все силы. Волевым усилием заставив себя подняться, Леонид отправился в сторону Антонова, только что закончившего инструктаж очередной группы офицеров и теперь вольготно развалившемся на скамейке в тени раскидистого дуба.

— Ну, как мы на этот раз, а, майор? — спросил Васильев, подходя к Антонову и одновременно приветственно протягивая руку.

— На разборе полетов узнаешь, Леня. Но по секрету могу сказать — гораздо лучше, — хитро улыбающийся Антонов сделал приглашающий жест.

Присевший Леонид на секунду закрыл глаза. Откуда-то издалека доносились звуки продолжающихся тренировок.

— Как тебе боевая учеба Особой Армии, а, Леня? — Владимир с усмешкой наблюдал блаженное выражение на лице нового друга.

— Тяжко, Вова. Я в пехтуре уже много лет, а с училищем считать — так и вообще, но таких нагрузок, как за последний месяц, у меня, пожалуй, и не было никогда. Не, в Зимнюю бывало и похуже, да и в нынешнюю тоже, но там война все же, а не абы что.

Все еще улыбающийся Антонов внимательно слушал обычно не слишком разговорчивого майора.

Васильев с некоторым энтузиазмом жаловался, вспоминая, как начиналось переобучение.

В первый же день перед выстроенными на плацу личным составом выступил генерал-лейтенант мрачноватого вида, представленный как начальник специального учебно-тренировочного центра Веткач. Неторопливо вещающий генерал толкнул речь про нужность на фронте солдат нового типа, про верность Родине и Отчизне, в заключение пообещав, что тому, чему их всех здесь научат, их не научат более нигде, и что практически любой

вражеский солдат против них шансов иметь не будет. В ответ на это обещание послышались реплики о том, что и сейчас они любому немцу сто очков вперед дадут.

Слова генерала о трудностях учебы были большинством личного состава благополучно пропущены мимо ушей. Что, учитывая фронтовой опыт означенных товарищей, вполне можно было понять.

Но ожиданиям относительно «отдыха в тылу с некоторыми затруднениями», как высказался Шимазин по получении приказа, сбыться было не суждено. Солдаты, сержанты и офицеры выматывались на тренировках так, что сил на походы на танцы не оставалось никаких, даже в специально выделенные для оных мероприятий дни. Подавляющее большинство предпочитало отоспаться.

Спать вообще хотелось частенько — ночные тренировки, стрельбы и марафоны редкостью не были — за месяц таковых было более десятка.

— И я вроде ж как вижу, что все не просто так, а чтобы лучше стать, да не просто на чуть-чуть, а вот как ты, например, — Леонид ткнул Владимира в плечо.

— Хех, да до него тебе, как раком до Луны, — заметил проходящий мимо Шимазин, возвращающийся с теоретических занятий по тактике и потому выглядящий на порядок лучше своего измотанного тренировкой однополчанина.

Антонов, занимающий в центре должность старшего инструктора по действиям разведывательно-диверсионных групп, был объектом зависти довольно большого количества солдат и офицеров. А как же — те же самые марши с той же самой нагрузкой у него получались на порядок легче, плюс Звезда Героя, плюс отличная девчонка, влюбленная, судя по всему, в него по уши. И как бонус — слава известного поэта-фронтовика.

С другой стороны, зависть, очевидно, была белой — переобучающиеся хотели стать такими же, а потому на тренировки не жаловались и старались только лучше. Так что товарищ Сталин вновь оказался прав — если показать человеку эталон, которого он вполне может достигнуть, то для работы над собой появляется более чем отличный стимул.

Разговор друзей прервало появление Анастасии — она как раз закончила смену и теперь устало шагала в сторону скамейки с весело перешучивающимися офицерами.

— Привет, мальчики, — девушка первой поприветствовала поднявшихся мужчин.

— С какими это тут мальчиками вы разговариваете, товарищ Лазина, а? Здесь таких нет, тут только мужчины, — Шимазин, как всегда, не смог удержаться от подколки.

— Ну, мне только про одного из присутствующих сие достоверно известно, товарищи офицеры, — и показала залившемуся краской майору язык.

— И откуда это такие познания? — все же поинтересовался Терентий.

— Отставить пошлости, товарищ майор, — улыбающийся Антонов притянул Настю к себе на колени и, поцеловав ее в макушку, подмигнул комбату.

— Ну вот, чуть что, так сразу Шимазин виноват, — усмехнулся комбат. — А ведь это она первой начала. Ах, женщины, что вы делаете с нами, мужчинами, — и сокрушенно покачав головой, Терентий отправился дальше. Пройдя пару метров он приостановился и, полуобернувшись, позвал Васильева за собой:

— Лень, пошли поедим, что ли. Дадим нашим голубкам немного уединения, — и вскрикнул от попадания брошенного меткой рукой желудка.

— Ну вот, опять я виноват. А ведь хотел-то как лучше и...

— Ладно, ладно, иду, — прервал готового начать жаловаться друга Леонид. — Бывай, майор, увидимся еще. Товарищ Лазина, — и откланявшись, Васильев отправился вслед удаляющемуся Шимазину.

«Учеба-учебой, а обед по расписанию», — мелькнувшая в голове Антонова мысль заставила его улыбнуться...

**3 июля 1942 года
Вашингтон, Белый Дом**

— Поэтому, господин президент, подобный подход представляется нам необходимым, — в завершение этих слов одетый в генеральскую форму человек ткнул в одну из лежащих перед Рузвельтом бумаг.

— Генерал, мне представляется несколько сомнительным подобный «подход», — глава США выделил голосом последнее слово. — Сталин слишком силен, а у нас действительно серьезные проблемы с японцами, и вы предлагаете мне буквально толкнуть русских в объятия империи? — президент недовольно покачал головой.

— Нас поддержит Британия, а затем и Германия.

— То есть вопрос мирного сосуществования наших систем вами даже не рассматривался, Джордж?

— Я, комитет начальников штабов, а также множество сенаторов, согласны с выводами аналитиков — в случае, если мы не сдержим Союз военными мерами, его экономика станет более чем достаточной для превосходства. И мы проиграем войну даже до ее начала. Сейчас мы можем победить, хотя это и будет стоить нам очень дорого. Через десять лет победа будет практически невозможна.

— Боюсь, я не могу с Вами согласиться, генерал. Как вы предлагаете объяснять избирателям, что наш вчерашний друг резко превратился во врага?

— Это не важно. Важно то, что если мы не выступим против Советов, то наши дни сочтены, — ответил Маршалл, глядя в глаза командующего.

— Еще как важно. Но давайте все же о другом. Сейчас мы очевидно неспособны противостоять еще и русским. Наша экономика пока к этому не готова. И я даже боюсь представить суммы, которые потребуются для ведения подобной войны.

— Деньги у нас будут, господин президент. Я уверен, что нация нас не подведет. И у нас нет выбора.

— Выбор всегда есть, Джордж. Всегда. Напомню вам, кстати, что еще недавно в Россию ехали на заработки наши собственные сограждане. Так что даже вопрос о превосходстве нашей системы при грамотном противодействии не столь очевиден нашим избирателям. А вы хотите им сказать, что те, кого еще вчера мы называли нашими союзниками и друзьями, оказывается враги? Американцы — это пока еще не нация идиотов, генерал.

— Именно, поэтому-то они и поймут все правильно, господин президент.

— Я считаю нашу с вами дискуссию бессмысленной. Мы вернемся к ней через пару лет.

— По крайней мере, разрешите нам начать готовить планы по вторжению, господин президент, — в голосе Маршалла прозвенела сталь.

— Ну, это я могу одобрить. Только не тратьте на этот вопрос много ресурсов, Джордж. У нас есть гораздо более важные задачи.

— До свидания, — отдав честь, генерал отправился на выход, столкнувшись в дверях Овального кабинета с адмиралом Нимицем, также спешившим на доклад к главе государства. Дела на Тихом Океане обстояли отвратно...

5 июля 1942 года Северный Урал

— И когда закончат монтаж?

— К концу августа в лучшем случае, раньше никак.

— Вы понимаете, что этот проект жизненно важен для всего Советского государства? — недовольно спросил человек в пенсне.

— Естественно, понимаю. Но у нас целая куча проблем, требующих разрешения. И относительно некоторых из них у нас нет никаких подсказок.

— Вы, товарищ Курчатов, в этом, безусловно, правы. Но согласитесь, что вам оказывается просто огромнейшая помощь в расчетах. Одна эта помощь должна ускорять ход

проекта в несколько раз!

— Лаврентий Павлович, проект «Энормоз» — это не только и не столько расчеты. Мы же строим целую отрасль промышленности!

— Именно. В условиях военного времени, когда все эти чудовищные ресурсы могли бы пойти на фронт. Вы осознаете важность разрешения этой задачи?

— В полной мере. Но огромные проблемы, стоящие на нашем пути, не позволяют решать поставленную задачу быстрее, чем это происходит сейчас. Приведу пример. Уже на самом начальном этапе разработки бомбы нам стало очевидно, что исследование процессов, протекающих в заряде, должно пойти по расчетно-экспериментальному пути, позволяющему корректировать теоретический анализ по результатам экспериментов опытных данных о газодинамических характеристиках ядерных зарядов. В общем аспекте газодинамическая отработка ядерного заряда включает в себя целый ряд исследований, касающихся постановки экспериментов и регистрации быстротекущих процессов, включая распространение детонационных и ударных волн в гетерогенных средах, — оседлавший любимого конька ученый начал сыпать терминами, словно на лекции. Тем не менее, Берия внимательно его слушал, не перебивая и не делая попыток остановить словесный поток.

— Исследования свойств веществ на газодинамической стадии работы ядерных зарядов, когда диапазон давлений достигает величин до сотен миллионов атмосфер, потребовали разработки принципиально новых методов исследований, кинетика которых требовала высокой точности — до сотых долей микросекунды! — Курчатов потряс рукой, словно пытаясь подкрепить эти слова всем своим авторитетом. — А такие требования логично повлекли за собой необходимость разработки новых методов регистрации высокоскоростных процессов. Фактически нам пришлось создавать новую методологию в науке — высокоскоростную фотохронографию со сверхвысокими скоростями развертки и съемки. Знаете, какая нам нужна скорость последней? — и, несмотря на то, что Берия закивал, ученый все равно сказал:

— Около миллиона кадров в секунду. Миллиона. Кадров. В секунду. Да мы только на разработку сверхскоростного регистратора потратили огромное количество времени!

— Ладно, товарищ Курчатов, партия понимает сложность стоящей задачи. Но ее решение — необходимо. Вам нужно больше людей? Будут. Больше вычислительных мощностей? Этот вопрос тоже решаем. Но медлить нельзя — и я очень надеюсь, что вы все же ускорите работы. Составьте список недостающих ресурсов. Завтра я улетаю в Москву — тогда мне его и отдадите. А пока не буду более отрывать вас от важных дел. Всего хорошего, товарищ Курчатов.

— До свидания, товарищ Берия.

Смотревший вслед уходящему маршалу ученый передернул плечами и, пробурчав себе под нос что-то вроде «ускорить, ага, все всё бросили и побежали ускорять» и, уважительно покачав головой, отправился в свой кабинет...

12 июля 1942 года Подмосковье, «Ближняя Дача»

Уставший за долгий день вождь прилег на диван в своем кабинете и попытался заснуть. Лезущие в голову мысли никак не давали этого сделать.

Сталину не давал покоя вопрос дальнейшего развития Советского государства. Расстрел Хрущева еще не являлся гарантией сохранения выбранного курса. Да и является ли этот курс верным, раз привел в свое время к агонии и смерти СССР? Да, было совершено множество ошибок, но все же непонятно, правильная ли дорога построения коммунизма была выбрана?

Конечно, есть еще война. Но Германия уже проиграла — даже если пока не готова это признать. Однако максимум через год она падет, и что потом? Война с Союзниками?

Глава СССР усмехнулся. Те еще не знают, насколько это будет ошибочным решением.

И отдельные голоса разума, вроде того же Рузвельта, теряются в хоре идиотов, боящихся за свои карманы... Было бы исключительно хорошо оттянуть войну с ними на несколько лет — года эдак до сорок седьмого. А еще лучше — до пятидесятих. Тогда шансов у капиталистов уже не останется. Вообще.

Но как же сложно это будет сделать. Вот с Гитлером не получилось — и если бы не неожиданная, мягко говоря, помощь из будущего, то победа была бы Пирровой. Эта война и сейчас не легкая прогулка, совсем не легкая, но без потомков все было бы намного хуже.

Единственная реальная угроза со стороны США — атомная бомба. Но они серьезно тормозят с ее разработкой — а СССР нет. У страны Советов уже есть некоторый отрыв даже. И этот отрыв растет.

Преимущество англосаксов в тяжелых бомбардировщиках — ничто. Огромные расстояния до промышленных центров СССР, напичканные ПВО и истребителями, сводят полезность всех этих воздушных армад к весьма незначительной величине.

А на земле сильнее Красной Армии нет никого. И через несколько лет это превосходство станет лишь сильнее. Даже сейчас в мире нет танков, способных противостоять многочисленным «Сталиным» и «Тридцатьчетверкам». А скоро их сменит следующее поколение... К тому же, сила армии ведь не только в технике, но и в обученности солдат и командиров, в их опыте, в тактике и стратегии... И здесь разрыв будет увеличиваться еще быстрее.

Оставив попытки заснуть, вождь поднялся с дивана и подошел к окну. На темном июльском небе горели яркие огоньки звезд. Раскурив трубку, Сталин удобно устроился в мягком кресле, продолжая думать над многочисленными проблемами, стоящими на пути молодого еще пока государства.

Вот военачальников взять к примеру. Рокоссовский — прав был Ледников — блестящий полководец. Лучший из лучших. Как он провернул операцию в Австрии — загляденье! А вот что с Жуковым делать — непонятно. Военачальник он хороший. Более чем. Однако в том варианте истории после войны вел себя, прямо скажем, не слишком. Да и Берия с ним после того, как мемуары почитал, совсем не в ладах. Хотя и скрывает это мастерски. Мда.

С некоторым усилием поднявшись, Сталин позвонил, вызвав дежурного. Коротко бросил:

— Чаю, с лимоном, — после чего вернулся в кресло.

А страну на кого оставить? Маленков? Берия? Микоян? Или вытащить неизвестную личность и воспитать преемника? Стащить, так сказать, концепцию из будущего? Опять-таки, не самый простой вопрос, начинать решать который надо уже сейчас.

Маленков — будет отличным премьером, но на роль лидера восходящей в зенит сверхдержавы не подходит.

Берия — умен, великолепный исполнитель и организатор. Но относительно него есть некоторые подозрения — не поучаствовал ли он в том варианте истории в смерти товарища Сталина? Тот еще вопрос. Так что тоже не пойдет — будет тем, кто есть сейчас и не больше.

Анастас Микоян. Вот, пожалуй, тот, кто вызывает определенные мысли на свой счет — причем хорошие и положительные мысли. Да и проживет он еще долго. Но потянет ли роль главы великого СССР?

Есть, конечно, еще и варианты с другими лицами. С кем-нибудь необычным. Может, Рокоссовский? Да, Константин Константинович — не политик. Но это дело поправимое. А так — чем не лидер державы? Его обожают в армии, да и простой народ тоже уважает, его знают во всем мире как блестящего полководца. К тому же, после той войны он себя в Польше отлично проявил...

Мысль Сталина прервало появление дежурного с подносом. Подождав, пока тот расставит все на столике и кивком отправив обратно, вождь с наслаждением вдохнул аромат из дымящейся чашки. Сделав маленький глоток, он вернулся к своим размышлениям.

Рокоссовский. А почему нет? Ведь было и еще кое-что, чуть ли не самое важное — он

не предал. Даже через девять лет после смерти товарища Сталина. Лишился при этом должности...

На лице вождя появилась ухмылка. Интересно, кто-нибудь из соратников вообще рассматривает Рокоссовского как вариант? Пока что — наверняка нет. Даже те, кто все знает — Берия, Ворошилов, Молотов и Микоян, даже они, наверное, не думают о варианте с маршалом...

Лидер СССР вновь встал и подошел к окну. Положив потухшую трубку на столик, он некоторое время постоял, просто глядя на ночное небо. Потом, допив чай, вернулся к дивану и прилег. Сон все не шел. Мысль о прославленном маршале как преемнике не давала покоя, становясь все более и более продуманной.

Как ввести его в большую политику? Чему стоит подучить? Как проконтролировать переход власти? Вопросов было множество. Неразрешимых, правда, среди них вроде как и не было.

Рассматривая свою идею со всех сторон, Сталин не заметил, как заснул.

21 июля 1942 года

Линия фронта, недалеко от г. Данциг, Германия

— Мать моя женщина, это какой уже? — немолодой уже человек в сержантской форме украдкой перекрестился.

— Михал Карпыч, чего такое? — на удивленный возглас повернулся молоденький солдатик.

— Ты, Леня, сам посмотри, — седой сержант ткнул рукой в сторону немецких позиций. По освещаемой ракетами нейтральной полосе украдкой крался человек с белой тряпкой, намотанной на руку.

— Опять что ль перебежчик, да? Надо, наверное, это, товарищу лейтенанту сказать...

— И чего они все у нас перебегают? Негде больше, что ли? А нам потом со всякими особистами разговаривать, — Михаил Карпович недовольно махнул рукой. Потом, вскинув винтовку, с тоской добавил:

— Мож пристрелить его? А то счас лейтенанта разбудим, а он нам втык даст...

— Да как ж так, Михал Карпыч? А вдруг он чего важное знает?

— Ну да, конечно, знать он чего. Еще скажи, что это офицер из ихнего штаба — счас придет и все расскажет — где, кто, когда... Вот и на Империалистической — я б даже и тогда в такое не поверил, хотя молодой совсем был. А счас... обычный солдат это.

Недовольно посмотрев на разглаживающего пробивающиеся усы солдатика, сержант все же опустил винтовку.

— Ладно. Топай.

— Куды?

— Куды-куды. К командиру, будить. А ты чего думал?

— Да я ниче, я просто. Я это, в общем... есть, товарищ старший сержант!

— Не есть, а командира будить, давай уже.

Посмотрев в спину удаляющемуся парнишке, сержант удрученно помотал головой. И вот таких у него во взводе — каждый второй. Пацаны еще совсем, мозгов нет, ни ума, ни опыта... Тока детство в одном месте играет. Счас, конечно, поумнее стали, а то как вспомнишь, какими еще пару месяцев назад были — диву даешься, как не поубивались еще... Хотя, если вспомнить сколько таких вот ребятшек все-таки погибло — ведь немало совсем.

Вспомнив свои первые дни в окопах Империалистической войны, сержант вздохнул и почесал старый шрам на ноге — оставшийся с тех давних времен след немецкого осколка.

Дождавшись, когда немец подберется поближе, Михаил Карпович тщательно в него прицелился и громко крикнул:

— Хенде хох!

Немец тут же замер, подняв над головой руки. Учитывая, что пробирался он в полусогнутом положении, поза выглядела забавной.

— Не стреляйт! Я ест офицеръ! Я сдаваться!

Подошедший именно в этот момент злой лейтенант с парой солдат, включая отправленного за ним Леню, коротко бросил:

— Ком цу мир! — и затем тихо добавил, наклонившись к сержанту:

— Михал Карпыч, хрень какую выкинет — пристрелишь. А то, скоты эдакие, совсем задолбали, поспать уже нельзя.

Осторожно приблизившийся к русским окопам немец явно чувствовал себя неудобно. Тем не менее, он довольно уверенно прыгнул к советским солдатам.

Опередив собирающегося что-то спросить лейтенанта, немец уверенно произнес:

— Я ест майор Иоахим Кун. У меня ест сообщение для вашего командования.

27 июля 1942 года Москва, Кремль

В главном кабинете страны сидело пять человек. Точнее, сидело четверо — один из них по известной привычке прохаживался по кабинету.

Сталин, Шапошников, Берия, Молотов и Ледников ожидали прихода еще нескольких человек — Микояна, Ворошилова и Тимошенко. Полученная не так давно информация заслуживала, самое меньшее, пристального внимания.

Наконец, ожидаемые лица прибыли — сначала Микоян с Ворошиловым, а еще минут через десять в кабинете появился еще и Тимошенко.

Коротко поздоровавшись, нарком обороны быстрым шагом прошествовал к своему месту за столом. Коротко кивнув, Сталин негромко заговорил:

— Товарищи, еще раз добрый день. Вопрос, который мы должны с вами обсудить — это вопрос феноменальной важности, — после этих слов говорящий без всякого акцента вождь замолчал. И через несколько секунд обрушил на присутствующих небо:

— Мы будем обсуждать капитуляцию Германии.

ГКО был, мягко говоря, ошарашен. Молчание затягивалось, когда не выдержал Молотов:

— Товарищ Сталин, а не кажется ли вам это... ну несколько преждевременным? Ведь наши войска только-только вошли на территорию Рейха?

Вождь знаком дал слово Берии.

— Чуть меньше недели назад, двадцать первого числа, через линию фронта на нашу сторону перешел немецкий офицер, майор Иоахим Кун. Согласно его информации, подтвержденной из нескольких источников, в том числе и из Особых, в среде немецких офицеров созрел заговор против Гитлера и нацистов. Более того, этот заговор находится в последней фазе.

В кабинете пронесся тихий гул. Тем временем Берия продолжал:

— Кроме того, помимо офицерского заговора, имеется также и заговор финансово-промышленных группировок, мечтающих о захвате власти в Германии.

Увидев кивок Сталина, глава НКВД замолчал.

— Заговор против Гитлера явление крупномасштабное. В нем участвуют десятки людей разных политических и религиозных убеждений, чиновники, военные, промышленники и ученые, — вождь говорил медленно и тихо, но каждое его слово было более чем прекрасно слышно в абсолютной тишине, стоящей в кабинете.

— Важно то, что группа заговорщиков-военных является сторонником ориентации на СССР, а также возобновления мирных и взаимовыгодных германо-советских отношений. А воротилы из финансовых групп, организовавшие свой собственный заговор, ориентируются на Англию. Хотят сохранить содержимое своих карманов, — Сталин покачал головой. Затем снова дал знак Берии продолжать:

— «Штатский заговор» возглавляет Карл Фридрих Герделер. Его позицию разделяют следующие лица: президент рейхсбанка Ялмар Шахт, рейхскомиссар прусского министерства финансов Йоханнес Попиц и многие другие. Можно отметить, что из «гражданских» исключением является прекрасно нам известный посол Шуленбург — он сторонник сотрудничества с СССР.

Теперь о «Военном заговоре». Его лидером является Людвиг Бек. Также в него входят Гудериан, фон Клюге, Роммель, Канарис и множество других офицеров Вермахта, в том числе среднего звена. Казнь фон Бока не принесла Гитлеру популярности в их среде.

Майор Кун перешел на нашу сторону не просто так. «Военный заговор» стремится получить нашу поддержку и гарантии сохранения Германии в случае успеха их плана. Естественно, они согласны капитулировать, — Берия замолчал.

— Крысы бегут с тонущего корабля, — едко прокомментировал Ворошилов.

— А больше им ничего не надо, кроме наших гарантий? А то может им еще и оружия дать? — саркастически поинтересовался уже Тимошенко.

— Проблема в том, товарищи, что «Гражданский заговор» тоже близок к завершению. Это не учитывая того, что про СС мы не знаем — а там вполне возможен свой заговор. Мы и про «гражданцев» знаем по случайности — из Особых источников. Ну и еще майор Кун помогал им доставать оружие, — рокошующий голос Ледникова перекрыл тихие реплики остальных. — А значит, если первыми успеют штатские, то на нашем горизонте резко вырисовываются перспективы войны с Союзниками, чего нам пока совершенно не нужно...

— Кроме того, стоит вспомнить про те миллионы солдатских жизней, которые мы сумеем сберечь в случае немедленной капитуляции Германии, — добавил уже Молотов. — Вот только нам нужно побольше с Рейха стрясти.

— Это бесспорно. Восточная Пруссия более не будет существовать. Кроме того, мы должны серьезно ободрать их промышленность. Но важным вопросом являются наши собственные границы и интересы в Европе, особенно Западной. В частности, что с Францией, с Виши, с Бенилюксом, с Италией?

Послышались предложения. Вождь, наблюдающий за разгорающейся дискуссией, улыбнулся. СССР будет жить. Еще очень и очень долго...

4 августа 1942 года Сицилия

Серия чудовищных взрывов едва не убила спокойно идущего по своим делам Вильгельма Шнирке. Упав в какую-то яму, выживший на Восточном фронте пехотинец Вермахта молил Бога, чтобы все это, наконец, закончилось. Он уже устал от войны — хотя последние месяцы служил в относительно спокойной Италии, довольно далеко от мясорубки «Русского фронта».

А теперь снова вокруг взрывы, слышны крики раненых и хрипы умирающих. Что, черт возьми, происходит?

Высадка Союзников на Сицилии — вот что происходило. Надо же голливудским режиссерам и сценаристам получить прекрасный материал для своих фильмов.

Не слишком большая, по меркам Восточного фронта, операция — высаживались всего-то несколько дивизий. Однако здесь, на юге Европы, ничего подобного еще никогда не было. Десятки кораблей, садящих из всех стволов по немецким и итальянским укреплениям — представьте себе несколько сотен снарядов морских калибров, взрывающиеся каждые несколько секунд. Жуткое зрелище. А ведь были еще и тысячи десантных плавсредств и катеров, сотни самолетов, тысячи и тысячи парашютистов. Англосаксам очень не хотелось отдавать Союзу все самые вкусные куски Европы...

5 августа 1942 года Берлин

— Граф, боюсь, у нас больше нет времени. Мы должны действовать немедленно. Высадка Союзников в Италии — это лишь начало. Если мы не сделаем все, что задумали, в ближайшее время, то успеха может достигнуть вторая группа — что будет для нас смерти подобно. И не только для нас — но и для Германии. И мне кажется, что вы это понимаете, — Людвиг Бек вопросительно посмотрел на Штауфенберга. Тот согласно кивнул.

— Послезавтра у Гитлера совещание с Муссолини. Я все сделаю.

— Еще кое-что. Даже если вы не успеете взвести оба пакета, все равно оставьте их там, хорошо? Второй может также сдетонировать... у бесноватого не будет ни единого шанса.

— Я все сделаю, генерал, — повторил подполковник. — В лучшем виде.

— Мы все верим в вас, граф, — Бек смотрел на последнюю надежду Германии предельно серьезно.

— Я знаю, господин генерал. Я знаю, — уверенно ответил Штауфенберг, пожимая протянутую руку.

— Удачи.

— Спасибо. Она мне пригодится...

7 августа 1942 года Берлин, Фюрербункер

— Ваши документы, пожалуйста, — вежливо попросил Штауфенберга высокий охранник в эсэсовской форме.

— Конечно, — граф полез в карман. Некоторое время он искалеченной рукой боролся с пуговицей. Наконец, справившись с ней, полковник извлек пропуск.

Не меня выражения лица, эсэсовец внимательно рассматривал протянутые ему документы. Затем поднял глаза на Штауфенберга и, протягивая бумаги обратно, таким же ровным голосом без тени эмоций сказал:

— Будьте любезны открыть портфель.

— В нем находятся важнейшие документы высочайшего уровня секретности. У вас нет допуска для их просмотра.

— Я должен осмотреть портфель, — голос охранника был все так же бесцветен.

Граф подумал несколько секунд. После чего предложил:

— Я могу открыть этот портфель не более чем на несколько секунд. Этого достаточно?

— Возможно.

Приоткрыв портфель, Штауфенберг дал охраннику мельком увидеть плотную пачку бумаг. После чего уверенно двинулся мимо эсэсовца внутрь. Тот не стал возражать.

Двадцать четыре минуты спустя полковник быстрым шагом вышел из бункера вместе со своим адъютантом. Стоящий все там же охранник проводил их мрачным взглядом.

— Что значит «сегодня»? — голос Канариса прозвучал необычайно взволнованно.

— Господин адмирал, у нас не было времени известить всех. Штауфенберг уже в бункере, — Бек произнес это с тем спокойствием, с которым говорят люди, идущие ва-банк в игре, где ставкой является жизнь.

— Вы были обязаны сообщить об этом мне!

— Почему? Что бы это изменило?

«Я бы вас остановил, тупой идиот!», — шеф Абвера едва не произнес это вслух, сумев справиться с собой в последнюю секунду.

— Я бы подготовил своих людей.

— Готовьте их сейчас, господин адмирал. И побыстрее. Я полагаю, вы понимаете, что другого шанса у нас не будет.

— Конечно, понимаю.

— Тогда не буду вас отвлекать, Вильгельм. Удачи.

— Удачи, господин генерал.

Грохнув трубкой, глава немецкой разведки ненавидящим взглядом несколько секунд смотрел на телефон. Затем несколько раз глубоко вздохнул и откинулся в кресле.

Людвиг Бек не знал, что расчетливый Вильгельм Канарис состоял в обеих группах заговорщиков против Гитлера — как в «военной», так и «гражданской». И был за победу скорее последней. И после высадки Союзников в Италии адмирал полагал, что ставка на «гражданских» была верной. А теперь выясняется, что через несколько минут войки взорвут этого бесноватого придурка и захватят власть.

Попробовать это остановить? Скорее всего, не получится. Слишком поздно. Шайзе, шайзе, шайзе!

Канарис грохнул кулаком по столу. Надо что-то делать. Ладно, раз не получилось с гражданскими, то придется работать с тем, что есть.

— Франц, — адъютант возник на пороге кабинета практически мгновенно. — Немедленно подготовь мне машину. Позвони Шелленбергу — пусть встретит меня там, где мы с ним договаривались. Скажешь ему, что пришла гроза, понял?

— Так точно, господин адмирал.

Выходя из кабинета, Канарис оглянулся. Образцовый порядок. Если дело не выгорит, то перед преемником будет не стыдно.

До одного из важнейших событий двадцатого века оставалось несколько минут.

Берлин, Фюрербункер, часом ранее

Совещание в главном бункере Рейха было в самом разгаре. Манштейн уверенно доказывал, что необходимо сосредоточить все силы на Востоке, оставив Италию разбираться с Союзниками самостоятельно. Учитывая, что после переброски корпуса Роммеля обратно в Европу, на Восточный фронт, итальянцы проиграли Африку практически молниеносно, это выглядело как бросание ягненка на растерзание льву. О чем не замедлил в довольно резкой форме высказаться Муссолини.

— И как вы думаете, долго продержится Германия, когда ее сожмут со всех сторон? — дуче явно был не в настроении.

— Нам неоткуда взять дополнительные войска!

— У вас во Франции прохлаждается целая куча дивизий! Армии сидят на месте и ничего не делают!

— Если мы перебросим войска из Франции, это позволит Союзникам высадиться еще и там!

— Я не прошу вас перебрасывать всех солдат до последнего. Но несколько дивизий-то вы бы могли выделить без особого ущерба для обороноспособности! — Муссолини едва не грохнул кулаком по столу.

Молчавший до сих пор Гитлер вдруг вскинул голову и твердо произнес:

— Мой дорогой друг прав. Рейх достаточно силен, чтобы помочь союзнику в трудную минуту. Пяти дивизий из Франции с лихвой хватит, чтобы сбросить англо-американские войска в море. И никакого больше побега, как в Дюнкерке. Мы уничтожим их всех, до последнего солдата, до последнего повара — всех! — под конец Гитлер сорвался на крик.

В этот момент к стоящему в стороне Штауфенбергу подошел адъютант и, наклонившись, прошептал несколько слов. Тихо извинившись, полковник вышел из комнаты.

— Но, мой фюрер, войска большевиков уже на территории Рейха. Вам не кажется, что усиление нашего Восточного фронта — гораздо более важная задача? — вкрадчиво поинтересовался Йодль.

— Большевики измождены боями с нашим великим Вермахтом. Скоро, после перегруппировки, мы прорвем фронт сразу в нескольких местах и разгромим всю их армию. А затем вернем потерянные территории и дойдем до Урала. Наши японские союзники

атакуют большевиков в Сибири, после чего Сталину и его ордам придет закономерный конец!

Тем временем, охранник, только что пропустивший мимо себя выходящего из бункера Штауфенберга и спешащего вслед за ним адъютанта, пытался понять, что его насторожило в облике полковника. Что-то точно было не так, но что именно?

Форма? Нет, с формой все в порядке. Документы? Пропуск был настоящий, как и все остальное. Да и полковник вел себя более-менее нормально — даже без особых возражений дал заглянуть в портфель... Портфель! При Штауфенберге не было портфеля!

Едва успевший присесть эсэсовец вскочил со стула. Стоп. Может у адъютанта? Нет, у того была какая-то папка, а портфеля не было... Да и уход полковника выглядел несколько поспешным. Хотя вполне возможно, что тот действительно куда-то торопился. Может, все в порядке и это обычная паранойя?

Наконец, нервно расхаживающий по коридору охранник принял решение и, бросив напарнику короткое «Жди», твердым шагом направился к входу во внутренние помещения бункера.

— И вместе Италия и Германия разгромят своих противников, возносясь к величию!

Закончивший очередную речь фюрер хотел, было, воткнуть ручку в карту, однако та вылетела из руки, откатившись к двери в комнату отдыха. Остановив бросившихся за ней офицеров, фюрер неторопливо направился ее поднимать. Подойдя к приоткрытой двери, глава Третьего Рейха наклонился за любимой пишущей принадлежностью.

Та, однако, снова вылетела из рук, упав уже в комнате отдыха. Тихо выругавшись, Гитлер распахнул дверь и шагнул внутрь.

Это могло бы спасти ему жизнь и здоровье, если бы он самолично не приказал перенести тяжелый шкаф с книгами, стоящий в комнате отдыха, к другой двери. А так...

Подходящий к комнате совещаний охранник-эсэсовец успел ощутить жуткий удар и услышать чудовищный грохот. Это были последние чувства в его жизни...

21 августа 1942 года СССР

В многочисленных городах и селах великой страны народ собирался вокруг радиоприемников. Замершие на площадях толпы людей радостно ожидали обещанного Левитаном выступления вождя.

Голос великого диктора, зазвучавший по всей стране, лишь усилил напряжение. Обстановка действовала и на детей — даже шумные подростки замолкали, едва услышав голос одного из главных врагов Гитлера.

— А сейчас будет передано специальное обращение Председателя Совета Народных Комиссаров СССР, Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами СССР, Председателя Государственного Комитета Обороны, Иосифа Виссарионовича Сталина.

Воцарившееся по всей стране после этих слов безмолвие было воистину абсолютным. Стороннему наблюдателю могло показаться, что даже на вечно шумных заводах стало чуть ли не на порядок тише.

— Соотечественники и соотечественницы! Товарищи! Красноармейцы и краснофлотцы, сержанты и старшины, офицеры армии и флота, генералы и адмиралы, рабочие и колхозники, работники науки и искусства, служащие, сегодня я с огромной радостью приветствую всех вас, мои дорогие сограждане.

Наступил великий день Победы над Германией. Фашистская Германия, поставленная на колени Красной Армией, признала себя побежденной и объявила безоговорочную капитуляцию.

Семнадцатого августа представителями нового правительства Германии в городе Вене был подписан предварительный протокол капитуляции.

А уже девятнадцатого августа немецкое главнокомандование и правительство в

присутствии представителей Верховного Главнокомандования советских войск подписали в Берлине окончательный акт капитуляции, исполнение которого началось с двадцати четырех часов двадцатого августа.

Зная волчьи повадки немецких заправил, считающих договора и соглашения пустой бумажкой, мы не имели оснований верить им на слово. Однако сегодня с утра немецкие войска во исполнение акта капитуляции стали в массовом порядке складывать оружие и сдаваться в плен нашим войскам. Это уже не пустая бумажка. Это — действительная капитуляция вооруженных сил Германии.

Теперь мы можем с полным основанием заявить, что наступил исторический день окончательного разгрома Германии, день великой Победы нашего народа над Германским империализмом.

Более года на просторах Европы лилась кровь. Более года советские люди умирали в сражениях за свободу нашей Родины, в сражениях и боях со злом германского империализма и фашизма, в битвах за освобождение и равенство народов нашего многострадального континента. И мы победили! Доблестная Красная Армия и Флот разбили фашистские войска, показав немецкому народу все безумие и сумасбродство его руководства.

Великие жертвы, принесенные нами во имя свободы и независимости нашей Родины, огромные лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряженный труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь Отечества, — все это не прошло даром и увенчалось полной победой над врагом.

Суды над фашистскими преступниками еще предстоят. Но у меня нет никаких сомнений в том, что эти злодеи понесут заслуженное наказание за свои многочисленные преступления.

Сегодня я радуюсь тому, что среди немецкого народа нашлись люди, имевшие мужество выступить против правящей клики мерзавцев и сумевшие устранить их от власти. Сегодня я радуюсь тому, что советские войска освободили Европу от прогнивших режимов и оккупационных войск.

Но есть еще кое-что, что я должен сказать всему Советскому народу, стоящему на благодатном пороге у входа во дворец справедливости.

Период войны в Европе кончился. Начался период мирного развития.

Однако мы должны помнить: знамена свободы развиваются еще не во всем мире. И в мире существует еще достаточное количество угроз для нашего государства.

Но это не повод расстраиваться. Да, перед нами стоят еще многочисленные преграды. Однако, я уверен, что мы сможем с честью их преодолеть. Перед нами стоят грандиозные задачи — но вместе мы решим их, как вместе победили одного из опаснейших противников в истории нашего народа. Чтобы пройти путь к сиянию коммунизма, мы должны сделать следующий шаг в мирном строительстве нашей жизни.

И, начав движение, мы должны поклясться, что будем идти только вперед.

Мы не можем повернуть назад. Есть такие, которые спрашивают нас, преданных делу коммунизма: «Когда вы успокоитесь?» Мы никогда не успокоимся, ибо нет предела совершенству, ибо остановиться — значит умереть!

С Победой вас, мои дорогие соотечественники и соотечественницы!

Слава нашей героической Красной Армии, отстоявшей независимость нашей Родины и завоевавшей победу над врагом!

Слава нашему великому народу, народу-победителю!

Вечная слава героям, павшим в боях с врагом и отдавшим свою жизнь за свободу и счастье нашего народа!

**27 августа 1942 года
Москва, Кремль**

— Но ведь американские «Айовы», модернизированные с использованием ракетного

оружия, были весьма удачными ударными кораблями, товарищ Кузнецов, согласитесь, — идущее вот уже два часа совещание по вопросу стратегии развития советского флота проходило пока не слишком результативно для наркома ВМФ. Пытаясь в очередной раз убедить вождя отказаться от линкоров в пользу авианосцев, он снова терпел неудачу. Уж очень нравились товарищу Сталину громадные артиллерийские корабли.

— Да, конечно. Но их реальные качества проверять в бою не пришлось. С другой стороны, американские же авианосцы выполнили большое количество важных операций. И именно авианесущие корабли имеют на данном этапе развития очевидное превосходство, — голос Николая Герасимовича не дрогнул. Он уверенно продолжал отстаивать свою позицию. — Кроме того, товарищ Сталин, мы же получим по условиям капитуляции от немцев большое количество кораблей: «Тирпиц», «Шарнхорст», «Гейзенау», «Адмирал Хиппер», «Принц Ойген». Это приличное число сильных артиллерийских кораблей.

— Не забывайте, что Советский Союз также получит почти достроенный «Граф Цеппелин» — и наша промышленность, я уверен, с успехом сможет закончить этот авианосец, — Сталину ну очень хотелось достроить бронированного монстра проекта 23.

— Это да, но одного авианосца нам явно недостаточно. Кроме того, наличие авианесущих кораблей не означает отмену строительства всех остальных. Более того, я уверен, что именно сбалансированный состав — это то, что нужно Советскому флоту. И, как только в нашем распоряжении окажутся достаточно точные и надежные ракеты корабельного базирования, строительство сильных судов сможет быть продолжено — но уже на ином этапе развития!

— Ви, товарищ Кузнецов, во многом правы. Но товарищ Сталин все же считает необходимым рассмотреть этот вопрос с разных точек зрения. Вот ви, товарищ маршал, что думаете? — неожиданно обратился вождь к молчаливо сидящему за столом Ледникову.

Удивленно посмотрев на вождя, недавно повышенный в звании пришелец заметил:

— Я не специалист во флотских вопросах, товарищ Сталин. Конечно, у меня есть мнение, но оно не является экспертным и основано, скорее, на общих впечатлениях от чтения соответствующих статей аналитиков и встреч с морскими офицерами, — Ледников говорил медленно, тщательно обдумывая свои слова.

— Но все же мнэ было бы интэрэсно вас послушать.

— Конечно, товарищ Сталин. Стратегия строительства флота — это, несомненно, важная задача. Но нам надо все же определиться, для каких целей мы строим этот самый флот. Для защиты побережья, для крейсерских операций, для нападения на какого-либо противника, — после этих слов вождь довольно хмыкнул и принялся набивать трубку.

— Естественно, в случае выбора защиты побережья как основной и единственной цели существования флота, нам не понадобятся авианосцы, — после этих слов Ледникова Кузнецов недовольно поглядел на маршала. — В таком случае нам вполне хватит береговой авиации, артиллерийских и, позже, ракетных батарей. Правда, в таком варианте я также не вижу особых задач для тяжелых и сверхтяжелых артиллерийских кораблей, поскольку для решения задач защиты побережья они будут более чем избыточны, — пришла очередь недовольных взглядов вождя.

— В случае если основной задачей флота становятся крейсерские операции, то артиллерийские корабли могут иметь некоторый смысл. Однако, вполне очевидно, что в современной войне в открытом море они будут уязвимы для атаки с воздуха — что ярко доказала судьба «Бисмарка». Потому, как минимум, будут необходимы легкие авианосцы для воздушного прикрытия, — Кузнецов, уже было поникший, вскинул голову и с надеждой посмотрел в сторону Сталина. Тот задумчиво раскуривал трубку.

— И, наконец, последний вариант. Универсальный флот, способный решать любые задачи. Честно говоря, именно таким мне представляется наш путь. Просто потому, что война на море не выигрывается ни в крейсерстве, ни в обороне. Как, впрочем, и война на суше. Отмечу еще вот что. В будущем основным оружием на море были атомные подводные ракетноносцы и авианосные ударные группировки. Причем отмечу, что последние являли

собою хорошо сбалансированные эскадры, фактически представляя собою целый флот в миниатюре.

Правда, сразу стоит заметить недостаток универсального флота — это его цена. Как мы все понимаем, она огромна. И именно поэтому мы не можем ошибиться сейчас в выборе стратегии.

— И что вы предлагаете, Лаврентий Георгиевич?

— Не торопиться. Очевидно, что нашим основным противником будут Штаты и Великобритания. И сейчас они заняты с японцами. Причем в ближайшее время они не закончат. Пусть пока наши конструкторы и проектировщики вдумчиво, с прицелом на будущее проектируют корабли всех необходимых классов. А немцы пускай построят нам еще некоторое количество кораблей — вроде «Цепелина» и артиллерийских кораблей. В любом случае, наш флот будет в ближайшее время значительно усилен. Мы модернизируем систему ПВО на немецких и наших кораблях, несколько снизив угрозу с воздуха. А потом, когда товарищ Королев добьется, наконец, ожидаемых успехов, мы получим значительное преимущество хотя бы и качественного плана, имея спроектированные именно под ракетное оружие корабли.

— Вы что-то хотите добавить? — Сталин вновь обратил внимание на наркома ВМФ.

— Да. Внимательно изучив всю доступную информацию о послевоенном развитии флота, я вот что заметил.

Первое же боевое применение противокорабельных ракет — когда египетские ракетные катера утопили израильский эсминец — показало, что новое оружие радикально изменило тактику и стратегию морских сражений. Было фактически положено начало новому направлению тактической мысли: понятие боя потеряло традиционный смысл, присущий ему с зарождения войны на море.

Поскольку наступательный потенциал носителя ракет много выше оборонительного, выживание под ответным ударом крайне сомнительно. Морской бой — огневое воздействие по противнику и оборона от его воздействия — стал нерационален, и его начали стараться избегать. Основным способом боя стало использование оружия без входа в зону противодействия противника. Например, катера, утопившие все тот же «Эйлат», даже не покидали гавань.

Соответственно, столкновения примерно равных по возможностям противников стали тоже не характерны. В тех случаях, когда они происходили, преимущество имела сторона, первой установившая контакт и производившая залп.

В этом свете традиционные артиллерийские корабли теряют смысл — ракеты, даже те, что у нас уже есть, бьют гораздо дальше, чем артиллерия. И не только дальше, но и точнее.

— Ну, наши ракеты пока точностью не отличаются, — заметил вождь.

— Конечно, товарищ Сталин. Но это пока. Успехи в электронике позволяют определенно надеяться на быстрое улучшение этих характеристик. Плюс мы получим всю документацию по немецким разработкам, в частности, по ракете Хеншель ХС 293 — что является еще одним аргументом в пользу авианосного флота. Кроме того, построить множество ракетных катеров на порядки дешевле, чем один единственный линейный корабль. При этом по суммарной эффективности это оружие будет гораздо полезнее для флота.

— То есть вы предлагаете очень осторожный и взвешенный подход... разумно. Хорошо, Лаврентий Георгиевич, товарищ Кузнецов, вы меня убедили. Посмотрим, как будет развиваться ситуация на Тихом Океане и сделаем соответствующие выводы. «Граф Цепелин» закончим, после чего будем использовать его как учебное судно для наших морских летчиков. Но и «Советский Союз» мы все-таки достроим, только с применением новых средств ПВО и возможностью установки ракет, — тон, каким это сказал Сталин, ясно показал, что здесь споры бессмысленны. Один свежестроенный линкор у СССР будет.

2 сентября 1942 года

Москва, здание ЦК

С самого утра Константин Рокоссовский чувствовал себя неудобно. Неожиданное предложение вождя занять должность Генерального Секретаря едва созданного Центрального Военного Совета застало маршала врасплох. А последующая беседа с генералом Ледниковым и Берией в присутствии Сталина потрясла полководца до основания. Пришельцы из будущего — это было невероятно! А он еще удивлялся: что за таинственный Ледников? Откуда появилась эта фигура?

А потом он узнал про это самое будущее. Узнал про катастрофу девяностых и понял, что должен сделать все, чтобы этого не допустить.

И вот сегодня ему предстоит первое большое программное выступление.

Речь для сего события написали люди Ледникова — специалисты по так называемой «информационной войне», плюс что-то было добавлено лично Сталиным, а полководец лишь внес некоторые правки.

Маршал усмехнулся. Да уж, люди там, в будущем, удивительно точно называют вещи. «Пропаганда», ага, как же. «Война» определенно подходит больше.

Поднявшееся настроение несколько смягчило дискомфорт — все же публичные выступления подобной важности были Константину Константиновичу несколько в новинку.

Выступать же ему предстояло непосредственно после самого Сталина. Почему? Ответа на этот вопрос полководец не знал. Но собирался выступить перед собравшимися не хуже, чем перед офицерами своего штаба или солдатами его армий.

А находившиеся в зале люди представляли собою всю мыслимую мощь советского государства — ученые, военные, партийцы высоких рангов... Добавлял нервозности еще и тот факт, что все до единого выступления снимались на кинокамеры.

— Последняя война показала всему миру всю совокупную мощь нашего государства, — Сталин уже завершал свою речь, и Рокоссовский максимально сконцентрировался, последний раз пробегая в мыслях по тексту своего выступления.

— И Советский Союз также показал всю величину своего миролюбия, не отвергнув предложенного новым правительством Германии соглашения, и, в то же время, отказавшись принять любые ограничения своего суверенитета, фактически требуемых от нас странами так называемого Запада. В этих двух сверхдержавах, столь похожих на первый взгляд, бытует мнение, что они могут навязывать свое мнение всему миру, не считаясь ни с чем, — в зале оставалось очень-очень тихо даже после этих слов вождя.

— Вот и в этот раз они потребовали — именно потребовали! — вывести наши войска из Голландии, Бельгии, Норвегии и других стран, настаивая на проведении так называемых «демократических выборов». Каковыми они, естественно, согласны признать лишь те, результат которых будет удовлетворять интересам правящих групп капиталистов.

Но более того. Они потребовали от нас вступления в войну против Японии! Фактически втавив Советский Союз в войну против Гитлера и его приспешников и надеясь тем самым уничтожить государство, чей передовой строй самим своим существованием угрожает их карманам, они недооценили решимость советского народа в борьбе за истинную свободу, равенство и братство. А теперь они надеются попытать счастья еще раз — теперь уже в войне против Японии. Наш ответ будет короток: не дождутся! — зал взорвался аплодисментами. Подождав пока овация затихнет, вождь продолжил:

— Но это лишь начало. К огромному сожалению, я вынужден констатировать: шансы на то, что Советскому Союзу дадут мирно развиваться, невелики. Приходится признать, что в условиях приближающейся победы коммунизма сопротивление капиталистов будет только расти. А потому вероятность втягивания нас в ненужную войну будет лишь увеличиваться. А это, в свою очередь, означает, что наши Вооруженные Силы: и Армия, и Флот, должны лишь увеличивать свою мощь. Нравится это капиталистам или нет, но история на нашей стороне: мы их похороним! — после этого последовал очередной взрыв восторга. И на этот раз зал не успокаивался добрых минут десять. Наконец, когда все стихло, Сталин, улыбаясь, сказал:

— Но мы должны помнить, что война — это крайнее средство. Враг не только и не столько там, — вождь неопределенно махнул рукой. — Враг, самый главный и опасный — в нас самих. Враг в лени. Враг в желании остановиться в своем развитии. Враг в чрезмерном желании насладиться успехами нашего строя, в головокружении от успехов. И чтобы не проиграть этому врагу мы должны всегда помнить: когда корова перестает пастись и становится в сарай — приходит мясник.

Поэтому мы должны развиваться. Во всех сферах. В том числе и в политической, — вождь замолк на несколько секунд и обвел взглядом аудиторию. — А новую политику должны проводить новые в политике люди, которые в состоянии принять новые идеи, творчески их переработать и осуществить. Один из таких людей расскажет вам сегодня о том, каким мы видим путь дальнейшего развития нашего государства. Вы все прекрасно знаете этого человека. Константин Константинович Рокоссовский, — и Сталин сделал приглашающий жест.

Поднявшийся со своего места маршал шел к трибуне под гром аплодисментов. Не хлопал один только Берия, внимательно рассматривая лица сидящих в зале людей сквозь круглые стекла своих очков.

Пожав руку маршалу, Сталин сошел с трибуны и уселся на свое место.

Улыбнувшись, Рокоссовский глубоко вздохнул и начал говорить, практически не заглядывая в лежавший перед ним листок с тезисами.

— Одна из центральных идей разработанного плана развития Союза Советских Социалистических Республик заключается в том, что мы создаем политическую систему, не имеющую себе равных, в том числе и среди стран западной демократии. Но что конкретно имеется в виду? — едва начав говорить, маршал мгновенно забыл про неуверенность. Не страшнее чем в бою.

— Западная система — это многопартийная система, правительство доказывает свою правоту тем фактом, что его выбрали. Партия «А» должна показать, что партия «Б» никуда не годится, и наоборот. Эдакое постоянное перетягивание каната.

Наше правительство должно активно прибегать и уже сейчас это делает к консультациям при принятии решений. Нам необходимо иметь возможность взгляда на проблему с разных сторон, а это значит, что обсуждения необходимы. Однако, этот процесс не должен затягиваться — важен быстрый приход к единому мнению, возможно даже и компромиссному в той или иной степени. И после того, как это мнение выработано — все должны работать с максимальной отдачей для достижения поставленной цели.

Советские люди — это мудрые люди, хорошо воспитанные, образованные и подготовленные. Может быть, пока еще не все — но с каждым годом мы все ближе к этому. И поставив единую цель, а потом вместе продвигаясь в ее направлении, советский народ способен на все, что угодно. И последняя война — более чем убедительное подтверждение этих слов!

Наблюдающий за Рокоссовским Сталин незаметно ухмыльнулся. Забывший про бумажку маршал полностью захватил внимание зала.

— Наше большое преимущество вот еще в чем: если правительство не уверено, будет ли работать то-то и то-то, у нас есть возможность поставить эксперимент в отдельных областях — что невозможно в странах Запада. И именно так мы и будем поступать. Пробовать и ошибаться.

Ведь все наше государство — это самая крупная экспериментальная программа, когда-либо существовавшая в мире. Пробуя самые разные подходы, на самых низших звеньях — мы будем выбирать лучший вариант. Если что-то получилось, оно будет принято, не сработало — будет отвергнуто. Даже сейчас, когда мы все еще в начале пути, есть множество примеров, когда инициатива, идущая снизу, была принята руководством и воплотилась в постановления, действительные для всей страны.

На Западе доказательство правоты правительства — это его победа на выборах. А у нас — достигнутые результаты. Вот это — демократия. А вовсе не тот строй, где человек не

может зайти в магазин только потому, что у него не такой цвет кожи, — Рокоссовский замолк и сделал глоток воды. В зале слышались одобрителные выкрики.

— Так что же у нас за система? Наша система — это прагматическое, систематическое продвижение к построению нового, процветающего общества. И как говорил товарищ Сталин: мы не должны останавливаться на этом пути. Потому что остановившись — мы проиграем. А у нас нет такого права!

Еще почти час пришедшие в здание ЦК люди внимали словам Рокоссовского, прерывая его аплодисментами, часто становящимися «бурными и продолжительными» и «переходящими в овацию».

И за этот час Лаврентий Павлович Берия сделал для себя несколько отметок.

Если кому-то не нравится новая политика партии и люди, ее продвигающие — тем хуже для этих «кого-то»...

5 сентября 1942 года Голландия, г. Арнем

— Эй, Леня! Леня! Васильев! — наконец, майор услышал зовущего его Шимазина и повернул голову.

— Чего такое? — спросил он у однополчанина, терпеливо дождавшись, пока тот проберется через наполняющую перрон толпу солдат.

— Вы когда грузитесь?

— Да сейчас, собственно, и грузимся. А что?

— Да мне в штабе ничего не объяснили, сказали что-то вроде: «планы поменялись, грузи батальон», а куда, чего, когда — ничего не сказали. Попробовал ломануться к полковнику, а у того сам Малиновский...

— Послал?

— Ага. Вежливо так, — Терентий удрученно развел руками.

— А вот нефига было утренний сбор пропускать, — Васильев погрозил другу пальцем.

— Да я же по уважительной причине, — скептический взгляд Леонида был вполне объясним, учитывая, что Шимазин был большой любитель женщин, и пропуск хорошенькой особы слабого пола мимо своего обаяния считал чем-то вроде преступления.

— И сколько лет этой самой причине? И каков цвет ее волос и глаз?

— Черт его знает. Лет где-то около сорока, волосы светлые, а глаза... ну не знаю, я не рассматривал.

— ??? Это... в смысле... ты сейчас вообще о чем? Ты чего, решил перейти на женщин постарше? Молоденькие больше не устраивают?

— А кто вообще сказал, что это была женщина? — предельно серьезным тоном поинтересовался Шимазин. После чего, глядя на выражение лица Леонида, расхохотался.

— Нет, Леня, тебе точно надо срочно бабу найти. А то у тебя в башке черт знает что творится. Я у немецкого полковника документы забирал, насчет там передачи комендатуры нам и все такое.

— И ведь подловил, стервец. Ладно уж, чего там.

— Так чего за галиматья с переводом?

— А, ну да. Нас в Утрехт перебрасывают, всей дивизией, — Васильев пожал плечами.

— С какого? Вроде ж мы должны были тут стоять? — Терентий недоуменно посмотрел на товарища.

— Да понятия не имею. Наверное, чтобы пугнуть «союзничков». Ты последнюю статью в «Правде» про выступления Сталина, Рокоссовского и Молотова читал?

— Ну да. Чего, думаешь после вздрючки немчуры нам теперь и англичашек с их Уолл-Стритовскими боссами погонять придется? — Шимазин машинально потянулся к кобуре.

— Да не, вряд ли. Их япошки так гоняют, что им по любому не до нас.

— А смысл тогда в этих перебросках? Думаешь, мы по их душонки придем, так

сказать, в превентивном порядке?

— Терентий, вот слушаю я тебя и удивляюсь. И как ты майором стал? Тебе ж в «Правде» четко написали: развитие Союза — это мирное и поступательное построение процветающего и справедливого общества. А Армия и Флот — это только если капиталистам захочется получить в зубы.

— Ну, в «Правде» много всего пишут, — глубокомысленно произнес Шимазин, — всего и не поймешь сразу.

— Ага, конечно.

— Товарищ майор! — разговор двух друзей прервало появление теперь уже прапорщика Охлопкова. Якут, появившись словно из ниоткуда, вытянулся перед комбатом.

— Привет, Федор. Чего такое?

— Да вот, вас в штаб вызывают. Говорят, что срочно. Я уже и машину приготовил.

— Ладно, побежал я, Терентий. Увидимся еще.

Смотря вслед удаляющемуся комбату, Шимазин вдруг обратил внимание на то, как сильно изменился его друг за последний год. Поседевшие волосы, шрам на виске, отстраненный взгляд... Почему-то раньше это не бросалось в глаза.

«Точно ему баба нужна. А то, чувствую, будет нехорошо. Очень нехорошо», — мысль, мелькнувшая в голове майора, на некоторое время заслонила собою мелкие повседневные проблемы...

Некоторое время спустя слегка удивленный майор Васильев покидал штаб. Отправив на вокзал Охлопкова с донесением об отмене погрузки полка, офицер раздумывал о происходящем. Неожиданная задержка переброски их дивизии удивляла. С другой стороны, вполне возможно, что какую-то другую часть решили передвинуть пораньше. Или еще что-нибудь в этом духе.

Возвращаться назад в расположение батальона Леониду решительно не хотелось. Хотелось просто побыть одному и ни о чем не думать. Тем более что до завтрашнего дня делать было совершенно нечего, и перед майором вставал вопрос о собственном времяпрепровождении.

Решив прогуляться, Васильев неторопливо отправился вниз по улице, любясь освещенным заходящим Солнцем городом.

Размышляющий о смысле жизни офицер даже не заметил, как стемнело. Решив, что пора возвращаться в полк, Леонид вдруг осознал, что оказался в незнакомой ему части Арнема. Людей, у которых можно было бы спросить дорогу, на темной улице не наблюдалось, и майор попросту развернулся, отправившись назад той же дорогой, что он и пришел.

Вдруг на Васильева накатило чувство тревоги. Учитывая, что обостренная войной интуиция уже не раз спасала офицеру жизнь, тот максимально сосредоточился, пытаясь понять, где именно находится источник угрозы. Однако все попытки определить опасность оказались тщетны, отчего тревога усиливалась буквально с каждым шагом.

Расстегнув кобуру, майор ускорил шаг.

Неожиданно откуда-то из темного переулка, примыкавшего к улице, до Леонида донеслись едва слышные звуки борьбы.

Вытащив ТТ и пожалев, что при себе у него нету ни ППШ, ни ППС, ни новомодного АК, майор осторожно приблизился к повороту, в каждую секунду ожидая ловушки или еще чего-нибудь в этом роде.

Увидев разворачивающееся в глухом переулке действие, Васильев мысленно выругался, уже представляя, сколько объяснений ему предстоит. Ну и подколок Шимазина тоже. И еще неизвестно, что хуже.

В грязном тупике, образованном несколькими домами, пьяный немецкий офицер пытался решить непростую задачу — удерживая девочку-подростка и одновременно зажимая ей рот одной рукой, другой расстегнуть пояс. Учитывая, что на ногах герр офицер

держался не слишком твердо, разрешение данной проблемы ему никак не давалось. Васильев появился именно в тот момент, когда немец собрался попросту отправить девчонку в нокаут, и свободно использовать обе руки.

— Хенде хох! — известная фраза была произнесена майором ледяным тоном, ясно дающим понять, что будет с неподчинившимся.

Немец повернул голову и удивленно уставился на Леонида. Несколько секунд спустя он, наконец, разобрал в полутьме переулка, что перед ним стоит советский офицер. Девочка, до того бившаяся в руках насильника, затихла, с надеждой смотря огромными глазами на своего спасителя.

— Ру... руссиш швайн? — пьяно осведомился немец, оттолкнув подростка и потянувшись к кобуре.

— Хенде хох, мразь, — последнее предупреждение никак не подействовало на насильника, попытавшегося выхватить пистолет.

Грохнувший выстрел нарисовал на лбу немца аккуратную дырочку. Подойдя к телу, Васильев выстрелил еще раз, вымещая на нем свою накопившуюся за прошлый год злобу за погибших товарищей.

Повернувшись к испуганно сжавшейся девочке, Леонид улыбнулся и максимально спокойным голосом сказал:

— Все хорошо, не волнуйся, тебя больше никто не обидит, — после чего протянул руку.

Прижимаясь к стенке, девочка робко вышла из темного угла, обходя тело. Васильев, тем временем, наконец, рассмотрел спасенную, поняв, почему немец к ней полез. Девочка, несмотря на то, что ее возраст составлял лет тринадцать-четырнадцать, была очень красива. Черные волосы, большие глаза, точеная фигурка. Через несколько лет это будет действительно прекрасная девушка.

— Я — майор Леонид Васильев, — голландского советский офицер не знал и попробовал представиться древнейшим методом, попросту ткнув в себя рукой.

— Леонид, — повторил он, наблюдая за реакцией девушки.

— Одри, — тихо ответила та, косясь на тело в серой форме. — Одри Ван Хеемстра.

— Какие у вас, голландцев, однако, имена, — Васильев улыбнулся еще раз. Заметив, что девушку бьет непрекращающаяся дрожь, он вспомнил, что где-то у него должен быть шоколад. Наконец, найдя остатки плитки, Леонид протянул их Одри, действуя медленно, чтобы не пугать ее лишним раз.

Та неуверенно покачала головой. Но, подбадриваемая советским офицером, все же взяла кусочек.

Вдалеке послышался топот — видимо одному из патрулей все же сообщили о выстреле.

На счастье Васильева, примчавшиеся солдаты были из советского контингента. Быстро объяснив им произошедшее, майор услышал, что это не первый случай за последние пару дней. Пообещав навеститься в комендатуру с утра, Леонид вернулся к напряженно стоящей девушке.

Подойдя к Одри, Васильев прикинул, что ее надо бы отвести домой, но он понятия не имел, как ее об этом спросить — голландские разговорники им еще не выдали, а знания иностранных языков Леонида ограничивались слабым английским и несколькими фразами на немецком...

— Вере ду ю лив?³ — офицер все же решил попробовать английский. Европа, как-никак. Может знает...

По распахнувшимся глазам девочки, Леонид понял, что английский она если и не знает, то уж понимает точно.

---

³ Где ты живешь?

— Донт би скэрэ, ай джаст вонт ту хелп ю ту гоу хоум.⁴

Еще несколько секунд помолчав, девушка глубоко вздохнула, и, словно решив что-то для себя, вдруг залопотала скороговоркой, в которой Васильев не понял даже и половины.

В конце концов разобравшись, Леонид доставил девушку домой, сдав на руки матери. Одри в двух словах рассказала той о произошедшем, после чего серевшая с каждым словом женщина рассыпалась в благодарностях к советскому офицеру и пригласила того поужинать с ними.

Догадываясь, что в еще недавно оккупированной немцами Голландии вряд ли царит продуктовый рай, Леонид отказался и уже собрался уйти, как встретил сразу два неожиданных препятствия. Первым было его собственное нежелание вот так просто уходить. С другой стороны, объедать совсем не барствующую семью тоже не особо-то и хотелось. Ну и второй проблемой было расстроенное выражение лица девушки, для которой появившийся из ночной тьмы спаситель явно представлялся кем-то вроде принца на белом коне. Да и мать Одри, госпожа Ван Хеемстра, решительно настаивала на том, чтобы «мэйджор Василэв» остался.

В конце концов, сдавшись совместному напору женщин и собственного подсознания, Леонид согласился.

Парой часов позже, уходящий майор протянул Одри быстро набросанный на вырванном из блокнота листке адрес своей полевой почты.

— If something goes wrong... you understand. I always can try to help, — в этот раз, неожиданно даже для самого себя, офицер заговорил почти без акцента. — Or if you want to message me... It is no problem. Good?⁵

— Oh, thank you, — госпожа Ван Хеемстра еще раз улыбнулась советскому офицеру. — Thank you very, very much, sir, for everything you've done for my Audrey. I will never forget this.⁶

Направляющийся в распоряжение батальона майор вдруг подумал, что ему хочется увидеть письмо от Одри.

«Балериной хочет стать, ну надо же. Дядю расстреляли, братьев вроде как тоже, а столько добра в девчонке. Просто фантастика», — Васильев улыбнулся. И если бы его в этот момент увидел бы Шимазин, то уверенность Терентия насчет срочной необходимости женщины для его друга была бы поколеблена...

Большая Энциклопедия Советской Культуры, «Театр и кино» Научное издательство «Советская Энциклопедия». 1985 год

Одри Васильева-Растон. Урожденная Одри К. Растон. (англ. Audrey K. Ruston; р. 4 мая 1929 г., Брюссель). Одна из известнейших балерин XX века, также известная актриса советского кинематографа, многократная обладательница советских и международных наград.

История одной из знаменитейших женщин Советского Союза и всего мира настолько невероятна и захватывающа, что стала основой для множества кинофильмов различных жанров. Наиболее известна и популярна драма «Танец судьбы» (режиссер С. Герасимов), 1970 г. Большие кассовые сборы были также и у комедии «Встреча» (режиссер. Э. Рязанов), 1977 г.

---

⁴ Не бойся, я просто хочу помочь тебе добраться до дома.

⁵ Если что-то пойдет не так... вы понимаете. Я всегда могу попробовать помочь. Или если тебе захочется написать мне — это не проблема. Хорошо?

⁶ Спасибо, спасибо вам огромное, сэр, за все, что вы сделали для моей Одри. Я никогда этого не забуду.

Школьные годы Одри В.-Р. провела в Арнеме (Голландия), где жила с матерью после развода родителей. Училась балету в Арнемской консерватории, но когда Нидерланды были захвачены войсками нацистской Германии, занятия пришлось прекратить. В то же самое время, боясь преследования из-за английской фамилии, берет фамилию по матери — Ван Хеестра.

Учеба была продолжена лишь в конце сорок второго года, после освобождения Голландии советскими войсками.

Осенью же 1942 г. в жизни Одри В.-Р. произошло еще одно знаменательное событие — при весьма необычных обстоятельствах она познакомилась со своим будущим мужем — офицером Советской Армии, тогда еще майором Леонидом Васильевым (Л.А. Васильев, р. 1915 г., командующий Московским Военным Округом в 1960–1976 гг. Подробнее см. Большую Военную Энциклопедию, Научное издательство «Советская Энциклопедия», 1982 год).

Окончила Арнемскую консерваторию в 1945 году.

В августе 1947 года потеряла мать во время бомбежек т. н. АДА (Атлантический Демократический Альянс, 1946–1949 гг., империалистический союз США, Великобритании и некоторых государств Европы, Америки и Азии. Подробнее см. Большую Военную Энциклопедию, Научное издательство «Советская Энциклопедия», 1982 год).

В результате физической травмы и сильнейшего стресса некоторое время (08.1947–06.1948, по другим данным 08.1947–10.1948) страдала амнезией. Достоверные сведения о данном периоде жизни Одри В.-Р. отсутствуют.

Была найдена Л.А. Васильевым в госпитале города Энсхеме (Голландия) в мае 1948 г. Находилась на лечении в г. Москва с июня 1948 года.

По окончании лечения продолжила обучение в Московском хореографическом училище (ныне Московская Академия Хореографии), где брала уроки у О.В. Лепешинской и В.Ф. Нежинского. Уже в январе 1949 г. получает место в труппе Большого театра, к концу года становясь одной из его ярчайших звезд. На тот момент была одной из любимых балерин И.В. Сталина (согласно мемуарам А.Н. Поскребышева).

В 1950 г. поступает во ВГИК, что открывает Одри В.-Р. дорогу в кино. В 1951 г. последовала роль в романтической комедии «Московские каникулы» с В.В. Тихоновым, где Одри В.-Р. играет роль дочери президента Франции. Фильм был исключительно тепло принят как критикой, так и публикой, получив множество премий и наград.

В дальнейшем продолжает сниматься в кино, не оставляя, однако, и балет, блистая в «Лебедином озере», «Красном маке», «Призраке», «Алых парусах», «Щелкунчике», «Золушке» и др.

Напряженный график и тяжелые роды приводят к рецидиву амнезии (07.1955–09.1955 г.). Несмотря на это, уже 27 декабря 1955 года Одри В.-Р. выступает с балетом «Огненный шторм» в Театре Парижской оперы (Дворец Гарнье), впоследствии удостоиваясь награждения высшей степенью французского Ордена искусств и литературы (1.01.1957 г.)

Завершила балетную карьеру в 1965 г. Прямая трансляция последнего выступления Одри В.-Р. (балет «Прощание») до сих пор находится в пятерке по количеству просмотревших в отношении к количеству экранов. Музыка к балету была специально создана А. И. Хачатуряном. На данный момент балет считается одним из сложнейших.

В 1965 г. на экраны выходит эпопея «Война и Мир» (режиссер — С. Бондарчук), где Одри В.-Р. играет роль Наташи Ростовской.

В 1967 г. играет одну из своих лучших ролей. В драме Ф. Феллини «Осень в Париже» она исполняет роль Рене — смертельно больной девушки, возлюбленной успешного ученого, сыгранного М. Мastroяни.

Также были успешными роли в фильмах «Завтра», «Вечер одного танца», «Освобождение» и мн. др.

С 1973 г. Одри В.-Р. практически не снимается в кино, посвятив себя семье.

5 октября 1942 года Сибирь, город Будущее

Илья Петрович Кравченко поднял кружку с кофе и аккуратно отпил глоточек. Довольно зажмурился и откинулся в кресле. Жизнь явно налаживалась. Создание новых производств шло полным ходом, передача технологической информации из будущего была прекрасно организована, так что последние несколько дней Илья, наконец, смог нормально позаниматься одной из важнейших своих задач. А именно формированием советов по реорганизации системы... управления? Как точно назвать то, чем он занимался, молодой ученый не знал.

Зато он знал то, что решение вопроса вопросов — а именно то, как не допустить к власти идиота или подонка — дело совершенно необходимое.

Да и проблема воспитания «хомо советикус» тоже простой не была. И для нее, в отличие от многочисленных технических вопросов, готовых решений не было.

Ведь по сути своей человек — понятие системное, и, как любая система, стремится к состоянию покоя. Желательно на диване и перед телевизором. Последнее, конечно, не обязательно, но ситуации это не меняет. Ведь основной проблемой построения коммунизма является не экономика — она, конечно, важна, но явно недостаточна.

Обеспечить основные потребности населения можно за пару десятков лет — а теперь, когда в распоряжении советских инженеров и ученых оказались многочисленные технологии далекого будущего, то, скорее всего, гораздо быстрее. Взять, хотя бы, несколько тысяч смартфонов и прочих мобильных, переделанных для решения математических и прочих задач — а стоящие в них процессоры позволяли и не такое. Тем более что запущенный недавно в Будущем первый «суперкомпьютер» настоящего — транзисторный монстр с кучей узлов на лампах уже был на уровне года эдак шестидесятого. А то, может, и круче.

Так что здесь проблемы особой нет. С экономикой Союз справится — если, конечно, к власти не придет кто-нибудь вроде Хруща, разваливающего все одним касанием.

И вот как обеспечить этот барьер, чтобы власть не доставалась всяким мудодеям? Причем, надо понимать, что к власти наверху люди приходят снизу. А там такие кадры попадают, что просто диву даешься...

Значит что? Правильно — отсеб должен идти с самого начала. Со школы. Психологические тесты и тому подобные штуки.

Далее. Возрадуемся тому, что у докторов провалившихся в прошлое бригад имелось в распоряжении аж два МРТ. Магнитно-резонансных томографа то бишь. Плюс, у одного из фельдшеров, учащегося на врача на заочном, имелся вполне себе серьезный труд по медицинской технике. А значит что? Значит, скоро МРТ будет создан и в СССР. Ну, как скоро — лет пять-десять. А на этот срок Иосифа Виссарионовича хватит.

Почему же такая важность именно томографа? Да потому, что эта штука — самый совершенный детектор лжи. Вы можете научиться контролировать свое тело, но контроль собственного мозга... Если вы знаете, что лжете — активна будет совсем другая часть мозга, чем если вы говорите правду. И МРТ это высветит.

Конечно, нужны исследования. Насколько знал Илья, даже там, в двадцать первом веке, они были совсем не закончены. Но там они велись чуть ли не на голом энтузиазме. И при скудном финансировании. Здесь же — полная государственная поддержка. Еще лет пятнадцать на результаты?

Но это отведет от власти лишь откровенных преступников — а ведь есть полно людей, которые будут рушить все вокруг в святом убеждении, что именно это и надо, чтобы осчастливить человечество. Ага, за пятьсот дней...

Плюс простой народ. Как заставить его самообразовываться? Ну снизит Советская власть рабочий день до семи, шести, пяти часов. И что дальше? Как заставить людей не валяться перед телевизором, а почитать интересную книжку, поучить что-нибудь? Как победить извечную лень любого нормального «хомо сапиенс»?

На этот вопрос ответа у Ильи не было...

5 ноября 1942 года Где-то в СССР

Майор Антонов внимательно наблюдал за группой тренирующихся офицеров, изредка делая пометки в небольшом блокноте. Это было уже третье подразделение преодолевающее новенькую полосу препятствий.

— Как наши подопечные? — появившись рядом, неторопливо жуящий булочку Веткач с интересом посмотрел на двигающихся аккуратными перебежками будущих спецназовцев.

— Эти неплохо идут, — меланхолично отметил Владимир. — Почти на полторы минуты лучше предыдущей группы.

Если честно, инструкторская работа Антонову не очень нравилась. Но куда деваться? Партия сказала: «Надо!»

Тем более что Сталина очень заинтересовали возможности подразделений специального назначения. Если несколько правильно подготовленных и должным образом оснащенных диверсионных групп способны сорвать войсковую операцию приличных масштабов, то массовое их применение в теории вообще парализует противника.

Эту идею, кстати, вождь вынес из оборонительной доктрины Северной Кореи.

С другой стороны, в укреплении этой идеи ему также помогло изучение опыта локальных конфликтов второй половины двадцатого века — вроде операций Родезийского и Советского спецназа, описание которых читалось как ненаучная фантастика... Взять тот же штурм дворца Амина, закончившийся соотношением потерь 1:20 в пользу советских бойцов... Да и опыт так и не ставшей реальностью «рельсовой войны», когда партизанские отряды на сорок процентов снизили поставки Вермахта, тоже лишним не оказался.

Так что Советскую теперь уже армию ждало образование нескольких бригад специального назначения. И, судя по всему, мир ждало еще немало «принуждений к социалистичности»...

31 декабря 1942 года Подмосковье, дача маршала Ледникова

Сидя в кабинете, полководец, спасший Союз, неспешно пил армянский коньяк, и наблюдал за кружащимися снежинками, медленно опускающимися с темного неба. На часах было девять часов вечера, гости уже усаживались за столы, а ему хотелось побыть одному, подумать и помечтать.

Самая страшная война в истории закончилась для СССР относительно бескровно. И понесенные экономические потери были с лихвой покрыты за счет стран бывшей Оси. Европа почти вся под контролем Союза. Чего еще желать?

Но мысль о том, что враг — там, за океаном — не успокоится, не давала покоя. С другой стороны, Сталин, внимательно изучив все доступные материалы из будущего о причинах развала Советской системы, явно сделал определенные выводы.

Проблемы в сельском хозяйстве? Решат. И без всякой целины. Все-таки даже нищая постперестроечная Россия умудрялась быть хлебным экспортером. Без голода собственного населения, как Российская Империя. С другой стороны, быть может пора развивать не «кукурузу за полярным кругом», а логичное для страны с нашим климатом животноводство?

Возможно. Решать все равно вождю. Но он хотя бы серьезно к этому решению подойдет.

Вспомнив про грязь, которой поливали Сталина, Ледников грустно покачал головой. Столько вранья и лжи... А ведь Иосиф Виссарионович всегда выслушивает мнения экспертов, перед тем как принять решение.

Вот и квартирный вопрос — количеству активно возводимых заводов по производству

железобетона и кирпичей позавидовал бы даже Китай на пике своего могущества. Учитывая, что имелась угроза ядерной войны — хотя бомбы не было пока еще ни у кого — вождь принял решение в стиле Ленина. Точнее звучало оно, почти как у главы мирового пролетариата: «лучше меньше да больше». Сибирь будут застраивать сотнями маленьких городков — максимум тысяч на сто-двести населения. Хотя, впрочем, не только Сибирь. Но по факту — большего количества мегаполисов, чем уже есть, СССР не нужно.

До сверхскоростных железных дорог Союзу еще пока далеко. Хотя та же Япония умудрилась пустить первый суперэкспресс в 1964 году. Всего девятнадцать лет спустя после невероятно разрушительной войны, фактически уничтожившей всю ее экономику. Правда, Вознесенский, глава Госплана, упоминал, что вождю чрезвычайно понравилась идея струнного транспорта. В основном, своей дешевизной. Если не учитывать затраты на разработки и исследования, то этот вид транспорта выигрывает у остальных по всем статьям.

Компьютеры, опять же, делают. Теперь, по окончании мировой бойни Союз может позволить себе траты ресурсов на исследования ЭВМ. Пока, насколько знал Ледников, все еще использовались лампы, но скоро придет очередь полупроводников...

Интересно, с каким годом можно сравнить состояние промышленности СССР? С одной стороны, налаживается производство невероятных, по нынешним меркам, вещей. С другой, культура производства та еще. Даже на одном заводе умудряются частенько выпускать невзаимозаменяемые детали. То есть заменять друг друга они могут — это, конечно, да. Только для этого обычно нужна кувалда или что-нибудь в этом роде.

Но это дело поправимое. Еще лет десять и...

Ледников покачал головой. Никаких десяти лет у Союза, скорее всего не будет. Дряхлеющий лев и матеряющий тигр не захотят делиться с медведем несправедливо нажитым добром. И, поднабравшись сил и опыта в войне с микадо, направят все свои усилия на уничтожение Советского государства. Естественно, понабрав к себе в банду кучку шакалов.

И вот еще вопрос — бразильцы. За кого они? Приезжавший в Москву Гаспар выглядел вменяемым и адекватным. И утверждал, что Бразилия Союзу друг. Но как оно на самом деле?

Лаврентий Георгиевич сделал внушительный глоток и поставил пустой бокал на стол. Усмехнулся. Да ни за кого они — только за себя. Было бы выгоднее и безопаснее подпрячься за США — они бы ни секунды не раздумывали.

Ладно, вернемся к нашим баранам. Волновала преемственность политики. С одной стороны, Хрущев — уже давно труп. Как, в общем-то, и Булганин. Почему Сталин пощадил Маленкова — тот еще вопрос. За хорошую работу, наверное.

Но это не давало гарантий. С другой стороны, на сцене появился Рокоссовский. Нынешняя верхушка его недооценивает, считая очередным порученцем вождя и ничем более. Но с другой стороны... Чувствуется, что Иосиф Виссарионович задумал нечто поболее обычного стравливания враждующих группировок. Хотя бы потому, что маршал ни к одной из них не принадлежал. И не принадлежит. Как, в общем-то, и сам Ледников.

Поднявшись, немолодой военачальник неторопливо прогулялся по кабинету, словно копируя привычку Хозяина думать в движении. Неожиданно, в голову маршала пришла необычная мысль.

Интересно... а не готовит ли Сталин Рокоссовского себе в преемники? А что... только за последние полгода, Константин Константинович занимался десятком важнейших и совершенно разноплановых проектов. И хотя на данный момент большинство из них было связано с делами военными, то часть явно этим не ограничивалась — взять хотя бы производство новых авто.

Хм. Такое ощущение, что вождь проверяет Рокоссовского, давая ему разноплановые задачи и смотря, как он будет их решать.

Ладно, еще через пару лет это станет понятно...

— Лаврентий Георгиевич? — в дверь заглянула Антонина Сергеевна, бывшая в доме маршала кем-то вроде горничной.

Военачальник не ответил, просто лишь повернув голову, показывая, что слушает.

— Все товарищи уже за стол сели, только вас ждем, — немножко виновато пояснила та, заметив на столе Ледникова несколько листочков и решив, что тот работает.

— Сейчас иду уже. Буквально пять минут, — и, улыбнувшись, маршал кивком отправил женщину обратно.

Что ж. Впереди нас ждет новый, сорок третий год. В так и не случившейся истории в это время все еще шли бои за Сталинград, впереди был Курск и десятки других битв. А нас... нас ждет мирный год. И будем надеяться, что и за ним последует такой же.

Плеснув в бокал чуток коньяка, Ледников отсалютовал портрету Сталина, прошептав тост, который говорил всегда:

— Пусть наступающий год будет самым лучшим из тех, что был, и самым худшим из тех что будет!